Проблемы археологии Южной Руси

МАТЕРИАЛЫ
«ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
ЧЕРНИГОВ И ЕГО ОКРУГА В IX—XIII вв.»
ЧЕРНИГОВ, 26—28 СЕНТЯБРЯ 1988 г.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЧЕРНИГОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им.Т.Г.ШЕВЧЕНКО

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ РУСИ

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА "ЧЕРНИГОВ И ЕГО ОКРУГА В IX–XIII вв."

Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.

Киев Наукова думка 1990

Проблемы археологии Южной Руси: Материалы ист.-археолог. семинара "Чернигов и его округа в IX–XIII вв.". Чернигов, 26–28 сент. 1988 г. / АН УССР. Ин-т археологии и др.; Редкол.: П.П.Толочко (отв. ред.) и др. – Киев : Наук. думка, 1990. – 140 с.

В сборнике освещаются основные проблемы археологии Южной Руси: происхождение и становление раннефеодальных городов, их топографическая структура и социальная типология; развитие ремесла и торговли; сельского хозяйства и промыслов; изучение сельских поселений, где проживала основная масса населения, и погребальных древностей, содержащих огромные информационные возможности в изучении социально-экономического, этнического и идеологического развития древнерусского общества.

Значительное внимание уделено вопросам истории одного из древнейших городов Восточной Европы – Чернигова. Рассмотрены этапы формирования различных его частей, некоторые аспекты формирования черниговской архитектурной школы и строительного дела, экономический уровень развития округи.

Для историков, искусствоведов, археологов, краеведов и всех, кто интересуется древней историей нашей Родины.

Редакционная коллегия

П.П.Толочко (ответственный редактор), *А.П.Моця, Р.С.Орлов, А.Л.Казаков, В.П.Коваленко* (ответственный секретарь)

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам зарубежных стран, археологии и документалистике

Редактор *Т.Н.Телиженко*

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ РУСИ

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА "ЧЕРНИГОВ И ЕГО ОКРУГА В IX–XIII вв."

Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.

Художник обложки *С.В.Назаров*
Художественный редактор *И.П.Савицкая*
Технический редактор *Т.К.Валицкая*
Оператор *А.Н.Матюрина*
Корректоры *С.В.Лисицына, Е.И.Мазниченко, М.Е.Ролинская, Н.А.Стрелец*

ИБ № 11174

Сдано в набор 09.02.90. Подп. в печ. 17.04.90. Формат 70x108/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл. печ. л. 12,95. Усл. кор.-отт. 13,30. Уч.-изд. л. 15,78 + вкл. 0,60 = 16,38. Тираж 1500 экз. Заказ 0-110. Цена 3 р. 30 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина 3. Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев, 4, ул. Репина, 4.

П 0504000000-296
М221 (04)-90

Выпущено по заказу Института археологии АН УССР
© Институт археологии АН УССР, 1990

П.П.ТОЛОЧКО

ЗАДАЧИ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОЙ РУСИ

Происхождение древнерусских городов эпохи феодализма, их социальная, экономическая и политическая сущность, топографическая структура и их типология, проблемы истории древнерусского села и развития одной из важнейших сфер экономики – сельскохозяйственного производства; материалы некрополей и специфика информативных возможностей этого вида источников, повышение уровня историзма древнерусской археологии – вот лишь некоторые из задач историко-археологического изучения Южной Руси, нуждающиеся сегодня в первоочередном рассмотрении и разрешении. Круг именно этих проблем планируется освещать в ходе работ черниговского историко-археологического семинара.

Одним из главных объектов изучения древнерусской археологии был и остается город, что объясняется не только богатством археологических материалов в городском слое, но и необычайно широким спектром проблем, которые позволяют решать эти источники. Археологические исследования Киева, Чернигова, Галича, Переяслава, Вышгорода, Белгорода, Любеча, Воиня, Чучина, Звенигорода, Вщижа, Путивля позволили воссоздать яркую, хотя, разумеется, и далеко не полную картину истории их материальной культуры.

Вплоть до 60-х годов XX в. южнорусский город изучался преимущественно как феномен историко-культурного развития древнерусского общества. В последнее время определились и новые задачи. Стало очевидно, что древнерусский город необходимо рассматривать не только как средоточие высших духовных и материальных ценностей общества, но и как важнейшую социально-экономическую структуру, оказывающую решающее влияние на характер и темпы государственного и общественного развития.

Определенные успехи достигнуты в разработке проблемы происхождения южнорусских городов. Однако здесь сказываются и ограниченность источниковой базы, и неполнота разработки теоретических аспектов. В исследованиях, как правило, не разграничиваются задачи выяснения условий возникновения древнейших восточнославянских городов, рождавшихся вместе с древнерусской государственностью и являвшихся ее структурными элементами, и становления городов в системе оформившегося государственного организма. Неразработанной остается и социальная модель раннего города. Механическое перенесение понятия города развитого феодализма на начальную фазу его развития нередко приводит к некорректной постановке задачи. В результате ведутся поиски такого города, какого на Руси не было.

В историографии общепринято положение, согласно которому средневековый город возник в результате расщепления и дифференциации экономического базиса раннефеодальной деревни. Развивая данный тезис, мы не всегда правильно привлекаем известное марксистское положение о противоположности города – средоточия ремесла и торговли и деревни – средоточия земледелия. Акцент на этих оппозициях не способствует правильному пониманию социально-экономического содержания русского города. Древнерусские города в отличие от западноевропейских не были бюргерскими. В них наблюдается значительная концентрация феодалов, владевших земельными угодьями в земледельческой округе. Это способствовало постоянному притоку прибавочного продукта, производимого в сфере сельского хозяйства, в города, что, по существу, и было основой их бурного роста и развития.

Сказанное не означает, что можно ослабить внимание к ремесленному производству в древнерусских городах. Несмотря на значительные достижения в этой области, многое еще предстоит сделать. Научно-техническая революция, содействовавшая ста-

© *П.П.Толочко, 1990*
ISBN 5 12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

новлению единой системы знаний, углублению интеграции гуманитарных и естественно-технических наук, обеспечивает прочную основу для более качественного изучения техники и технологии древнерусского ремесла. По-прежнему перед исследователями стоит трудный вопрос о цеховом строе ремесла. Письменные источники, по существу, ничего не говорят об организационном строе свободного городского ремесла, археологические все еще фрагментарны. Ссылки на европейские примеры здесь неприемлемы. Слишком различны города Древней Руси и средневековой Европы.

Давно разрабатываются вопросы социально-топографической структуры южнорусских городов. Археологи, располагающие конкретными материалами, создали по некоторым из них полноценные историко-топографические труды. Однако до сих пор нет четкого представления о том, что было определяющим в социально-топографической структуре городов – древние родовые поселки или социальная дифференциация населения. В литературе неоднократно высказывалась мысль, что большинство древнейших южнорусских городов выросли на основе гнезд более ранних родовых поселков. Сама по себе она не вызывает возражений, однако ее принятие вовсе не означает, что и последующее развитие городов зиждилось на родо-племенной основе. Историческая топография Киева и Чернигова показывает, что уже в X в. их старая родо-племенная поселенческая структура оказалась разрушенной. Очень рано определился социально-топографический центр – детинец, сооруженный на месте одного из ранних поселений. Сложение социально-топографической структуры Киева или Чернигова отражает основные градообразующие закономерности, далеко выходящие за пределы Южной Руси. Их социально-топографическая двухчастность – небольшой детинец и огромный посад – обусловлена феодальной сущностью древнерусского города. Такая модель оставалась универсальной на протяжении всего древнерусского периода.

Важной проблемой древнерусских феодальных городов является социальная (или функциональная) типология. Их развитие характеризовалось не только общими закономерностями, но и частными, иногда весьма существенными, особенностями. Они обусловливались иерархической ранговостью городов, неравномерностью развития феодальных отношений, естественногеографическими условиями регионов, наличием (или отсутствием) внешней опасности, уровнем церковной организации, множеством других факторов. К разработке этой проблемы мы, по существу, только приступаем, но уже сейчас можно говорить о функциональных отличиях городов.

Одна из наиболее исследованных категорий археологических памятников в регионе – небольшие городища. В свое время В.И.Довженок, П.А.Раппопорт и другие археологи предприняли попытку их классификации и социальной типологизации. Полученные результаты вместе с новыми данными позволяют утверждать, что преимущественно это военно-феодальные поселения. Городки, входившие в оборонительную систему на юге, юго-западе и западе Руси, были военными крепостями с постоянными воинскими гарнизонами. Расположенные в глубинных районах южнорусских княжеств укрепленные поселения представляли собой центры феодального землевладения.

Южнорусская археология достигла заметных успехов в изучении одной из важнейших сфер экономики – сельскохозяйственного производства. В.И.Довженок создал фундаментальное исследование по данной теме, в которое, однако, почти не вошли материалы открытых поселений – из-за их отсутствия. И сегодня этот раздел древнерусской археологии продолжает отставать. Сделаны, по существу, только первые шаги. А между тем, именно на неукрепленных поселениях проживала основная масса населения, занятого в сфере сельскохозяйственного производства. Широкое исследование неукрепленных поселений даст материал для ответа на вопросы о структуре территориальной общины на юге Руси.

Большое место в изучении социально-экономического, этнического и идеологического развития древнерусского общества занимают материалы могильников. Особый интерес представляют дружинные некрополи возле крупнейших городов: Киева, Чернигова, Переяславля. При их исследовании на новом этапе необходимо систематизировать весь материал, попытаться дать ему четкое этнокультурное и хронологическое определение. При этом очень важно отойти от стереотипов мышления прошлого, объяснявших многое в курганных древностях сквозь призму влияний и заимствований. В некрополях старейших русских городов находим отражение жизни восточных

славян, в том числе периода сложения их государства и формирования феодально-производственных отношений.

Заметное увеличение фонда источников, связанных с изучением могильных древностей ставит перед учеными новые задачи. Прежде всего необходимо четко определить границы информативных возможностей этих источников: в какой мере в них отразились реалии земной жизни и как на их основе можно решать вопросы реконструкции различных структур древнерусского общества. Изучая проблему социального состава южнорусского общества на основании анализа курганных древностей, исследователи не всегда учитывают фактор неодновременности исторического явления и его закрепления в погребальной обрядности. Это характерно для явлений, отражавших не только базисные структуры, но и надстроечные. Взять хотя бы смену религий. Утверждение христианской идеологической системы привело к возникновению новой погребальной обрядности, однако произошло это не сразу, в ней долго сохранялись старые языческие элементы (тризна, посыпание покойника золой, курганная насыпь, горшки в могилах и др.). Видимо, нельзя слишком прямолинейно увязывать смену погребальной обрядности с изменениями в области социально-экономического развития восточнославянского общества. Связь этих явлений несомненна, но не непосредственная. Причинность перехода от одного погребального обряда к другому следует искать в области идеологических и этнопсихологических представлений, которые складывались под воздействием множества факторов.

Перспективным направлением археологии, способным вывести ее на качественно новый уровень, является историческая демография. К сожалению, археологи в свое время слишком доверчиво восприняли вывод демографов о недостаточности фактического материала и информативной слабости наук, занимающихся ранними периодами истории, а следовательно, и об их неспособности обогатить историческую демографию. В последнее время положение начало меняться. Определился плотный контакт археологической науки с демографией и исторической географией. Оказалось, что отсутствие статистических данных в письменных источниках не является непреодолимым препятствием для историко-демографических исследований. Археология располагает здесь собственным методом демографических расчетов на базе данных о площади поселения, размерах усадеб, количестве их одновременного функционирования.

Магистральный путь развития археологии вообще и древнерусской в частности – это историзм ее содержания. Археологическое источниковедение – необходимый, но промежуточный этап наших исследований и призвано служить лишь основой для последующих исторических реконструкций. Воссоздание исторического процесса во всей его полноте и многообразии не мыслимо без учета основных закономерностей развития общества, важнейшей из которых является функциональная связь между материальной культурой, материальными условиями жизни и социально-экономическими структурами.

Истинный историзм археологии сегодня определяется совершенствованием методического арсенала изучения археологических источников. В последние годы в этой области обозначились существенные сдвиги, хотя здесь обнаруживаются и некоторые издержки. В тех работах, где методический арсенал – самоцель, там химические анализы, математические формулы, статистические таблицы, всевозможные гисто- и пластограммы создают иллюзию научности, уводят исследователя от необходимости исторических реконструкций.

* * *

Перечисленные проблемы затрагивались в докладах участников второго семинара "Чернигов и его округа в IX – XIII вв.", который состоялся в сентябре 1988 г. в г. Чернигове.

В последующих статьях освещается развитие Черниговщины в условиях перестройки (В.М.Половец), а также крупное событие в истории отечественной археологии – XIV Археологический съезд, проходивший в г.Чернигове летом 1908 г. (А.Б.Коваленко).

Одни авторы остановились на историко-археологической проблематике, связанной непосредственно со столицей Черниговского княжества (М.Ю.Брайчевский, В.П.Кова-

ленко, А.Л.Казаков, Р.С.Орлов, П.Н.Гребень, А.В.Потапов), другие – на исторической ситуации конца I тыс. н.э., которая сложилась в центральных районах Верхнего и Среднего Поднепровья (Е.А.Шмидт, В.А.Петрашенко, А.В.Григорьев).

Выделяются статьи, посвященные археологическим и архитектурным памятникам Черниговской земли (О.А.Макушников, Ю.Н.Сытый, О.А.Трусов) и, в частности, сельскохозяйственной округи (В.В.Приймак, А.В.Шекун, Е.М.Веремейчик).

Представляют интерес работы по изучению ремесленного производства на территории южнорусских земель (Г.А.Вознесенская, Л.С.Розанова, Л.И.Виногродская), погребального обряда (А.П.Моця, В.Н.Гурьянов и Е.А.Шинаков), межрегиональных контактов (В.И.Кулаков, В.А.Булкин и В.Н.Зоценко).

Тематика представленных работ в какой-то степени выходит за рамки черниговского региона, что и определило название сборника.

В.М.ПОЛОВЕЦ

ЧЕРНИГОВЩИНА НА ПУТЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Рассматриваются основные итоги общественно-экономического развития Черниговской области за последние годы. Особое внимание уделяется изменениям в различных сферах жизни, произошедшим после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС,анализируются причины имеющихся в области недостатков и пути их преодоления.

Последние годы в жизни страны с полным правом можно назвать поворотными: от застоя в экономике, политике, духовной сфере к возрождению, раскрепощению здоровых сил, к обновлению самой социалистической идеи, вызволенной из плена заскорузлых догм и обретшей вновь революционное ленинское содержание.

"Стратегический курс партии, – отмечается в Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС, – состоит в том, чтобы осуществить переход к экономике высшей организации и эффективности со всесторонне развитыми производительными силами, зрелыми социалистическими производственными отношениями, отлаженным хозяйственным механизмом"[1].

Послеапрельский опыт неопровержимо показывает: перестройка – единственно правильный выбор. Иного пути у нас нет, и это находит полное понимание у трудящихся Черниговщины.

Соответственно строится и работа областной партийной организации, разработавшей и последовательно осуществляющей систему взаимосвязанных мероприятий по практической реализации политики перестройки.

Фундамент сильной социальной политики – эффективная экономика. В области, как и в целом в стране, она начинает избавляться от затратных валовых подходов, все больше поворачивается лицом к человеку.

Прочно входит в жизнь радикальная экономическая реформа как главный рычаг осуществления крупномасштабных преобразований.

Предприятия производственных отраслей и агропромышленного комплекса перешли на полный хозрасчет и самофинансирование. Преодолеваются трудности отладки хозяйственного механизма, перестраивается планирование, финансирование и кредитование.

В настоящее время общий объем валовой продукции области составляет около 6,2 млрд руб. в год. По производству отдельных видов промышленной продукции Черниговщина занимает ведущее место на Украине. На ее долю приходится 21,4 % добываемой в республике нефти, 33,6 % химических волокон, 43,8 % – шерстяных тканей, 100 % пианино. Промышленная продукция экспортируется в 40 стран мира[2].

Обнадеживают первые результаты перестройки экономики. В 1986 – 1988 гг. абсолютный прирост промышленной продукции был в 2,4 раза выше, чем в первые три года одиннадцатой пятилетки.

Среднегодовые темпы прироста по производительности труда составили 5 % против 2,3 % за годы одиннадцатой пятилетки.

© В.М.Половец, 1990

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

Предприятия области продолжают работу по механизации и автоматизации производства, внедрению передовых технологических процессов, освоению новых видов продукции. В среднем за год текущей пятилетки по сравнению с прошедшей значительно возросло количество внедренных предприятиями металлорежущих станков с числовым программным управлением – с 4 до 50 единиц, новых прогрессивных технологических процессов – с 208 до 467, освоение новых видов машин, оборудования, приборов, аппаратов – с 9 до 16.

Объем валовой продукции сельского хозяйства возрос более чем на 100 млн руб. и составил в среднем за год около 2,3 млрд руб.

Среднегодовое производство зерна по сравнению с предыдущей пятилеткой увеличилось на 201,4 тыс. т, сахарной свеклы – на 123 тыс. т, овощей – на 15,4 тыс. т. Наблюдался определенный рост среднегодового производства продукции животноводства. По продаже государству мяса и молока область вышла, соответственно, на третье и пятое места в республике.

Продолжает развиваться кооперативное движение. На начало 1988 г. в области действовало 36 кооперативов. Выручка от реализации работ и услуг, оказываемых кооперативами, составила 11,6 млн руб.

Вместе с тем возможности, открываемые экономической реформой, в области использованы не в полной мере.

Многие промышленные предприятия не выполняют задания по росту производительности труда.

Остается низким технический уровень продукции машиностроения. Лишь 8,2 % от общего объема выпускаемой продукции соответствует мировому уровню.

На многих производствах велика еще доля малоквалифицированного ручного труда. Только в промышленности она охватывает примерно 25 тыс. человек. В то же время каждый четвертый станок с программным управлением, почти половина роботов простаивают.

Не произошло коренных сдвигов в капитальном строительстве. С начала пятилетки отставание по введению основных фондов производственного назначения и освоению капитальных вложений составило, соответственно, 15 и 44 млн руб.

Из-за физической изношенности, слабой ремонтной базы, отсутствия запасных частей допускаются большие простои строительной техники.

Вызывает тревогу сложное положение в агропромышленном комплексе. Показательно, что 25 колхозов и совхозов нерентабельны.

Все эти недостатки порождены прежде всего медленным внедрением экономических методов управления, затратным характером развития производства, недостаточным использованием экономических рычагов и стимулов, формализмом в переходе на хозрасчет и самофинансирование.

Перестройка рассчитана на знания, ум и опыт каждого человека, лучшие его черты. Работая на перестройку, каждый работает на себя, на благополучие своей семьи, на процветание нашей Родины.

Именно через понимание этого, через демократизацию всей общественной жизни можно выйти к тем идеалам, ради которых была осуществлена Великая Октябрьская социалистическая революция, в полной мере включить человеческий фактор в реальные процессы революционного обновления, управления и самоуправления.

Первые шаги сделаны здесь и в нашей области, в частности, в вопросах выборности работников руководящего звена. В коллективах уже избрано около 2000 руководителей разных рангов при обсуждении не меньше двух кандидатур, в том числе первые секретари и секретари горкомов и райкомов партии, руководители крупных промышленных предприятий, секретари райкомов комсомола и другие категории работников. На альтернативной основе прошли выборы народных депутатов СССР.

Новая идеология хозяйственного управления, основанная на принципах социалистического демократизма и самоуправления, значительно расширяет возможности использования хозрасчета и самофинансирования.

Реализуя задачи перестройки, областная партийная организация исходит из установки XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, что развитие общества, начиная с экономики и кончая духовно-идеологической сферой, должно быть направлено на удовлетворение потребностей человека, на его всестороннее развитие[3]. Поэтому социальная переориентация экономики является одним из основных направлений нашей работы.

В центре внимания находятся вопросы улучшения обеспечения населения продовольствием.

С этой целью осуществляются меры по совершенствованию производственных отношений в агропромышленном комплексе, укреплению его материальной базы, улучшению социальных условий жизни на селе.

Приобретен первый опыт по отладке хозяйственного механизма. В 230 колхозах и совхозах создано около 500 арендных коллективов. Действуют свыше 100 сельских кооперативов.

За счет интенсификации земледелия и животноводства за последние годы сверх плана реализовано 81,7 тыс. т зерна, 106,3 тыс. т молока, 45,3 тыс. т мяса.

Однако продовольственный вопрос еще далек от его окончательного решения. Ставится задача повысить отдачу земли и производительность животноводства минимум в 1,3 раза по сравнению с достигнутым уровнем, намного лучше использовать потенциал подсобного хозяйства, особенно для увеличения производства мяса и молока, укрепить базу переработки и сохранения сельскохозяйственной продукции, из-за слабости которой ежегодно за пределы области вывозится свыше 20 тыс. т скота, 150 – 190 тыс. т сахарной свеклы.

Сейчас ведется реконструкция Бахмачского и Новгород-Северского птицекомбинатов, строится мясокомбинат в Щорсе, наращиваются мощности подобного предприятия в Прилуках. В следующей пятилетке будут построены четыре больших консервных цеха облпищепрома, создано надежное холодильное хозяйство в каждом районе.

Предстоит большой объем работы в области социального переустройства села. Здесь за последние 18 лет количество населения сократилось более чем на 360 тыс. человек, или в полтора раза.

Особенно острой является проблема развития полесской зоны.

Во многих селах нет элементарных условий для жизни. 440 населенных пунктов не имеют дорог с твердым покрытием, уровень газификации сел составляет лишь шесть процентов к потребности, квартир на одного сельского жителя строится втрое меньше, чем в городе, 18 школ, где учится 2700 детей, находятся в аварийном состоянии или в приспособленных помещениях, многие села не имеют клубов, бань, элементарных спортивных сооружений, каждый седьмой сельский магазин не отапливается, а в 50 малых селах вообще нет торговых точек.

Одна из самых острых социальных проблем – жилищная. Ежегодный ввод в эксплуатацию жилых домов по сравнению с одиннадцатой пятилеткой увеличен на 24,9 %. В результате за 3 года новые квартиры получили 22,5 тыс. семей. Уровень обеспеченности населения области жильем возрос на 5,4 %.

В настоящее время улучшения жилищных условий требуют более 44 тыс. семей. Для того чтобы справиться с поставленным партией заданием – обеспечить каждую семью до 2000 года отдельной квартирой или домом – планируется ежегодно вводить не менее 10 тыс. квартир.

Весьма ответственна строительная программа на селе. К концу пятилетки здесь предстоит построить не менее 6 тыс. квартир и жилых домов, 43 школы и дошкольных учреждений, более 100 магазинов и столовых, 95 домов для ветеранов, 7 клубов и домов культуры, ряд других объектов.

Преодолевается принцип остаточного финансирования народного образования. За годы реформы школы расходы на развитие этой сферы увеличились почти в 1,5 раза. Построены и реконструированы 5 комплексов профтехучилищ, более 50 общеобразовательных школ на 15 тыс. ученических мест, около 100 детских дошкольных учреждений.

Меняется отношение к школе и со стороны местных органов власти, руковод-

ства предприятий, колхозов и совхозов. К примеру, из 13 школ и 25 детских дошкольных учреждений, введенных в прошлом году, соответственно 5 и 20 построены за их счет. Выделяемые предприятиями, колхозами и совхозами средства составляют почти 30 % всех капиталовложений, используемых на эти цели.

Приняты необходимые решения по перестройке здравоохранения. Увеличены средства для улучшения медицинского обслуживания, а также материально-бытовых условий жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Повышены нормы расходов на питание больных, приобретение медикаментов, оборудования и инвентаря в учреждениях здравоохранения, вводится всеобщая диспансеризация населения.

Возросло число больничных коек на 10 тыс. человек населения – с 135,2 до 141,9, численность врачей – с 30,8 до 32,4, среднего медицинского персонала – с 100,8 до 107.

Построены новые лечебные учреждения – корпуса Черниговской детской и стоматологической поликлиник, Прилукской городской, ряда центральных районных больниц, домов-интернатов для престарелых, около 90 фельдшерско-акушерских пунктов. Однако, качество и культура медицинской помощи все еще отстают от современных требований.

Политический характер приобретают сегодня вопросы охраны окружающей среды. Несмотря на принимаемые меры, экологическая обстановка в области остается весьма сложной. Дают о себе знать последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Отсутствие канализации и очистных сооружений во многих городах и на промышленных предприятиях приводит к загрязнению рек. Внушает опасения состояние воздушного бассейна над Черниговом.

Серьезной проблемой остается выпуск товаров народного потребления и оказание услуг населению. Уровень насыщения рынка не отвечает возросшим потребностям и возможностям жителей области. Ежегодно в области с учетом платежеспособного спроса не хватает товаров на сумму 100 млн руб. На сберегательных книжках накоплено 3 млрд руб., а годовой товарооборот составляет только 1,5 млрд руб.

Динамичные, но весьма противоречивые, неоднозначные процессы происходят в общественно-политической жизни области. Наблюдается быстрая политизация широких масс населения. Заявили о себе так называемые неформальные организации. В этих условиях особую актуальность приобретает конструктивное сотрудничество, консолидация всех здоровых сил общества. Выполнить эту миссию призвана прежде всего партийная организация области.

Медленные темпы перестройки экономической сферы, форм и методов работы партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, нарушения принципов социальной справедливости способны породить социальную напряженность. Об этом свидетельствуют многолюдные митинги, состоявшиеся в январе–феврале 1990 г. в Чернигове, Борзне, Городне, Репках и других городах области.

В укреплении морального здоровья общества, в движении за перестройку большая роль принадлежит культуре.

Возведен мемориал на Болдиной горе, реставрирован ряд памятников архитектуры, новые помещения получили театр для детей и юношества, Дворец торжественных обрядов, заявил о себе Центр патриотического и интернационального воспитани . Появились десятки музеев и музейных комнат. Всего за три года в области возведено более 300 объектов соцкультбыта.

Возрождается народное творчество. В Чернигове рядом с известным хором "Десна" появился хоровой коллектив радиоприборного завода, эстрадно-симфонический оркестр. В Нежине зазвучали хоровые коллективы "Нежинсельмаша" и механического завода. Высокое исполнительское мастерство демонстрирует сребнянская мужская хоровая капела. Целое созвездие фольклорных ансамблей увидели жители на республиканском телеконкурсе "Сонячні кларнети".

Литераторы смелее вторгаются в сложную проблематику обновления, идут вглубь художественного осмысления жизни. Голос черниговских поэтов Дмитрия Иванова, Станислава Репьяха, Василия Буденного слышен по всей республике. Жизненно важные проблемы затрагивают в своих произведениях Виталий Москалец, Петр Куценко, Ни-

колай Турковский, Петр Дидович, Иосиф Павлив, Николай Адаменко, Борис Нарижный, Таисия Шаповаленко.

Яркие полотна о жизни современной Черниговщины создали художники Владимир Емец, Анатолий Шкурко, Виктор Трубчанинов, Михаил Прокопюк.

Появляются и новые песни наших композиторов – Александра Пушкаренко, Владимира Горленко, Ивана Зажитько и др.

Перестройка поставила в ряд первоочередных задач гармонизацию межнациональных отношений, усиление патриотического и интернационального воспитания населения.

Сейчас многое делается для пропаганды украинского языка, культуры, национальных традиций, истории родного края. Общественность беспокоит судьба богатого историко-культурного наследия, состояние многих памятников старины, низкие темпы реставрационных работ.

Перестройку могут двигать вперед только гармонично развитые люди. Отсюда – внимание развитию физической культуры и спорта, ее материальной базы. В Чернигове намечается строительство физкультурно-оздоровительного комплекса, ведутся подготовительные работы к проектированию Дворца здоровья и спорта, проектируется первая очередь 50-метрового плавательного бассейна. Большие средства вложены в реконструкцию стадиона им. Ю.Гагарина. Трудящиеся Черниговщины активно включились в процесс перестройки, демократизации общественной жизни, стремятся выйти на новые рубежи в социалистическом строительстве.

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С. 101 – 102.
[2] Черниговщина за 70 лет Советской власти: Юбил. стат. сб. – Чернигов, 1987. – С. 7.
[3] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1988. – С. 87.

М.Ю.БРАЙЧЕВСКИЙ

ЧЕРНИГОВСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ДОМ И АВТОР "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Пересматривается распространенное мнение о черниговском происхождении Автора "Слова о полку Игореве" и его непосредственных связях с черниговским княжеским домом. На основе критического анализа "Слова" и летописных статей, отражающих события этого периода, доказывается отрицательная репутация черниговской княжеской династии Ольговичей, отрицается сам факт участия Автора в походе 1185 г. и его связь с Чернигово-Северской землей.

В литературе, посвященной "Слову о полку Игореве", до сих пор распространено ошибочное мнение о черниговском происхождении Автора и его непосредственных связях с черниговским княжеским домом. Возникновение этой версии восходит к рубежу XVIII – XIX в., когда образованные круги Российской империи впервые познакомились с гениальнейшим произведением древнерусской литературы.

Впечатление от этого знакомства оказалось довольно своеобразным. Само произведение не было оценено надлежащим образом. Художественная неординарность поэмы, необычность ее построения, "рапсодичность", столь далекая от канонов классицизма, свобода авторской мысли – все это раздражало читателя, настраивая его на критический лад. Энтузиазм вызвало другое: подтвердившийся факт наличия в Киевской Руси художественной поэзии (неудачным образцом которой и было объявлено "Слово"). "Оказывается, и при дворах наших князей были свои барды и менестрели" – вот лейтмотив тогдашнего восприятия.

Наибольшую сенсацию вызвало имя Бояна, которого слишком эмоциональные современники А.Мусина-Пушкина поспешили возвести в ранг величайшего певца отечественной древности, ее своеобразного лидера. Боян стал "властителем дум"; его именем заклинали едва ли не все тогдашние версификаторы; оно прочно затмило собою Автора Игоревой песни.

©М.Ю.Брайчевский, 1990
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

Невероятно, но факт: Н.М.Карамзин, надумавший издавать "Пантеон российских авторов", включил в него Бояна (из произведений которого он не знал ни строчки), тогда как Автор "Слова о полку Игореве" такой чести не удостоился.

Одним из важнейших обстоятельств, породивших столь удивительную реакцию, было то, что среди читательской аудитории, даже ее наиболее подготовленной части, не оказалось лиц, достаточно хорошо владеющих древнерусским языком, ни глубоких знатоков отечественной истории, способных адекватно усвоить текст новооткрытого произведения. Его просто не поняли. Множество "темных мест", не прочтенных надлежащим образом издателями и первыми комментаторами, послужило причиной совершенно превратных толкований.

Первые исследователи "Слова" твердо усвоили одно: произведение посвящено походу северского князя Игоря Святославовича на половцев, состоявшемуся весной 1185 г. Следовательно, задачей поэта было воспевание воинских доблестей организаторов похода и его сподвижников. А дальше ...

А дальше начинались чудеса. Странной выглядела уже сама по себе идея: избрать для прославления героя совершенно не подходящий сюжет – поражение на поле боя, позорный плен, еще более позорное бегство. А главное – патетическое оплакивание несчастий Руси, причиненных нелепым, плохо организованным и еще хуже осуществленным походом, совершенно ненужным с точки зрения государственных интересов Руси.

Что же это за "прославление"? Явную нелепость пытались списать за счет литературной беспомощности Автора. Дескать, взялся воспевать, да не справился с собственным замыслом (потому и в "Пантеон" не угодил).

В наше время "Слово" прочитано, как следует, от первой буквы до последней. Все "темные места" расшифрованы и разъяснены – за исключением двух или трех выражений, безнадежно испорченных переписчиками. И внешнее, и внутреннее содержание поэмы понято и четко истолковано. Стало ясно, что произведение не принадлежит к числу панегирических. Автор отнюдь не восхищается своими героями и отнюдь не спешит их героизировать и возвеличить. Напротив, он судит и осуждает и самих инициаторов похода, и затеянную ими авантюру.

Тем не менее, остались рецидивы старой болезни. Остался псевдопатриотический пиетет по адресу мнимых "защитников" (а на деле – губителей) родной страны. Ради сохранения этого пиетета и современные исследователи склонны к прямым передержкам и насилию над содержанием. Один только пример: "буй-тур Всеволод". Со школьной скамьи мы привыкли трактовать это как дань восхищения древнего поэта рыцарскими доблестями трубчевского князя. А ведь в письменной культуре Киевской Руси слово "буй" означало "дурной", "безумный", "сумасшедший" и т.п. Оно нигде и никогда не употреблялось в положительном смысле. Следовательно, "буй-тур" – не комплимент, а ругань (причем довольно грубая) – нечто вроде "обезумевший бугай".

Вместе с остатками "прорыцарского" пиетета сохранилась и мысль о черниговско-северской ориентации Автора, хотя его резко критическое отношение к Ольговичам делает такое мнение в высшей степени малоправдоподобным. Поэтому проблема подлинного отношения поэта к черниговскому дому приобретает принципиальное значение.

Условия феодальной раздробленности Руси обусловили возникновение локальных (удельных) династий внутри необъятного княжеского рода. Этот процесс развивался не одинаково в разных уделах. В одних местные ветви укрепились основательно, как, скажем, Изяславичи – в Полоцке, старшая линия Мономаховичей (потомки Изяслава Мстиславича) – на Волыни, средняя линия (Ростиславичи) – в Смоленске, а младшая (наследники Юрия Долгорукого) – в Суздале.

В других (например, в Галиче) в междоусобной борьбе за власть участвовали представители разных ветвей (волынской, черниговской), а также иностранных династий (венгерской и польской). В Новгороде княжеская власть была превращена в магистрат. Киев, как общерусский центр, вообще не имел своей отдельной династии, а великокняжеский престол занимали члены удельных фамилий, главным образом, волынской, смоленской и черниговской. Соответственно и отношение к киевскому

престолу было разным. Например, Юрий Долгорукий, укрепившийся в Суздале, резко поднявший могущество и авторитет своего удела, главной своей целью, однако, до конца жизни считал захват великокняжеского стола. Но его сын Андрей Боголюбский резко изменил направленность своей политики, отказавшись от борьбы за Киев и все усилия сконцентрировал на превращении удела в независимое государство в ранге великого княжения, равного киевскому.

Это необходимо иметь в виду при интерпретации "Золотого слова" Святослава – точной политической нюансировке, которую Автор обнаруживает в характеристике многочисленных адресатов программной речи.

В Чернигове надежно укрепились потомки среднего сына Ярослава Мудрого Святослава, получившие родовое имя Ольговичей.

Каждая из удельных династий имела на Руси свою довольно устойчивую репутацию, порожденную традиционной направленностью и особенностями политической практики. Среди них едва ли не наиболее скандальной была репутация именно черниговского дома, активных репрезентантов междоусобной борьбы. Эта репутация в значительной степени подогревалась характером отношений с половцами, сплошь и рядом выступавшими в роли союзников черниговских князей.

Такая репутация не была справедливой. Ольговичи в смысле исповедуемых политических принципов не отличались от представителей других фамилий, тех же Мономаховичей. В том числе и во взаимоотношениях с номадами. Как подчеркивает Л.Н.Гумилев, первым пригласил половцев в качестве союзников в междоусобной борьбе не Олег Святославич ("Гореславич" "Слова о полку Игореве"), а Владимир Мономах в 1077 г. Ольговичи в период между 1128 и 1161 гг. приводили половцев на Русь 15 раз, тогда как один только Мономах (на протяжении своей политической деятельности) – 19 раз.

Немалое значение, однако, имело то обстоятельство, что родоначальник черниговской династии Святослав Ярославич впервые после завещания своего отца захватил киевский престол силой в 1072 г., прогнав своего старшего брата Изяслава Ярославича. Второй эксперимент того рода также был предпринят членом дома Ольговичей – Всеволодом Ольговичем в 1139 г., и это тоже вызвало соответствующий политический и идеологический резонанс в стране.

Запятнанная репутация черниговского княжеского дома нашла яркое отражение в "Слове о полку Игореве". Но природа этой позиции совершенно другая. Корни ее таятся в событиях второй половины не XI (время Святослава и его сына Олега, главного отрицательного героя поэмы), а XII в. (то есть времени самого поэта) и определяются теми гуманистическими, ренессансными тенденциями, которые вызрели на Руси в XII – первой половине XIII в. Здесь имеем классический случай нарочитой подгонки исторического материала под реальную ситуацию 80-х годов XII в.

Необходимо подчеркнуть важный момент -- проблему жанрового определения великой поэмы. Как известно, данный вопрос породил немало споров и недоразумений. На первый взгляд, "Слово" в жанровом отношении выглядит одиноко среди других произведений древнерусской литературы. Это дало основания Д.С.Лихачеву поставить риторический вопрос: "А быть может "Слово" само по себе жанр?"

Полагаю, что все недоумения на сей счет основаны на недоразумении: жанровое окружение поэмы искали не там, где надо. Причиной было трудноопределимое стремление видеть в "Слове" произведение эпическое, даже героическое – сродни "Песни о Роланде" или "Нибелунгам".

В действительности оно принадлежит к широко распространенному на Руси XII в. жанру повествовательной литературы с ярко выраженной критической направленностью, который Д.С.Лихачев удачно назвал "Повестями о княжеских преступлениях". Общей чертой этих произведений (довольно разных по характеру) является осуждение древнерусских князей за осуществляемую ими междоусобную политику. Обладатели политической (и военной) власти обрисованы самыми темными красками как носители наиболее отвратительных черт – себялюбия, жестокости, лживости, коварства и т.д. Лица, на которых возложена функция обеспечить политическую стабильность в государстве, действуют в диаметрально противоположном направлении. Некоторые из этих

повестей имеют черниговское происхождение ("Повесть об убийстве Игоря Ольговича", дошедшая до нас в отрывках)

"Слово о полку Игореве" по сути является одной из повестей о княжеских преступлениях. Но идейное содержание его гораздо глубже. Авторы других произведений (подобных повестям об ослеплении Василька или о клятвопреступлении Владимирка) главный корень зла видели в личных качествах осуждаемых героев, в особенностях их психики. В отличие от них Автор "Слова" ищет причину описываемых им злодеяний в общем состоянии страны.

Замысел поэмы заключается не в восхвалении рыцарских доблестей организаторов похода, а в их дезавуации, развенчании и осуждении. Этим определяется отношение Автора к персонажам его произведения. В том числе, разумеется, и к Ольговичам.

Распространенное в старой литературе и далеко еще не преодоленное мнение, согласно которому Автор "Слова" принадлежал к черниговскому боярству, сам был черниговцем или северцем и стоял близко к Игорю Святославичу, несостоятельно. Порожденное ошибочной мыслью об эпической природе произведения, оно не только не подтверждается текстом поэмы, но и решительно противоречит ему. Автор не был уроженцем Черниговщины и, по-видимому, даже не бывал ни в Чернигове, ни в Новгороде-Северском. Он не только не был участником похода 1185 г., но имел о нем весьма смутное представление.

Он не сообщает ни одной сколько-нибудь колоритной подробности похода и, в частности, самого сражения, от которой вряд ли отмахнулся бы хорошо информированный современник (не говорю уже "учасник") события. Даже монах-летописец насыщает свой непрофессиональный рассказ деталями, весьма важными с позиции замысла "Слова". Он, например, сообщает о лазутчиках, посланных за "языком", о сомнениях руководителей похода, начинать ли сражение, о диспозиции русского войска. Он четко разграничивает две фазы сражения, подчеркивает, что обратившихся в бегство половцев преследовали молодые князья, тогда как старшие ехали шагом, повествует о ночном совещании после первого дня, отмечает благородство Игоря, не пожелавшего спасать себя ценой гибели пешего войска.

Ничего подобного нет в "Слове о полку Игореве" – художественном произведении, где, казалось бы, подобные детали и подробности особенно уместны. В описании битвы Автор не упоминает даже о ранении Игоря в руку, а дальнейшее упоминание (в "Золотом слове" Святослава) "ран Игоревых" неточно, так как рана была одна – к чему же здесь множественное число? Только на основании косвенных данных можно усмотреть в "Слове" намек на бегство ковуев – обстоятельство, решившее исход битвы. За пределами повествования осталось и такое исключительно важное обстоятельство, как жажда, томившая русских воинов и особенно – их коней, и т.д.

Конечно, можно возразить, что "Слово" – произведение художественное, то есть неуправляемое, а следовательно – нельзя предъявлять его автору требования по части отбора сюжетных мотивов: поэт сам решает, о чем ему писать, а о чем нет. И все же трудно представить себе, чтобы человек, видевший все это собственными глазами, мог так последовательно исключать весь индивидуальный фактаж из своего произведения – зачем бы?

Что же он сообщает о битве реально, какие детали? "Летят стрелы калены.", "гремят сабли о шлемы", "трещат копья харалужные", "черная земля под копытами костьми посеяна, а кровью полита". Яр-тур Всеволод "прыщет на воинов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными" и т.д. Все это легко может быть отнесено к любому сражению тех времен.

То же самое – описание похода. И здесь видим сплошь общие, а то и фантастические пассажи, которые демонстрируют отличное знание Автором природы южнорусских степей, но начисто лишены индивидуальных подробностей: "Тогда вступил Игорь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист зверин встал близ, Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле незнаемой... А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червонные щиты..."

Все это великолепно как поэтическое обобщение, но отнюдь не отражает непосредственных впечатлений очевидца или хотя бы человека, лично контактировавшего с очевидцем и получившего информацию из первых рук.

Но особенно важны здесь прямые ошибки и неточности, которые не мог допустить хорошо информированный автор, а тем более – непосредственный участник экспедиции.

О фактических ошибках в "Слове о полку Игореве" как-то не принято говорить. Считается, что гениальный поэт не мог ошибаться, а потому все имеющиеся в тексте его произведения противоречия с другими источниками должны решаться в его пользу. Более того, почему-то признается, что наличие фактических неточностей может поставить под сомнение подлинность поэмы и изобличает подлог, – хотя совершенно ясно, что любой фальсификатор должен бы проявить особое внимание к точности изложения и по возможности избегать противоречий с используемыми текстами (естественно, доступными и для других читателей).

Автор "Слова о полку Игореве" был человеком, хоть и гениальным, но всего-навсего человеком, и мог ошибаться, как и любой другой. Особенно, в частностях, которые не имели для содержания поэмы принципиального значения. Таких ошибок в тексте немало. Переяславль у Автора стоит на Суле, тогда как на самом деле – на Трубеже. Святополк Изяславич везет тело отца, убитого на Нежатиной Ниве, в Киев, хотя Святополк в той битве не участвовал, а перевозил погибшего его брат Ярополк. Согласно Автору, Изяслав похоронен в Софии Киевской, а в действительности – в Десятинной церкви и т.д.

Так вот: и в описании похода 1185 г. встречаются подобные погрешности. Они не имеют значения с точки зрения авторского замысла, но изобличают в Авторе человека, плохо осведомленного о подлинном ходе событий. Поэт не знает даже состава участников авантюры. Во главе похода стояли: Игорь Святославич, его брат Всеволод, сын Владимир и племянник Святослав Ольгович. В "Слове" же вместо Владимира назван другой сын Игоря – Олег. Имя Владимира вообще отсутствует (кроме лишь не вполне ясного намека на "сокольца" в диалоге двух ханов; кто скрывается под этим прозвищем – то ли Владимир, то ли Олег – неизвестно).

Автор не имеет четкого представления о географии похода: согласно его версии, войско северских князей дошло до Дона и даже до моря; в действительности же место сражения удалено от первого (по прямой) на 400 км, а от второго – на 250 км. Путается он в хронологии событий и в их последовательности. Солнечное затмение, случившееся 1 мая в разгар движения Игорева войска, отнесено к самому началу похода, по сути, еще до выступления Игоря из Новгорода-Северского. Чтобы как-то исправить положение, в литературе предложена гипотеза о перестановке текста, которую принимают многие исследователи. Однако и это предложение не спасает дело: теперь получается, что затмение произошло уже после соединения Игоря с Всеволодом, тогда как в действительности оба войска сошлись позже.

Нельзя не учитывать и невнимательность Автора к Чернигову и Новгороду, хотя сам сюжет, казалось, должен бы особенно подчеркнуть этот интерес. Чернигов в "Слове" упомянут только два раза, причем в необязательных контекстах, непосредственно с описываемыми событиями не связанных. Первый раз – в воспоминаниях о времени Владимира Мономаха и Олега Святославича, второй – в эпизоде оплакивания бедствий Руси, спровоцированных несчастным походом. В обоих случаях имеем дело с чистой риторикой. Новгород-Северский упомянут лишь один раз в зачине, пародирующем авторскую манеру Бояна.

Трудно представить себе, чтобы человек, хорошо знавший и Чернигов и Новгород (не говоря об уроженце), обратившись к черниговско-северским событиям, удержался от хоть сколько-нибудь конкретных замечаний, сведений или справок – подобных тем, что находим в "Слове" относительно Киева, Галича или Плиснеска. Все это заставляет решительно отвергнуть черниговско-северскую версию и совсем другими глазами посмотреть на отношение поэта к черниговскому дому.

В своем произведении Автор, как сказано, обнаруживает резко отрицательную позицию относительно и самого похода, и его вождей, и всей династии Ольговичей. Безусловному осуждению подвергается Олег Святославич ("Гореславич"), а косвенно и его отец ("Гореслав"); князь Ярослав Всеволодович, занимавший черниговский престол

в 1185 г. Сама экспедиция рассматривается поэтом как позорная страница в истории Руси, как злодеяние, стоящее на грани преступления. Инициаторы авантюры – Игорь и Всеволод – обвиняются Автором в недостатке разума, в стремлении к пустопорожней славе, в результате чего Русь расплачивается неизмеримыми жертвами и несчастьями.

При этом, однако, Автор обнаруживает глубокий пиетет в отношении Святослава Всеволодовича – двоюродного брата героев "Слова", принадлежавшего к тому же черниговскому дому, но в момент неудачного похода занимавшего киевский престол. На первый взгляд, здесь кроется определенного рода противоречие, не разъясненное Автором, которое, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается иллюзорным.

"Великий" и "грозный" Святослав выступает единственным вполне положительным персонажем "Слова". Он получает в произведении гипертрофированную характеристику, отнюдь не корректную реальному положению дел. В действительности Святослав не был ни великим, ни грозным. Это типичный и достаточно слабый властитель второй половины XII ст., фактически отстраненный от власти Киевской сеньерией (представительным органом киевской боярско-патрицианской олигархии) и выселенный за пределы города – на Новый двор, расположенный в районе Копырева конца.

Не трудно убедиться, что характеристика Святослава в "Слове" начисто лишена индивидуальных, человеческих черт. Этот единственный положительный герой является в то же время единственным персонажем, чей образ формируется не психологическими реалиями (мы не знаем, умен Святослав или глуп, смел или труслив, милостив или жесток, добр или зол и т.д.), а социально-политическими абстракциями. Он велик – потому что его величие есть отражение величия Руси. Он грозен – потому что за ним стоит грозное могущество Киевской державы. Он всегда прав – потому что воплощает праведную идею. Образ Святослава – это символ, олицетворение центральной государственной власти, убежденным сторонником которой был Автор "Слова о полку Игореве".

Положительная оценка Святослава Всеволодовича определяется не особенностями его характера, а тем местом, которое он занимал в иерархии политической структуры Руси периода феодальной раздробленности. Вопрос о его происхождении, в том числе и о принадлежности к черниговской ветви княжеского рода, в данном случае не имел значения. Святослав утверждается Автором как великий князь киевский, ответственный за судьбы страны в целом, а не в роли близкого родственника осуждаемых северских князей. Недаром и называет их он "сыновцами" (племянниками), тогда как в действительности они были его двоюродными братьями: более низкий генеалогический ранг призван подчеркнуть и более низкий ранг политический.

В.П.КОВАЛЕНКО

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ЧЕРНИГОВСКОГО ДЕТИНЦА

Анализируются топография и история изучения городища, мощность и сохранность его культурного слоя, история заселения территории. Открытие ряда новых памятников древнерусской монументальной архитектуры дает возможность уточнить размеры и структуру дворов крупнейших светских и церковных феодалов на черниговском детинце, по-новому осветить историю развития черниговско-северской архитектуры домонгольского периода.

Детинец древнего Чернигова расположен на выступающем в пойму мысу при слиянии рек Десна и Стрижень, являвшемся своеобразным природным фокусом ближайшей пространственной структуры. Находясь на пересечении главных природных направлений, он занимает господствующее положение в окружающем ландшафте. Его главной природной осью является линия склонов высокой правобережной террасы, служащая естественной и наиболее четкой границей двух основных типов ландшафтов Черниговского Полесья: Днепровско-Деснянского, которое охватывает долины Днепра и Десны и прилегающие к ним пониженные территории, и Городнянско-Черниговского, которое занимает возвышенные территории. Две другие природно-пространственные оси проходят вдоль русел Десны и Стрижня, пересекаясь под углом почти 45° с главной при-

©*В.П.Коваленко, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

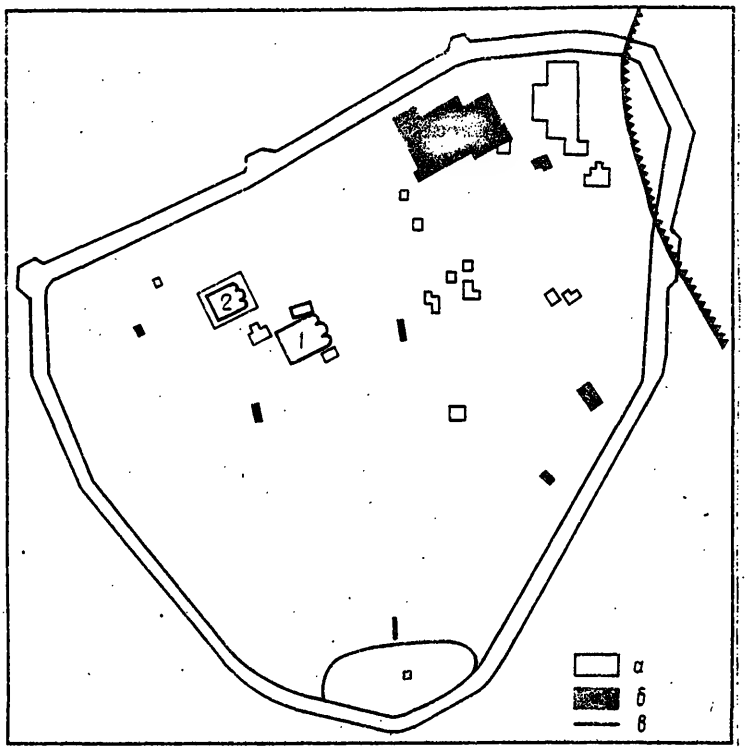


Рис. 1. План раскопов на Черниговском детинце.
а – раскопы 1946 – 1956 гг.; *б* – раскопы 1984 – 1987 гг.; *в* – укрепления детинца (по планам XVIII в.).
1 – Спасский, *2* – Борисоглебский соборы.

родной осью. При этом долина Стрижня, в свою очередь, является границей двух физико-географических районов: Репкинско-Черниговской лессовой и Любечско-Черниговской моренно-зандровой равнин, а чуть выше по Десне к городу подходит Днепровско-Замглайская заболоченная равнина[1].

Именно такое расположение детинца обеспечивало наиболее благоприятные возможности для контроля над этой территорией и визуальных связей с нею, так как любой другой участок склонов к северу и югу от этого мыса не только более удален от Десны, но и перекрывается им, что значительно уменьшало обзор территории.

Археологическое изучение Черниговского детинца началось более ста лет назад: в 1878 г. после обвала берега Стрижня сначала Т.В.Кибальчич, а затем Д.Я.Самоквасов провели осмотр обнажившихся фундаментов Благовещенской церкви. В 1909 г. они вскрывались еще раз членами Черниговской ученой архивной комиссии П.С.Кармалеем и М.А.Сахновским[2]. В 1923 г. Н.Е.Макаренко в ходе исследований Спасского собора XI в. открыл фундаменты его северо-восточной и юго-восточной пристроек, остатки древних шиферных резных мозаичных полов, обнаружил несколько разновременных погребений, в том числе в шиферных гробницах[3]. Однако широкий размах исследования приобрели лишь в конце 1940–1950-х гг. (Б.А.Рыбаков, В.А.Богусевич, Н.В.Холостенко)[4] и в 1984 – 1987 гг. (А.А.Карнабед, В.П.Коваленко, А.В.Шекун)[5]. За все время работ здесь удалось вскрыть около 10 тыс. м^2, что составляет 6 – 6,5 % общей площади детинца. Раскопками открыты остатки четырех храмов, терема, двух парадных ворот, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных построек, исследованы остатки оборонительных сооружений, найдено семь ювелирных кладов, собрана огромная коллекция находок. Анализ полученных материалов позволяет наметить в общих чертах примерную схему развития памятника.

Занятый черниговским детинцем мыс имеет форму прямоугольного треугольника (рис. 1), длинная (восточная) сторона которого лежит вдоль берега р.Стрижень (около 500 м). Как отмечалось исследователями, Стрижень на протяжении веков разрушал северо-восточный угол детинца, уничтожив постепенно 150 – 200 м берега[6]. С юга,

юго-востока и юго-запада он имел крутой склон к пойме; с запада ограничивался оврагом, сохранившимся до наших дней. В древности этот овраг, вероятно, был специально эскарпирован и углублен, переходя в ров, следы засыпки которого в XVIII – XIX вв. выявлены В.А.Богусевичем в 1947 г. к северо-востоку от Екатерининской церкви[7]. Общая длина юго-западной стороны треугольника составляла 400 – 450 м. С севера границы детинца определяются возвышенностью, на краю которой стоит здание Коллегиума (длина этой его стороны около 450 м). Таким образом, с учетом поворотов и рухнувших в Стрижень частей, общая длина оборонительных сооружений детинца в XIII в. составляла, по мнению Б.А.Рыбакова, около 1600 м[8], а площадь – 15,5–16 га. Городищенская площадка имеет значительный (4–6 м) уклон поверхности с запада на восток – к Стрижню, который в древности был еще сильнее.

Оборонительные сооружения детинца практически не сохранились. На южной оконечности мыса находится небольшое (около 6000 м^2, высота со стороны площадки 5–6 м) возвышение, так называемый Верхний Замок, или Цитадель, сооруженное в XVII – XVIII вв. С севера оно отделено от основной территории кремля широким (18 м при глубине до 6 м) замытым рвом XVII в.[9] Возможно, под этой насыпью сохранились на небольшом участке древние валы, однако выявить их пока не удалось. В северо-западной части мыса небольшой отрезок валов сохранился благодаря расположению на них здания Коллегиума, но они не исследовались. За валом еще и сейчас заметны следы широкого сильно замытого рва, опоясывавшего детинец с напольной стороны. На остальных участках следы укреплений визуально не прослеживаются. Исследования 1946 г. в северо-восточной части площадки показали, что древние валы в этой части памятника, вероятно, уничтожены Стрижнем. Удалось, по мнению Б.А.Рыбакова, зафиксировать лишь подошву позднего вала[10]. Работы 1984 – 1985 гг. в районе кинотеатра "Десна" (восточный склон мыса) показали, что и здесь оборонительные сооружения разрушены рекой: отмечены лишь отдельные конструкции, которые предположительно можно связывать с остатками валов. На юго-западной стороне детинца какие-либо следы укреплений также не зафиксированы, однако полное отсутствие здесь культурного слоя позволяет полагать, что это подошва вала, срытого в овраг в начале XIX в. при уничтожении городских укреплений.

Прошедшие века отложили на черниговском детинце значительный культурный слой. Однако его мощность, насыщенность и сохранность в различных частях кремля неодинаковы. Как уже отмечалось, на юго-западном склоне городища он отсутствует, постепенно увеличиваясь к востоку, и на берегу Стрижня достигает 4–6 м. В южной части мыса слои древнее конца XVII в. практически отсутствуют, что связано с сооружением Цитадели, насыпанной из городищенского культурного слоя. Сильно (местами до материка) поврежден слой и на всей северо-восточной половине памятника: в позднесредневековый период именно здесь наиболее бурно протекала городская жизнь. Здесь проходила центральная Замковая улица, располагались Инженерный двор, Магистрат, дома губернатора и архирея и др., при строительстве которых уничтожены значительные участки слоя. Существенно поврежден он и вокруг храмов (главным образом, многочисленными разновременными погребениями), как сохранившихся, так и разрушенных еще в средневековье. Несколько лучше он сохранился на участке перед Спасским и Борисоглебским соборами, где с XI – XII вв. существовала обширная площадь, гораздо менее застроенная. Именно здесь исследователи вправе надеяться на открытие в будущем значительных неповрежденных древнейших участков культурного слоя.

Мыс в устье Стрижня был впервые заселен, судя по находкам в различных его частях фрагментов черняховской зарубинецкой керамики, уже в первых веках н.э., что подтверждается и находками римских монет этого времени (императоров Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и др)[11]. К сожалению, неоднократные перепланировки настолько переотложили его древнейшие слои, что определить характер и тем более структуру находившихся здесь ранних поселений вряд ли когда-либо будет возможно. К тому же, все крупные по объему исследования проводились, главным образом, в северо-восточной и восточной частях детинца, практически не затронув его западной и южной сторон. Отдельные фрагменты ранней лепной керамики, полученные в 1970-х гг. при шурфовке у здания Коллегиума, стоящего на остатках древних валов, недостаточно хорошо документированы, что не позволяет использовать их в качестве полноценного источника.

Во второй четверти I тыс. н.э. территория мыса на определенное время была заброшена, вероятно, в силу изменения как политической, так и хозяйственной ситуации в Подесенье, и материалы этого времени здесь не выявлены. Во всяком случае, на детинце отсутствуют характерные для киевской культуры уплощенные глиняные биконические пряслица с подлощенной поверхностью, являющиеся одним из ее существенных этнографических признаков. В ближайших же окрестностях (в том числе и на Черниговском подоле, начинающемся у самого подножия мыса) их находки известны.

Возобновление жизни на площадке городища относится к VII – VIII вв. Еще в 1946 г. в северо-восточной части его, под подошвой вала XVII в., исследованы остатки жилища этого времени с фрагментами грубых лепных сосудов, глиняными пряслицами и костяными проколками[12]. Остатки подобных жилой и хозяйственных построек, давших значительную коллекцию фрагментов керамики, орудий труда, предметов быта и украшений, выявлены неподалеку и в 1984 – 1985 гг.[13] Известны и отдельные находки обломков керамики и даже небольшие комплексы волынцевской, пастерской и роменской культур, пока, впрочем, немногочисленные, как и в других частях города. Картографирование находок показывает, что располагавшийся здесь поселок имел достаточно крупные размеры (не менее 300 – 350 X 150 м), причем южная часть его, вероятно, была укреплена: в придонном слое заполнения рва, обнаруженного в 1984 г. в юго-восточной части детинца, обнаружена лепная керамика тех же типов. Остальную часть мыса, видимо, занимали сельскохозяйственные угодья: следы распашки ралом с узколопастным наральником зафиксированы в предматериковых слоях различных раскопов 1985 – 1986 гг. Существовала ли генетическая преемственность между материалами различных культур, обнаруженных на городище, или их взаимоотношения развивались по более сложной схеме – еще предстоит выяснить. Во всяком случае Б.А.Рыбаков еще в 1946 г. на основе изучения стратиграфии культурных напластований на берегу Стрижня отмечал перерастание слоев VII – VIII вв. в более поздние при отсутствии каких-либо прослоек, которые могли бы свидетельствовать о новом запустении рассматриваемой территории[14]. Не вызывает сомнения и тот факт, что именно это городище благодаря выгодности топографических условий в дальнейшем стало центральным в группе черниговских поселений и переняло все ведущие функции, трансформировавшись со временем в детинец древнего Чернигова.

Эпоха становления Древнерусского государства (конец IX – X вв.) представлена на детинце находками общерусских типов (полуземляночные жилища с глинобитными печами и керамикой раннегончарных типов, предметами вооружения, снаряжения и убора круга дружинных древностей и т.д.). По свидетельству письменных источников, Чернигов уже в начале X в. являлся вторым по значению центром Южной Руси после Киева. В 80 – 90-х годах X в. черниговский детинец, как и большинство древнерусских центров Среднего Поднепровья, переживает, вероятно, значительную реконструкцию, занимая, по-прежнему, лишь юго-восточную часть мыса (около 6 га). За линией оборонительных сооружений древнейшего ядра детинца продолжалась городская застройка, причем любопытно отметить существование в Чернигове уже в это время элементов усадебной планировки (раскопки 1986 г.).

К северо-западу от городища располагалось языческое святилище: при сооружении Коллегиума здесь, как отмечает сложившаяся историографическая традиция, в начале XVIII в. найден серебряный идол[15] или даже два[16]. По распоряжению гетмана Мазепы находку расплавили, а из слитка в Данциге изготовили царские врата для иконостаса Борисоглебского собора. В 1987 г. с целью проверки легенды с тыльной стороны в различных частях царских врат взяты 10 микропроб металла. Химсостав металла определялся количественным спектрографическим анализом в отделе спектральных методов исследований Института геохимии и физики минералов АН УССР (спектрограмма № 27 от 13.04.1987 г.). Полученные данные статистически обработаны Р.С.Орловым в ИА АН УССР методом сопоставления с сериями анализов серебряных изделий X – XII вв. и с технологическими схемами сплавов[17]. Установлено, что химический состав девяти образцов практически идентичен: это сплав серебра и меди в соотношении около 70 и 30 %. Количество микропримесей в каждом образце не превышает 1,5 %. Отметим, что полное совпадение состава разных частей врат говорит об их производстве действительно из одного слитка. Характер сплава, из которого изготовлены основные части врат, в целом соответствует северянской ювелирной традиции (так называемые эв-

тектические сплавы), проявившейся в массовых украшениях сельского населения.

Древний некрополь с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, следы которого зафиксированы в 1947 г. В.А.Богусевичем в 100 м к югу от Спасского собора[18], в это время, по-видимому, уже прекратил функционировать (погребения X в. широко известны в различных курганных группах на территории Чернигова), а его территория оказалась внутри городских кварталов.

С 1024 г., после превращения Чернигова в стольный град, начинается новый этап в развитии детинца. К северо-западу от первоначального городища Мстиславом Владимировичем, не желавшим, вероятно, вторгаться в сложившуюся планировку детинца с его дворами старой знати, были заложены княжий двор и Спасский собор, ставший главным храмом и княжеской усыпальницей Черниговo-Северской земли. Старый ров, проходивший к югу от Спасского собора, был засыпан; новая линия укреплений прошла к востоку от храма, по краю невысокой материковой ступеньки, разделяющей детинец на две террасы различной высоты (остатки рва выявлены В.А.Богусевичем в 1947 г.)[19]. За счет этого площадь детинца увеличилась до 10 – 10,5 га.

Комплекс княжеского двора времени Мстислава Владимировича (1024 – 1036 гг.) и Святослава Ярославича (1054 – 1073 гг.), традиционно локализуемый у Спасского собора, в противоречие с нередко встречающейся в литературе точкой зрения, сформировался не сразу. Остатки гражданских монументальных построек этого времени выявить здесь пока не удалось, равно как и другие сооружения, которые могли бы относиться к подворью черниговских князей. Здание, раскопанное Н.В.Холостенко под Борисоглебским собором и принятое им за двухкамерный терем второй четверти XI в.[20], по мнению В.А.Богусевича, П.А.Раппопорта и др., является, вероятно, остатками небольшого храма[21]. По строительной технике (кладка со скрытым рядом, перемежающаяся рядами камней) и размерам плинфы (2,5 – 3,5 × 26 – 28 × 33 – 36 см) постройка может датироваться 70 – 80-и годами XI в. В 10–20-х годах XII в. здесь сооружены Борисоглебский собор и небольшой (7,5 × 7,5 м) однокамерный терем – парадная часть княжеского дворца, – датируемый исследователями второй половиной XI в.[22]. Но, судя по размерам кирпича (2,3 – 3 × 27 – 28 × 35 – 39 см) и строительной технике, терем относится, скорее всего, к началу XII в., что косвенно подтверждают и стратиграфические наблюдения. Н.В.Холостенко отмечал, что он возведен позже двухкамерной постройки[23]. Возможно, терем являлся частью дворцового ансамбля Давида Святославича, упомянутого в "Слове о князьях"[24]. Где-то вблизи Борисоглебского собора находится каменная постройка конца XII – начала XIII в., найти которую пока не удалось[25]. Наконец, в 1953 г. в 4 м южнее терема и в 12 м к западу от башни Спасского собора вскрыты остатки парадных ворот начала XIII в., которые соединялись каменной стеной со Спасским собором. Судя по находкам свинцовых листов кровли, смальты от мозаичных полов, обломков фресок и т.д., постройка венчалась небольшой надвратной церковью или колокольней[26]. Таким образом, древнейший княжеский двор в Чернигове еще предстоит найти.

Не менее сложна ситуация и с изучением подворья черниговских епископов. Епископы играли в общественно-политической жизни древнерусских земель-княжений достаточно значительную роль, в отдельных случаях могли даже исполнять функции князя при его отсутствии в городе[27]. Епископские дворы располагались, как правило, на территории детинца и по пышности и размерам нередко конкурировали с княжескими. Существует предположение, что в XII в. епископский двор размещался вокруг Борисоглебского собора[28]. Но по свидетельству летописцев, кафедральным собором в XII в. являлся не Борисоглебский, а Спасский. Так, под 1198 г. Ипатьевская летопись отмечает, что усопшего черниговского князя Ярослава Всеволодовича "... положиша во церкви святого Спаса во епископьи"[29]. Наконец, есть косвенные свидетельства, что даже в 1289 г. кафедральным храмом Черниговo-Северской земли оставался Спасский собор[30]. Борисоглебский же стал кафедральным уже в конце XVII в., когда усилиями Лазаря Барановича в Чернигове была восстановлена архиепископская кафедра. В известной степени эти наблюдения подтверждают и результаты архитектурно-археологических исследований: открытые в 1953 г. ворота соединялись каменной стеной именно со Спасским собором, а княжеский двор в это время находился в северо-восточной части детинца. Подобной каменной стеной с надвратной церковью были ограждены и епископский двор в Переяславле[31], и митрополичий двор в Киеве[32], а кафедральными

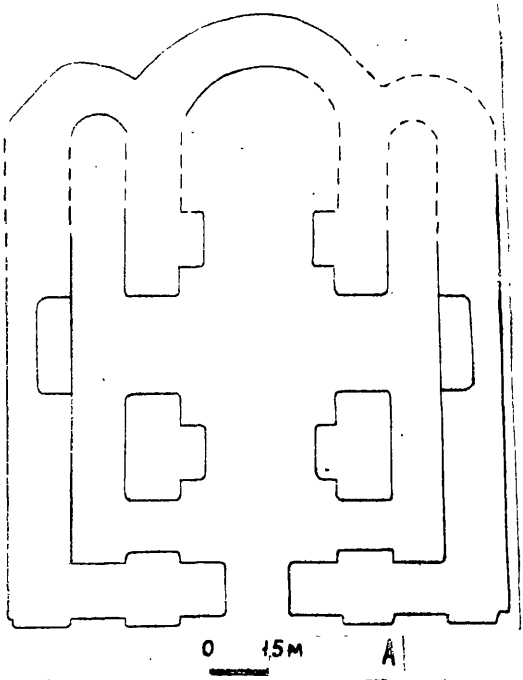


Рис. 2. План церкви-усыпальницы XI в. (реконструкция).

соборами также являлись крупнейшие храмы города – Михайловский собор в Переяславле и Софийский в Киеве. Вероятно, Спасо-Преображенский собор был кафедральным с самого начала своего существования[33]. Здесь же, возможно, находился и епископский дворец, парадной частью которого был терем, упомянутый в летописях под 1150 г.[34]

Северо-восточная часть мыса, долгое время остававшаяся за пределами детинца, вошла в его состав во второй половине XII в., когда на берег Стрижня был перенесен княжеский двор. В X – XII вв. здесь существовала обычная городская усадебная застройка. Исследованы тут и остатки ремесленных производств: ювелирного (1949, 1985 – 1987 гг.), железоделательного (1951, 1956, 1986 гг.), кожевенного (1949 г.) и др. Однако уже в 70-х годах XI в. значительный участок этой территории подвергался перепланировке, и место усадеб занял каменный храм (рис. 2). Он представлял собой небольшую (наружные размеры 14,9 X 11,8 м, толщина стен 1,2–1,4 м) трехапсидную четырехстолпную церковь, сложенную из плинфы (3–3,5 X 27 X X 33–34,5 см) в технике кладки со скрытым рядом на цемяночном растворе, причем через каждые 30–60 см в стенах проходят полосы довольно крупных камней. В северной и южной стенах на внутренней их стороне расположены аркосольные ниши для погребений (найдены многочисленные обломки шиферных плит от разграбленных саркофагов), а в южной части храма – два кирпичных саркофага. Столбы соединялись между собой и с западной стеной арками. Пол церкви на 1,4–1,5 м ниже уровня древней дневной поверхности, что наряду с другими особенностями памятника дает возможность усматривать в исследованной постройке не самостоятельное здание, а лишь подклет-усыпальницу. Формат плинфы и система ее клеймения, другие особенности кладки, а также анализ политической ситуации, сложившейся в Чернигове во второй половине XI в., позволяют считать заказчиком церкви-усыпальницы, заложенной константинопольскими мастерами в 70-х годах XI в., Владимира Мономаха[35].

Перенес ли Мономах в период его черниговского княжения (1078 – 1094 гг.) свою резиденцию на новое место или ограничился строительством в стороне от старого княжеского двора новой усыпальницы – судить пока трудно: остатки каких-либо построек, которые можно безоговорочно отнести к числу княжеских, близ храма не выявлены. Правда, в 1980 и 1984 гг. к югу от руин Дома дворянских собраний зафиксирован развал еще одной каменной постройки конца XI в., но ни характер, ни даже функциональное назначение ее пока не ясны. После ухода Мономаха из Чернигова церковь-усыпальница становится, по-видимому, приходской, и вокруг нее быстро растет обширное кладбище.

После переноса княжеского двора на северном склоне мыса в последней трети XII в. формируется новый архитектурный ансамбль. Как отмечает летопись, в 1174 г. здесь была заложена Михайловская церковь, а в 1186 г. – Благовещенская[36]. Остатки последней известны с конца XIX в., а в 1946 – 1947 гг. они раскопаны Б.А.Рыбаковым[37]. В 1956 г. он же в 100 м к югу исследовал фундаменты небольшой трехапсидной церкви, которую отождествил с Михайловским храмом[38]. Однако по технике и размерам строительных материалов она, по мнению П.А.Раппопорта, относится к началу XIII в. Возможно, остатки Михайловской церкви расположены еще южнее, между усадьбами Исторического и Художественного музеев, где в 1981 и 1984 гг. отмечены слои раз-

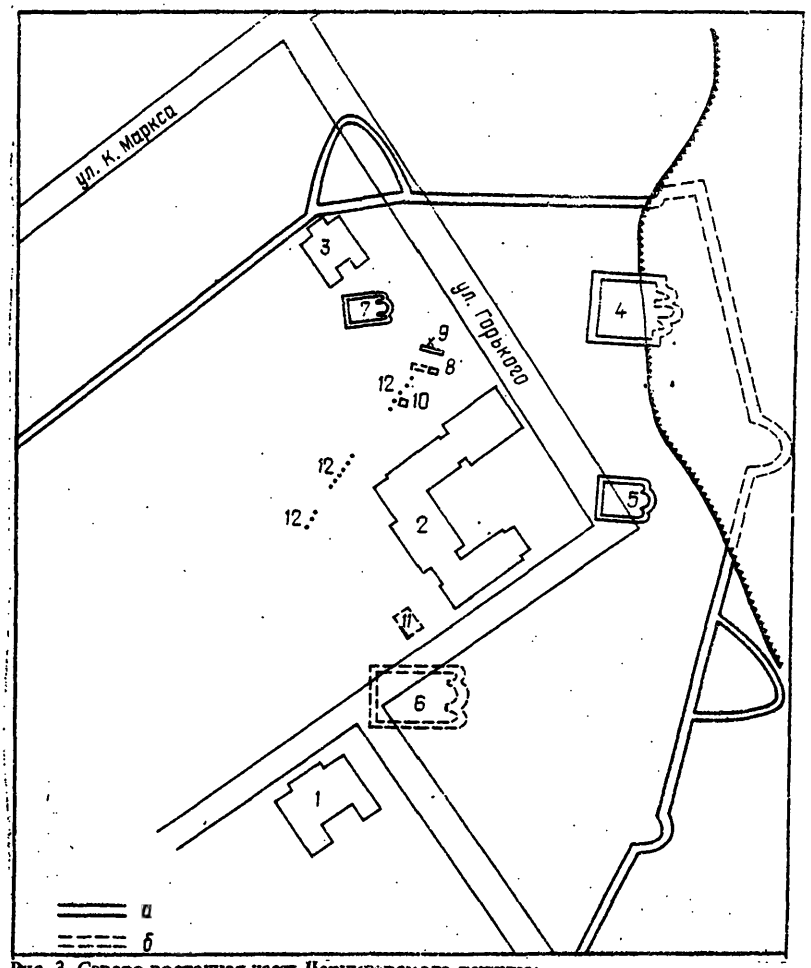


Рис. 3. Северо-восточная часть Черниговского детинца:
1 – Исторический, *2* – Художественный музеи, *3* – Дом торжественных обрядов, *4* – Благовещенская церковь 1186 г., *5* – церковь, раскопанная в 1956 г., *6* – Михайловская церковь 1174 г.? *7* – церковь XI в., *8* – ворота княжеского двора, *9* – место находки клада 1985 г., *10* – мукомольня, *11* – медуша, *12* – остатки оград XII–XIII вв.
а – укрепления детинца (по планам XVIII в.), *б* – разрушенные участки укреплений.

вала древнерусского каменного сооружения и где, по планам XVIII в., находилась деревянная Михайловская церковь. В 1984 г. именно здесь найден крупный резной белокаменный фриз, орнаментированный сложной плетенкой[39], по материалу и технике исполнения достаточно близкий обломкам резного белого камня из Благовещенского собора и знаменитым Борисоглебским капителям[40]. Интересно отметить, что до 1956 г. и Б.А.Рыбаков склонен был размещать церковь архангела Михаила на этом же месте[41].

Указание о размещении непосредственно на новом княжеском дворе в летописи содержится лишь по отношению к Михайловской церкви 1174 г. Однако еще В.А.Богусевич отмечал, что есть все основания считать княжеской и Благовещенскую церковь, построенную 12 годами позже тем же князем и в той же части детинца[42]. В 1985 г. к северо-западу от здания Художественного музея открыты остатки каменных ворот, от стен которых в обе стороны отходили мощные канавки от частоколов, прослеженные на значительное расстояние. Полностью границы княжеского двора оконтурить не удалось, однако, исходя из направления оград, в пределы его вполне могли входить все три упомянутых выше памятника (рис. 3).

От самих ворот сохранились остатки двух параллельных кирпичных стенок длиной 7,5 м и толщиной 1,6 – 1,8 м; ширина прохода около 3,5 м. Кладка выполнена из плинфы размерами 3,5–4,5 × 16,5–18,5 × 26,5–29,5 см. В северном пилоне сохранилась впадина, очевидно, отмечающая место внутристенной лестницы, которая вела в надвратную церковь. О том, что над воротами существовала церковь, можно судить по обломкам штукатурки с фресковой росписью, кусочкам смальты от мозаик пола, а также крестам-энколпионам, обломку напрестольного креста, многочисленным свинцовым листам кровли. Строительная техника и размеры кирпичей-плинф свидетельствуют, что ворота построены в начале XIII в.[43] Кладбище вокруг храма-усыпальницы XI в. при этом было засыпано метровым слоем земли, поверх которого уложили мощение из обломков плинфы, образовав площадь перед въездом на территорию княжеского двора. К сожалению, значительная часть территории этого двора занята усадьбой бывшей женской гимназии середины XIX в. (ныне Художественный музей), в результате чего структура его также остается практически неизученной. В ходе работ последних лет обнаружены лишь несколько хозяйственных объектов XII – XIII вв. (остатки княжеских погреба-медуши и небольшой мукомольни).

Медуша, остатки которой выявлены перед зданием Художественного музея, на 3/4 уничтожена поздними перекопами. Сохранилась нижняя часть одного из углов постройки с вырытыми в материке рядами неглубоких округлых ямок. Конструктивно она почти не отличается от остатков аналогичного сооружения, исследованного в 1980 – 1981 гг. на детинце Новгород-Северского[44], что и облегчило интерпретацию черниговской постройки. Датируется последняя на основе керамического материала концом XII в.

Постройка, интерпретируемая как мукомольня, исследована в 1987 г. в 10 м к юго-западу от ворот. Это небольшая (около 20 м^2), углубленная в материк, постройка квадратной формы, на полу которой обнаружены развалы и обломки шести пар жерновов. Сооружение погибло от пожара в середине XIII в.

Археологические материалы позволяют предполагать и существование здесь ювелирной мастерской – в 1985 г. к северу от ворот под завалом стены исследованы остатки постройки, в которой обнаружен клад серебряной утвари и украшений, причем некоторые предметы носят следы недоделок. Здесь же найдены обломки бронзового котла (сырье для литья?), капли цветных металлов и бронзовый литейный брак, а также бронзовые пластинки со следами резки ножницами. В 1987 г. неподалеку найдена и половинка каменной литейной формы для изготовления шариков обнизи колтов (причем, по размеру они полностью соответствуют шарикам обнизи колтов из клада 1985 г.). Характер и количество предметов, граффити и изображения на чашах из клада позволяют считать открытую постройку мастерской ювелира, обслуживавшего потребности княжеского двора.

Исследования последних лет дали новые материалы, подтверждающие гибель города в октябре 1239 г.: все постройки середины XIII в. погибли в огне, ворота и храмы были разрушены. При исследованиях остатков кровли ворот княжеского двора выявлены наконечники монгольских стрел, застрявшие в свинцовых листах. Рядом обнаружен большой воротный замок с обрывками крупной цепи, видимо, сбитый в ходе штурма.

События 1239 г. не только прервали развитие Чернигова, но и явились, в конечном счете, главной причиной последующих коренных перепланировок его детинца.

[1] *Вадзінський Є.Є.* Структура та історико-культурна цінність ландшафтно-археологічного комплексу Чернігова // Друга Чернігівська обл. наук. конф. з істор. краєзнавства: Тези доп. – Чернігів – Ніжин, 1988. – Вип. 2. – С. 130 – 131.

[2] *Смолячев П.С.* Чернігів та його околиці за часів великокнязівських // Чернігів і Північне Лівобережжя: Оглядки, розвідки, матеріали. – К., 1928. – С. 135.

[3] *Макаренко М.Є.* Біля Чернігівського Спасу // Там же. – С. 184 – 196.

[4] *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. – 1949. – № 11, Т.1. – С. 7 –99; *Богусевич В.А.* Роботи Чернігівської експедиції // АП УРСР. – 1952. – Т.3. – С. 109 – 122; *Богусевич В.А.* Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // Там же – 1955. – Т.5. – С. 5 – 11; *Богусевич В.А., Холостенко Н.В.* Черниговские каменные дворцы XI – XII вв. // КСИА. – 1952. – № 1. – С. 32 – 42; *Холостенко Н.В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // АН. – 1969. – № 15. – С. 3 – 17.

[5] *Коваленко В.П.* Исследования в Чернигове // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 245 – 247; *Коваленко*

ко В.П. Раскопки на Черниговском детинце // АО 1985 г., 1987. – С. 340 – 341; *Коваленко В.П.* Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С. 22 – 33.

6 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 60.

7 *Богусевич В.А.* Роботи Чернігівської експедиції. – С. 120.

8 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 12.

9 *Кузнецов Г.А.* О работе Второго Черниговского отряда // АО 1985 г. – С. 359.

10 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 62.

11 Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // – САИ. – 1962. – Вып. Д1-12. – С.34.

12 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 14 – 15.

13 *Коваленко В.П.* Основные этапы развития ... – С. 22 – 33.

14 *Рыбаков Б.А.* Раскопки в Черниговском детинце в 1946 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1946/26.–С. 19.

15 *Филарет.* ИСОЧЕ. – Черкигов, 1873. – Кн. 1. – С.5; *Логвин Г.Н.* Чернигов, Новгород-Северский, Глухов. Путивль. – М., 1980. – С. 57.

16 Москвитянин. – 1846. – № 4. – С. 200.

17 *Коваленко В.П., Орлов Р.С.* Металл языческого идола северян с территории Черниговского Борисоглебского монастыря // Тез. Черниговской обл. науч.-метод. конф., посвящ. 20-летию ЧГАИЗ. – Чернигов, 1987. – С. 33 – 36.

18 *Богусевич В.А.* Роботи Чернігівської експедиції. – С. 121.

19 *Богусевич В.А.* Археологічні розкопки в Чернігові ... – С. 6.

20 *Холостенко Н.В.* Черниговские каменные... – С. 3 – 17.

21 *Богусевич В.А.* Очерки по истории материальной культуры древнерусских городов Среднего Поднепровья IX – XIII вв. // Арх. ИА АН УССР. – Ф. рук. – № 384. – Гл. 3. – С. 27; *Воробьева Е.В., Тиц А.А.* О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // СА. – 1974. – № 2. – С. 106; и др.

22 *Богусевич В.А., Холостенко Н.В.* Черниговские каменные дворцы... – С. 32 – 42.

23 *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X – XIII вв. – Л., 1982. – С. 41; *Холостенко Н.В.* Черниговские каменные... – С. 12.

24 Слово о князьях // Памятники древней письменности. – Спб, 1894. – Т. 98. – С. 26.

25 *Холостенко Н.В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. – 1967. – № 2.–С.210.

26 *Богусевич В.А.* Раскопки в Чернигове // КСИА. – 1955. – № 4. – С. 9 – 11.

27 *Толочко П.П.* Древняя Русь. – Киев., 1987. – С. 202.

28 *Бліфельд Д.І.* Чернігів // Археологія Української РСР. – К., 1975. – Т. 3. – С. 209.

29 ПСРЛ. – М.; Л., 1962. – Т.2. – Стб. 707.

30 Там же. – Стб. 926.

31 *Юра Р.А., Кучера М.П.* Переяславль // Археология Украинской ССР. – Киев, 1986. – Т.3. – С. 283 – 285.

32 *Толочко П.П., Ивакин Г.Ю.* Киев // Там же. – С. 265.

33 *Филарет.* ИСОЧЕ. – Чернигов, 1874. – Кн. 5. – С. 33 – 34.

34 ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 408.

35 *Большаков Л.М., Коваленко В.П.* Новий пам'ятник давньоруського зодчества XI ст. в Чернігові // Друга Чернігівська обл.наук.конф. з істор. краєзнавства: Тези доп. – С. 106 – 107.

36 ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 652.

37 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 60 – 93.

38 *Беляев Л.А.* Из истории зодчества древнего Чернигова // Проблемы истории СССР. – М., 1974. – Т.4. – С. 3 – 18.

39 *Коваленко В.П.* Исследования в Чернигове // АО 1984 г., 1986. – С. 245 – 246.

40 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 85 – 87; *Холостенко Н.В.* Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси // Искусство. – 1951. – № 3. – С. 84 – 91; *Воробьева Е.В.* Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. – М., 1976. – С. 175 – 183.

41 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С. 61 – 62.

42 *Богусевич В.А.* Очерки по истории ... – С. – 71 – 72.

43 *Коваленко В.П.* Раскопки ... – С. 340 – 341.

44 *Коваленко В.П., Куза А.В., Моця А.П.* Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1981 г., 1982. – С. 269 – 270.

А.Л.КАЗАКОВ

К ВОПРОСУ ОБ УСАДЕБНОЙ ЗАСТРОЙКЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПРЕДГРАДЬЯ XI – XIII вв.

Широкомасштабные охранные раскопки, развернувшиеся в последние годы в Чернигове, впервые позволили выявить на территории летописного предградья следы двух основных типов усадеб: простой (одно жилое и два-три хозяйственных сооружения) и сложной (несколько жилых, хозяйственных и производственных комплексов) планировки. Особо отмечается наличие на посаде, на значительном удалении от детинца, буквально на самой окраине города, феодальной городской усадьбы.

©А.Л.Казаков, 1990
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

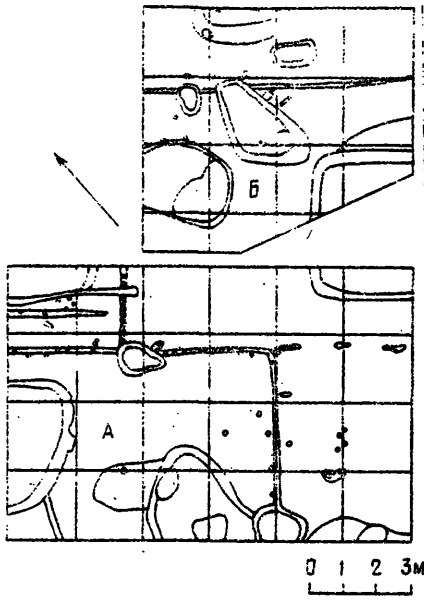


Рис. 1. Комплексы А, Б.

По мнению большинства современных исследователей, в основе внутренней топографии и планировочной структуры древнерусского города лежит усадебная застройка, выявленная в Киеве, Новгороде, Полоцке и др.

Одним из основных признаков усадьбы, который наиболее четко поддается археологической фиксации, является наличие следов оград, охватывающих комплекс жилых, хозяйственных, а также производственных сооружений.

Последние годы Чернигов интенсивно исследуется археологами, однако следы усадебной застройки известны лишь по материалам раскопок 1986 – 1987 гг. Это объясняется, с одной стороны, ограниченностью вскрываемой площадки, которой иногда приходится довольствоваться при охранных исследованиях, с другой – значительной поврежденностью культурного слоя.

Как известно, Черниговщина относится к числу зон, которые в силу специфических природных условий не сохраняют дерево в слоях. Поэтому ограды, как и любые другие сооружения эпохи Киевской Руси, фиксируются, как правило, на уровне материка в виде пятен. В результате работ 1987 г. в северо-западной части летописного предградья[1] вскрыто, по меньшей мере, четыре жилищно-хозяйственных комплекса с различной внутренней структурой. К сожалению, все они исследованы не полностью, на две-три стороны оград, поэтому при определении территории, занимаемой каждой усадьбой, воспользуемся минимальной площадью, которая изучена в рамках той или иной ограды.

В усадьбе "А" (вскрыт ее восточный угол) частично исследованы две одновременные постройки и несколько ям (рис. 1). Обе постройки, судя по незначительному углублению в материке (на 0,4 – 0,5 м), наземные. Одна из них ориентирована по сторонам света с небольшим отклонением, другая – по оси юго-запад – северо-восток. Одна линия ограды усадьбы "А" проходит в направлении юго-восток – северо-запад, вторая – вытянута с северо-востока на юго-запад. Постройки располагаются в непосредственной близости от изгороди таким образом, что угол усадьбы остается свободным от застройки. Площадь вскрытого участка 8 Х 5,5 м. Материал из заполнения построек и ям оград датирует комплекс концом XI – серединой XII в. Исходя из частоты столбовых ям вдоль линии ограды и их незначительной мощности, это был плетень.

Усадьба "Б" примыкает к предыдущей с восточной стороны. Вскрыто три стенки оград. Длина северо-западной стенки 8 м, северо-восточной и юго-западной – 8,5 м. Комплекс включает одну жилую и две хозяйственные постройки. Жилище, имеющее мощный, более чем на метр углубленный в материк подклет, расположено по центру. Хозяйственные постройки сосредоточены в северном углу усадьбы, плотно примыкая к ее изгороди.

Как и в первом случае, хозяйственные сооружения не имеют четкой ориентации. По своей конструкции это также наземные постройки, основания которых на 0,3 – 0,5 м углублены в материк. Западный угол усадьбы "Б" свободен от застройки. Все три комплекса датируются концом XI – XII в.

Усадьба "В" зафиксирована на другом участке, северо-западнее двух первых (рис. 2). Вскрыты три линии ее оград, ограничивающих площадь не менее 10 Х 8 м. Основу усадьбы составляет жилая пятистенка и три хозяйственные постройки. Жилище длинной стенкой вплотную примыкает к ограде. Одна хозяйственная постройка также вытянута вдоль изгороди. Две остальные расположены в центре усадьбы, оставляя между собой свободным незначительное пространство. По конструкции это также наземные сооружения с неглубокими (до 0,5 м) котлованами, вытянутой грушевидной формы.

На данном участке все подчинено внутренней планировке, так как ни одна из построек не имеет сколько-нибудь определенной ориентации. Все четыре сооружения двора датируют его концом XI – XII в.

Наиболее крупным и в то же время сложным по своей топографии является комплекс "Г", включающий четыре жилых, одну производственную и около тридцати хозяйственных построек. Следует обратить внимание, что такое количество сооружений содержит лишь северный, исследованный угол усадьбы. Его площадь свыше 900 м^2 (31 X 30 м).

В функционировании усадьбы выделяется несколько периодов. Разновременность комплексов позволяет проследить поэтапность формирования этого довольно крупного "организма".

На раннем этапе, в конце XI – начале XII в., в центре участка, обнесенного изгородью, располагались жилое сооружение, оставившее два мощных, плотно примыкающих друг к другу подклета, и погреб в виде округлой ямы, до полутора метров глубиной (диаметр 1,2 м), на дне которой сохранилась амфора.

В радиусе 6 – 12 м территория вокруг этого комплекса практически не была застроена. На расстоянии 14 м от жилья, параллельно "внешней", северной ограде, прослеживаются следы внутренней изгороди, отделяющей одну жилую, две хозяйственные постройки и несколько ям. Восточнее, также вдоль северной границы усадьбы, в это же время существует еще одна жилая и несколько хозяйственных построек.

Ряд хозяйственных комплексов выявлен на восток и от центрального сооружения усадьбы.

В XII в., несмотря на то что большинство обозначенных сооружений продолжают существовать (хотя, вероятно, ряд из них вышел из строя), появляются новые. Прежде всего к центральному жилому комплексу с северной стороны пристраивается еще одно сооружение. В непосредственной близости к нему появляются три хозяйственные постройки.

В северной части, плотно примыкая к существующей внутренней ограде, выстраивается еще одно жилище. Вопреки нормам противопожарной безопасности, одновременно с жилой постройкой, буквально вплотную к ней, поставлено еще одно сооружение. Характер заполнения и интерьер неоспоримо указывают на его производственное назначение. Оно ориентировано по оси запад – восток и на 0,6 м углублено в материк. Вход находился с восточной стороны. Комплекс имел столбовую конструкцию. Вдоль южной стенки наблюдается углубление (0,4 м) относительно пола. В центральной части, ближе к южной стенке, фиксируется свыше 30 ям различной глубины и диаметра. Две из них сильно прокалены и плотно заполнены железными шлаками. Остальная поверхность пола в этой же так называемой рабочей части, устлана мощным слоем железной шлакообразной массы, содержащей множество мелких железных капель. Здесь же, в южной стенке, подбоем сделана полка, обмазанная глиной. Под северной стенкой сохранилась яма, в которой могла находиться емкость с водой. Скорее всего это кузнечная мастерская. Замыкает жилищно-производственный комплекс хозяйственное сооружение, рядом с которым, судя по направлению изгороди, находился вход во двор. Материал из построек и канавок ограды, с южной стороны закрывающей комплекс, синхронный (XII в.). О параллельности существования в данный период двора, расположенного вдоль основной, северной, ограды этой большой усадьбы и вышерасс. отренного комплекса, свидетельствует керамика, выявленная на его территории и в заполнении построек, возникших на новом этапе в северном углу усадьбы. Дополнительным свидетельством в пользу продолжительности существования усадьбы "Г" являются следы неоднократных ремонтов внешней изгороди.

Открытие комплексов позволило сделать определенные выводы и поставить ряд вопросов как в изучении данной территории, так и в исследовании отдельных аспектов градостроительной техники в целом, сопоставив их с известными комплексами в других городах.

Выделяются два основных типа усадеб – простой (рядовой) и сложной планировки. Простой схемой обладают усадьбы А, Б, В, сосредоточивающие на своей территории, как правило, одно жилое и два-три хозяйственных сооружения. По внутренней структуре они также подразделяются на два вида. В одном случае комплексы располагаются таким образом, что свободным от застройки остается один угол усадьбы

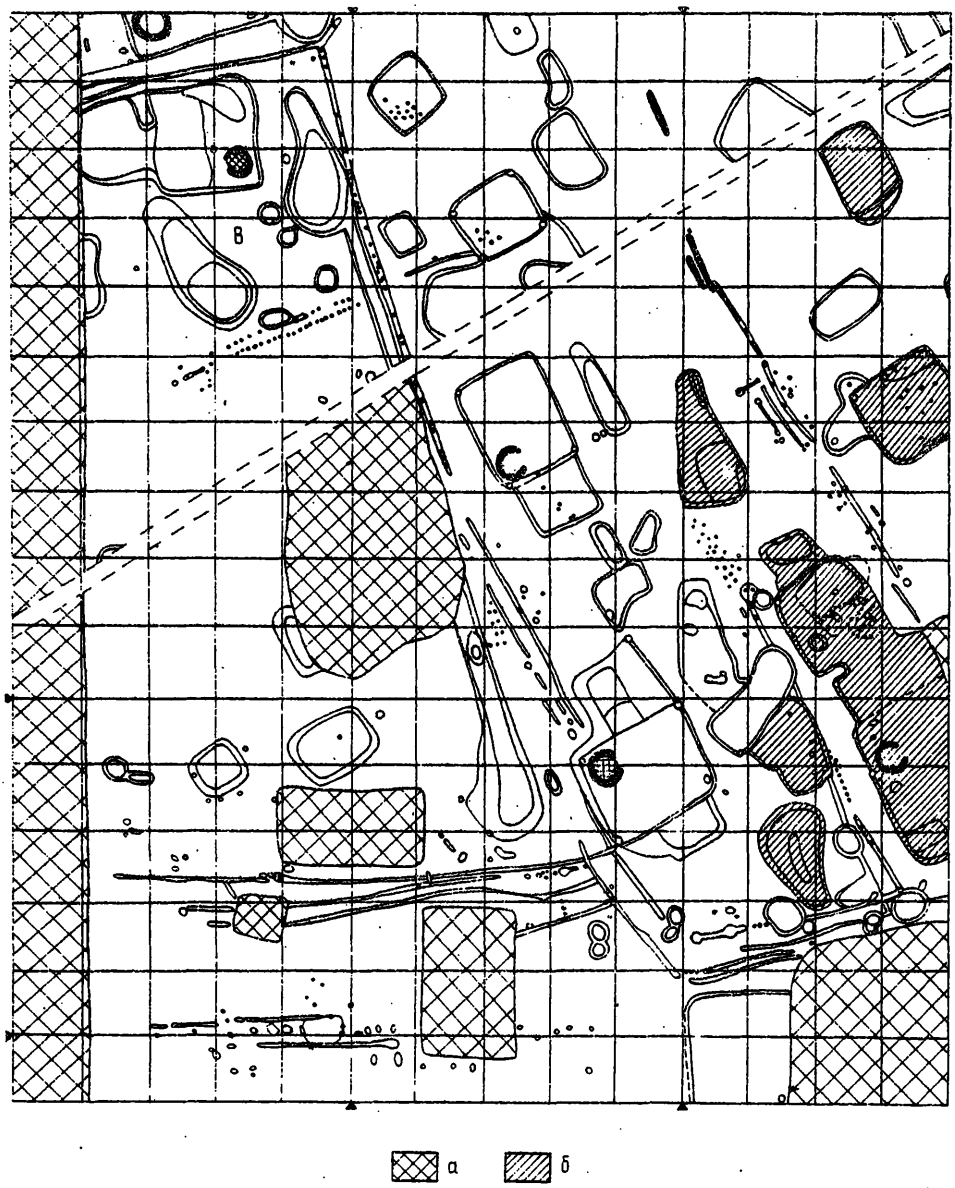
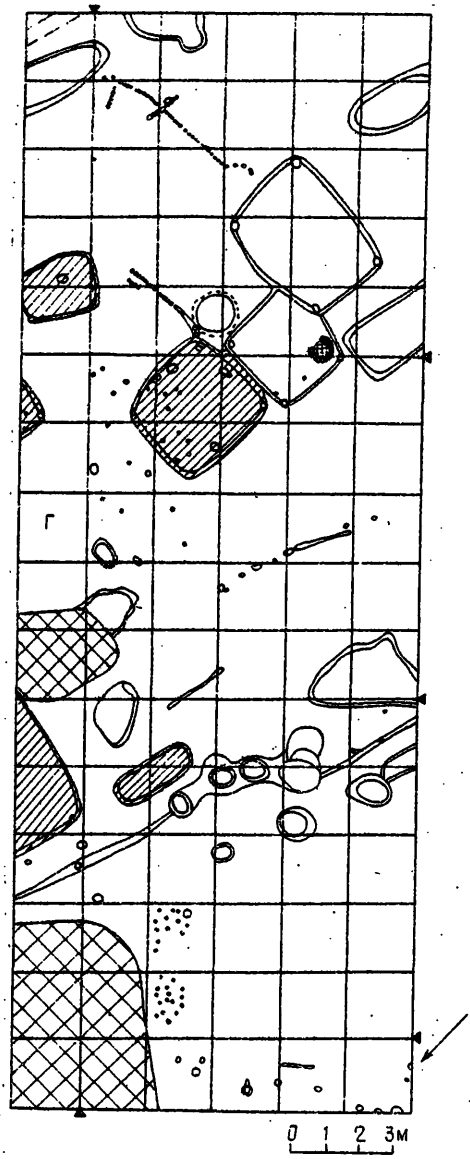


Рис. 2. Комплексы В, Г.
а – перекоп, *б* – застройка XII в.

(усадьбы А, Б). Во втором практически вся полезная площадь находится под застройкой (усадьба В). Общая площадь рядовых усадеб варьирует в пределах 100 м^2. По составным компонентам (1 жилая + 2–3 хоз. постройки) комплексы этого типа наиболее близки к рядовым усадьбам Киевского Подола[2]. Такая планировочная закономерность, очевидно, объясняется единой градостроительной традицией в южно-русских землях.

Исследователи неоднократно обращали внимание на существование в городах крупных феодальных дворовых хозяйств. Наличие таких усадеб в Киеве уже в X в. подтверждает известная летописная статья 945 г.[3] Археологически целый ряд крупных феодальных усадеб исследован в Неревском и Ильинском раскопках в Новгороде. Их площадь колеблется от 30 X 15 м, до 54 – 40 X X 47 – 20 м[4]. Вероятно, к числу таких крупных феодальных "организмов" следует отнести и комплекс "Г" в Черниговском предградье.



Как показали работы в Новгороде и некоторых других городах, характерной особенностью феодальной усадьбы является возможность размещения на ее территории целого ряда жилых, хозяйственных и производственных комплексов.

Здесь, по мнению В.Л. Янина, могут быть различные модели. "Боярская семья могла расширять свое городское землевладение, постепенно прикупая новые дворы по мере расширения семьи и ее богатств. Но она могла и изначально владеть обширным участком кончанской (городской. – *А.К.*) территории, многими усадьбами, часть которых была заселена зависимыми от нее людьми"[5]. Нет никаких оснований отрицать последний вариант и для крупных городов, в частности Чернигова.

Обширная площадь (свыше 1500 м^2) обследованной части предградья, достаточно высокая плотность застройки позволили высказать некоторые суждения и о городском домостроительстве, наметить в общих чертах типологию построек XI – XIII вв. самого крупного летописного района древнего Чернигова. На протяжении изучаемого периода наблюдается довольно устойчивая тенденция в конструкции комплексов. В XI – XII вв. параллельно существуют как двухэтажные жилые постройки с верхней отапливаемой камерой и мощными квадратными подклетами, так и на 0,5 м углубленные в материк жилища, имеющие печь на материке. Кроме того, присутствует пятистенка с отапливаемым верхним этажом.

Хозяйственные комплексы делятся на две группы. В первую, составляющую около 70 %, входят вытянутые овало- и грушевидной формы постройки, впущенные в материк на разную глубину (от 0,1 до 1,0 м). Во вторую – квадратные и прямоугольные постройки столбовой конструкции глубиной от 0,7 до 1,2 м. Оба типа присутствуют как в XI, так и в XII – первой половине XIII в. В целом конструкция сооружений традиционна, хотя есть некоторые явные отклонения от общепринятых, известных ранее в Чернигове форм, вызванные смешением северо- и южно-русских традиций. С одной стороны, это многокамерные спаренные сооружения (в данном случае трех), с другой – мощные подклеты, имеющие столбовую основу.

Отметим особо не только наличие на Черниговском посаде феодальной городской усадьбы и расположение ее среди многочисленных хозяйств городского рядового населения, но и размещение ее на значительном удалении от детинца, в периферийной части города, на самой окраине.

Характерной особенностью дворов-усадеб является их различная ориентация. Причем ориентация построек в рамках оград в основном подчинена направлению последних. Вероятнее всего, это вызвано направлением улиц, вдоль которых размещались сами усадьбы.

[1] Упомянуто в летописи в связи с событиями 1152 г. // ПСРЛ. – М.; Л., 1962. – Т. 1. – Стб. 338.
[2] Древняя Русь: Город, замок, село. – М., 1985. – С. 146.
[3] НВЛ. – М., 1950. – Ч. 1. – С. 40.
[4] *Кутовой А.Н.* Усадьбы как основные элементы градостроительной структуры древнерусского города // Древнерусский город. – Киев, 1984. – С. 65.
[5] *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. – М., 1981. – С. 28.

Р.С.ОРЛОВ

БЕЛОКАМЕННАЯ РЕЗЬБА ДРЕВНЕРУССКОГО ЧЕРНИГОВА

Наблюдения над черниговскими рельефами позволяют сделать вывод об их связи с каролингской орнаментальной традицией и плоскостно-выемчастой резьбой XII в. из Норвегии. Черниговская белокаменная резьба и украшения из черниговских ювелирных мастерских демонстрируют древнейшие образцы того направления в искусстве, которое меньше других зависело от прибывавших на Русь византийских и романских мастеров, оказавших большое влияние на формирование и развитие владимиро-суздальской и галицкой школ орнаментальной резьбы.

В настоящее время с уверенностью можно говорить о вполне сформировавшемся в историографии представлении о трех школах каменной архитектурной пластики XII – XIII вв.: владимиро-суздальской, галицкой, черниговской. Близость романскому искусству прослеживается во всех трех школах, но более всего в галицкой и владимиро-суздальской, имеющих теснейшую связь с романской архитектурой (вплоть до единства архитектурных и строительных традиций). Эти школы связаны и между собой – ранние галицкие постройки (церковь Иоанна в Перемышле 1124 г., церковь Спаса в Галиче 1152 г.) совпадают с постройками Юрия Долгорукого по конструкции фундаментов, характеру квадровой кладки. Точка зрения о проникновении на Русь романской техники белокаменной кладки из Малопольши впервые была выдвинута П.А.Раппопортом[1] и нашла подтверждение в работах О.М.Иоаннисяна[2]. Приглашенные Володарем Ростиславовичем мастера строили в романской технике типичные древнерусские крестовокупольные храмы, почти не украшенные резьбой. В конце 40 – начале 50-х годов галицкие мастера уходят во Владимиро-Суздальскую Русь к Юрию Долгорукому, а в построенном в эти годы Успенском соборе в Галиче широко используются камни с орнаментальной резьбой в перспективных порталах, зооантропоморфные рельефы.

По мнению большинства исследователей, к этому времени в Чернигове уже созданы капители Успенской церкви и Борисоглебского собора. Однако черниговские памятники ничем не напоминают продукцию новой артели галицких мастеров, сложившейся из мастеров Венгрии и вновь пришедших из Польши. Во Владимиро-Суздальской Руси скульптурный декор храмов получает дальнейшее развитие при Андрее Боголюбском – в церкви Рождества Богородицы в Боголюбове и в Успенском соборе во Владимире (около 1150 г.). Исследователи подчеркивают типичность древнейших рельефов для европейской романской пластики XII в., ее связь с немецкой скульптурой[3].

Школы галицкой и владимиро-суздальской скульптуры воспринимаются исследователями как действительно ремесленные школы, где обучались и местные мастера. Отличительной чертой черниговской скульптуры является ее самобытность – многих в этом убеждает семантика капителей из Борисоглебского собора (образы дракона, волков или барсов, птиц), отражающая языческое мировоззрение[4]. Действительно, попытки связать черниговскую резьбу напрямую с романской нельзя назвать убедительными. Д.В.Айналов сопоставлял капитель 1860 г. с консолями львиных масок церкви Нотр Дам де ля Гард в Пуатье[5]. И хотя Г.К.Вагнер полагал это не случайным[6], пластика Нотр Дам имеет отношение к Чернигову не более, чем скульптура фасадов собора Сант Пьера из Ангулема или рельефов портала Мариа-Лаах из Германии. Среди обломков черниговской резьбы нет и распространенных в романском искусстве аканфовых листьев, капителей коринфского ордера.

В том, что в Чернигове произошла самостоятельная переработка романского стиля, был уверен Н.Макаренко[7]. Правда, ему было известно немного – несколько обломков из раскопок 1909 г., отнесенных Б.А.Рыбаковым к киворию Благовещенской

©Р.С.Орлов, 1990

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

церкви 1186 г. Их плетенку, выполненную в плоскостной манере, исследователь отнес к малоизвестным местным мастерам мотивам, а композицию из "сухо выполненных стеблей" и "более сочно крылом птицы" колебался отнести к скандинавской или итальянской системе декорации. Так же осторожно исследователь высказал предложение о предроманском происхождении рельефов: аналоги виделись в лангобардской и каролингской резьбе, в рельефах краковской кафедры из Вавеля.

Наблюдения Н.Макаренко подтвердились после 1953 г., когда при раскопках на Неревском конце Новгорода были найдены две деревянные колонны с плоскорельефной резьбой, время бытования которых 40 – 80-е годы XI в.[8] А.В.Арциховский, сопоставив плетение деревянных колонн с рельефами Далмации и Вавеля, прямых аналогов в древнерусской пластике не нашел, – по-видимому, черниговские рельефы ему остались неизвестными[9]. В 70-е годы Е.В.Воробьева отметила близость рисунка плоскорельефной резьбы черниговских камней и новгородских колонн[10]. Принципиально новым, в сравнении с выводами Н.Макаренко, является признание их местного "архаического" характера, сопоставление с новгородской резьбой, включая ручки ковшей, с оковками из Черной Могилы, колтами Святозерского клада 1908 г.

Несмотря на постоянный интерес к черниговской резьбе, ожидаемого вывода о происхождении ремесленной традиции не последовало. В этом сказывается и состояние источника – за все годы найдено шесть капителей и несколько более мелких обломков. Большая часть находок происходит из поздних закладок в Борисоглебском соборе, с площадки Благовещенской церкви, а один фрагмент – из Ильинской церкви. Спорная датировка памятников черниговского зодчества заставляет обратиться к обстоятельствам находки резных камней.

Особенностью черниговской скульптуры является вторичное залегание ее памятников в культурном слое, отсутствие прямой связи с сохранившимися храмами. Кроме того, в Чернигове неизвестна техника строительства из каменных блоков – известняковые резные камни украшали кирпичные постройки.

Больше всего разных камней происходит из Борисоглебского собора:

1. Капитель 1860 г., названная "черниговской".

2. Фрагмент полуколонки 1860 г.

3. Угловой камень с изображением дракона и птицы. Обнаружен при архитектурно-реставрационных исследованиях в 1947 – 1948 гг. в слое строительного мусора под порогом западного портала[11].

4. Капитель с изображением волков (собак) в ленточном плетении, переходящем в головки хищников. В забутовке южного портала.

5. Капитель с изображением парных волков (собак), аналогичных предыдущим, но в плетении, переходящем в крин (цветок). В забутовке южного портала.

6. Фрагмент капители с фигурой льва или волка в плетении. У западного портала.

В поздней закладке Ильинской церкви найден:

7. Фрагмент капители с изображением головы льва.

При раскопках В.П.Коваленко в 1984 г. во дворе усадьбы Художественного музея, в слое развала каменного сооружения XII – XIII вв. найден:

8. Камень перекрытия дверного проема, с плетением на двух плоскостях[12].

Небольшая коллекция резных камней происходит с территории Благовещенской церкви:

9. Фрагмент плоского фриза с изображением птицы в ленточном плетении. Раскопки 1909 г.[13]

10. Фрагмент прямоугольной тяги архивольта или колонки с плетением. Раскопки 1909 г.

11. Фрагмент округлой тяги архивольта с ребрами. Раскопки Б.А.Рыбакова 1946 г. Восточная часть южного нефа.

12. Обломок камня с рельефной волютой. Раскопки 1946 г.

13. Обломок плоского фриза с плетением. Раскопки 1946 г. Юго-восточный пилон.

14. Обломок камня с тонкой резьбой. Северо-западный угол.

15. Обломок камня с ленточным плетением, в том числе с мотивом двойной ленты, разделенной рядом кружков. Раскопки 1946 г. Юго-западный угол галереи.

16. Обломок резного камня, найденный Д.Я.Самоквасовым в 1878 г. и названный "узорчатым гипсовым украшением"[14].

17. Фрагменты профилированных плит. Раскопки 1946 г. Подкупольное пространство.

По предложению Б.А.Рыбакова, часть резных камней из раскопок Благовещенской церкви происходит от кивория, стоявшего в алтарной апсиде. Если это так, то датировка рельефов еще более затруднительна – киворий мог быть создан не одновременно с собором, а раньше или позднее

Другие резные камни традиционно связывают с декором памятников зодчества. С конкретным памятником капитель 1860 г. связал в публикации 1926 г. И.П.Моргилевский: обмеры полуколонн Успенской церкви Елецкого монастыря привели его к мысли, что капитель завершала наружную полуколонну[15]. Е.В.Воробьева сопоставила известные ей капители с размерами полуколонн черниговских храмов по следующей схеме (диаметр в см):

Памятник	Успенская церковь	Борисоглебский собор	Благовещенская церковь
Нижняя часть полуколонн	83 – 89	86 – 92	130
Капители			
1860 г. из Борисоглебского собора	60		
С парными зверями из Борисоглебского собора, 1947 – 1948 гг.		70 – 72	
С головой льва из Ильинской церкви			110

Был сделан и соответствующий вывод о принадлежности капителей таким постройкам: капитель 1860 г. – Успенскому собору Елецкого монастыря, капители с парными зверями – Борисоглебскому собору или дворцовым постройкам рядом с ним, углового камня с драконом и птицей – княжеским постройкам Давидовичей, капитель из Ильинской церкви – Благовещенской церкви. Ю.С.Асееву такой взгляд на черниговскую резьбу представляется аргументированным[16]. Более осторожно высказался П.А.Раппопорт, придерживаясь точки зрения, близкой Н.В.Холостенко, о принадлежности встреченных в Борисоглебском соборе капителей разным частям здания, а углового камня – западному порталу галереи[17].

Определяя принадлежность резных камней, исследователи придерживаются тех или иных датировок храмов, своих взглядов на историю черниговской строительной традиции. Так, определяя капитель 1860 г. как древнейшую на основании стилистических особенностей, Е.В.Воробьева считает ее древнее углового камня, полагает возможным отнести ее к дворцовым сооружениям у Борисоглебского собора. Между тем капитель и угловой камень близки по целому ряду признаков: "скульптурностью", большей объемностью, менее, чем на других камнях, плотностью плетения, которое из плоской ленты превратилось в круглые жгуты. Жгуты, обрамляющие плетение на капители 1860 г. и на угловом камне, имеют одинаковые насечки, идущие под углом вверх и вниз (рис. 1).

Примечательно и то, что самая большая капитель – фрагмент из Борисоглебского собора с головой льва – также демонстрирует объемную резьбу, насечки на обрамлении (рис. 2). Резьба других камней более плоская, по-существу, это контурно-выемчатая резьба, типичная для деревянной скульптуры Новгорода, позднее проявившая себя в белокаменной резьбе порталов собора Рождества Богородицы в Суздале[18].

Затруднения, возникающие у исследователей в датировке черниговских рельефов, выразились в том, что И.П.Моргилевский капитель 1860 г. отнес к XII в., Ю.С.Асеев, оговаривая вероятность изготовления в разное время разными мастерами, датирует черниговскую резьбу серединой – второй половиной XII в., Г.Н.Логвин – второй половиной XII в.[19], Е.В.Воробьева – первой половиной XII в., П.А.Раппопорт относит часть камней к 1097 – 1123 гг. и т.д.

Датировки черниговских храмов (кроме Благовещенской церкви 1186 г.) спорны и вызывают у исследователей разногласия:

Исследователь	Датировка сооружения памятников		
	Успенская церковь	Борисоглебский собор	Ильинская церковь
Н.В.Холостенко	90-е годы XI г.	1120 – 1123 гг.	1070 – 1080 гг.
Ю.С.Асеев	Середина XII в.	Середина XII в.	1130-е гг.
Г.Н.Логвин	Вторая половина XII в.	1123 г.	Конец XII– начало XIIIв.
П.А.Раппопорт	1097 г. (после прихода византийских мастеров)	Между 1097 и 1123 гг.	?
Е.В.Воробьева			
А.А.Тиц	1110 – 1120 гг.	1120 – 1130 гг.	

Стилистические особенности построек таких разногласий не вызывают: все отмечают бесспорные черты романского зодчества Успенской и Борисоглебской церквей– полуколонны на фасадах, аркатурные пояса на фасадах и барабане. К таким же признакам можно отнести разбивку наружных стен полосами белого раствора на квадры, имитирующие белокаменную кладку. Подобная разбивка затирки наружных стен на русты в подражание каменной кладке, расчленение арочных перемычек на клинчатые "камни" встречены в Ильинской церкви[20].

Каменные блоки встречены и в кладке (38–40 X 18–20 X 6,5–7 см). Из квадров тесаного камня выведен цоколь Успенской церкви, а известняк-плитняк и плиты использованы древними зодчими при закладке фундаментов Успенской и Борисоглебской церквей. Благодаря таким особенностям черниговского строительства, использование резного камня не выглядит случайным или кратковременным событием в художественной жизни Чернигова.

Исходя из характера плетенки черниговских камней, аналогичной резьбы Далмации, Польши, Новгорода, Е.В.Воробьева говорит о традициях "славянской художественной культуры", уходящих в языческую древность. Эту культуру выделяет постоянство художественных вкусов одного рода Святославовичей, – по ее мнению, изображения зверей в родовой усыпальнице Давида Святославовича не выглядят случайными. Такой взгляд на происхождение черниговской белокаменной резьбы однобок, так как не учитывает профессионализм творчества мастеров-создателей. Кажущийся исследователям "архаический" характер плетения и его языческая семантика не служат основанием для датировок рельефов, определения их происхождения. Трудно представить, что тематика рельефов со зверями восходит к "тотемистическим представлениям славян" – идейный замысел скульптурных композиций скорее отвечал целям возвеличения княжеской власти.

Принципиальная разница между скульптурой Чернигова и остальными памятниками, включая немногочисленные рельефы Рязани, входящей в состав Черниговской епархии, настолько значительны, что объяснить ее можно только новой строительной традицией. П.А.Раппопорт отметил за период с конца X до конца XI в. не менее четырех случаев приезда византийских мастеров. Подобное, по его мнению, произошло и в конце 30-х годов XII в. в Киеве, откуда уходят в Полоцк киевские мастера – в начале 40-х годов строится Кирилловская церковь в новой технике равнослойной кладки[21]. Новая техника связана с переходом в Киев черниговских мастеров, начавших новое строительство в конце XI – начале XII в. в Чернигове и построивших Успенскую, Борисоглебскую, Ильинскую церкви. Наблюдения П.А.Раппопорта подтверждают более ранние даты сооружения этих памятников, предложенные Н.В.Холостенко.

Новые мастера византийского круга (плинфа, цемянка) из провинции (равнослойная кладка) находились под влиянием романской архитектуры (аркатурные пояса и др.). Органическое сочетание технических и художественных средств убедили П.А.Раппопорта в выработке приемов строительства до прихода на Русь. Безусловно, как тип храма, так и резьба отвечали местным вкусам, но талантливые мастера были приглашены в Чернигов Олегом Святославовичем не ранее 1094 г., после десятилетнего пребывания в Тьмутаракани, а до этого – в Византии (о-в Родос).

Наблюдения над черниговскими рельефами не противоречат картине строительной деятельности новых мастеров, обрисованной П.А.Раппопортом. Сложная плетенка

капителей с парными зверями и камень 1984 г. из усадьбы Художественного музея ассоциируется, конечно, не с "архаической" языческой культурой, а с вполне конкретной каролингской традицией. Отдаленно напоминающие старохорватское плетение IX – X вв. (Сплит, церковь Трифуна в Которе, церковь Софии в Двограде, церковь Стефана в Перье), черниговские рельефы не имеют плоскостной резьбы и такой же геометрической четкости деления на круги, ромбы, угольники[22]. Хорватские рельефы, как впрочем и резьба Вавеля, и порталы Сулеюв в Польше, ближе лангобардской традиции, хорошо известной в Верхней Италии, в Риме и Венеции[23].

Более свободнее, раскованнее и ближе к черниговскому плетение староболгарских рукописей X в. (Зографское и Ассеманиево Евангелия)[24], "каролингское" плетение торевтики Великой Моравии (кружка из Клепино)[25]. В деталях плетения заставки Ассеманиева Евангелия второй половины X в. и камня 1984 г. совпадают диагностические признаки: крин внутри лепестка. Завиток лепестка на этой плите, как и в Зографском Евангелии, завершается точкой – прием и болгарской, и венгерской, и черниговской торевтики X в.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на сходство зверей (волков или собак), трактовки деталей: шерсти, глаз, полураскрытой пасти капителей из Борисоглебского собора с плоскостно-выемчастой резьбой интерьеров XII в. из Норвегии[26]. Достаточно сравнить маленькие головки хищников, перекусывающих ленту плетения на черниговских камнях (рис. 3) с резьбой деревянного портала церкви Торпов Халлингдале, с резьбой в церкви типа "Ставкирке" в Хилестаде (рис. 4). К X – XI вв. в искусстве эпохи викингов в Скандинавии произошло слияние ленточного плетения вендельского периода с англо-ирландскими, каролингскими мотивами. Черниговский стиль рельефной резьбы в художественной культуре Руси представляет течение, во многом родственное эллингскому стилю, но в фигурах зверей в отличие от фигуры "большого зверя" нет резких поворотов, порыва, сцен терзания – они геральдичнее, утверждают идеи миропорядка (рис. 5).

Черниговский стиль белокаменной резьбы проявился в орнаментации украшений, в деревянной резьбе Новгорода не только на колоннах, но и на других категориях изделий. Наиболее выразителен камень перекрытия 1984 г. (рис. 6, *1, 2*). По сложившейся традиции сопоставив ширину дверного проема по крайним точкам боковых отесов – 74 см, приходим к выводу, что камень вполне мог перекрывать дверной проем (76 см) однокамерного терема, раскопанного в 1950 – 1951 гг.[27] Н.В.Холостенко и В.А.Богусевич отнесли его постройку ко второй половине XI в., но, по мнению П.А.Раппопорта, он вполне может относиться к началу XII в.[28] Н.В.Холостенко связывал гибель и разрушение теремов с периодом острой борьбы между Олегом Святославовичем и Владимиром Мономахом – с пожаром княжеского двора в 1096 г. В этом случае версия П.А.Раппопорта о приходе новых мастеров в конце XI в. исключает белокаменный декор теремов, сооруженных вскоре после Спасского собора. С другой стороны, стилистические особенности плиты 1984 г. указывают на ее плетенку как на более древнейшую, отражающую каролингскую традицию. Показательно плетение на фасадной стороне из сдвоенных узлов с трилистником (рис. 6, *1*) с мотивом линии с точкой. Подобное можно видеть на рукоятях мечей типа S (Подгорцы Львовской обл., Блистава Черниговской обл.)[29].

Выпуклая сторона камня покрыта густым плетением с четырехлепестковой фигурой, ромбом и кругом в центре. Одноленточное, по характеру заполнения фона подобное новгородской колонне, оно отдаленно напоминает плетение в арке Большого Сиона из Софии Новгородской. Определенное сходство черниговская плетенка имеет в одноленточном плетении с отростками в инициалах Псалтыри Фолхарда школы Санкт Галлена в Швабии (IX – X вв.)[30]

Капители из Борисоглебского собора с изображениями волков (№ 3, 4, 5) (рис. 7, *1, 2*) и фриз с птицей (№8) характером ленточного плоскостного плетения наследуют каролингскую традицию, являясь предшественником тератологической орнаментации XIII – XIV вв. Иконографическая близость к древнерусским украшениям проявляется, в первую очередь, в сравнении с гравировками на колтах и пластинчатых створчатых браслетах. Мастерская, локализованная Б.А.Рыбаковым в районе Чернигова, производила колты с изображением зверя в плетении, заглатывающего ленту: для колтов Святозерского клада найдена матрица с княжеским знаком Всеволода Ярославовича.

К статье Р. С. Орлова «Белокаменная резьба древнерусского Чернигова»

Рис. 1. Борисоглебский собор. Угловой камень «объемной» резьбы

Рис. 2. Борисоглебский собор. Обломок капители «объемной» резьбы

Рис. 3. Борисоглебский собор. Камень «плоскостного» плетения с изображением волков и головок хищников, перекусывающих плетение

Рис. 4. Норвегия. Плоскостно-выемчастая резьба из церкви Торпов в Халлингдале (*1*) и церкви типа «Ставкирке» в Хилестаде (*2*), датируемые XII в.

Рис. 5. Борисоглебский собор. Капитель «черниговского стиля» с изображением геральдических зверей

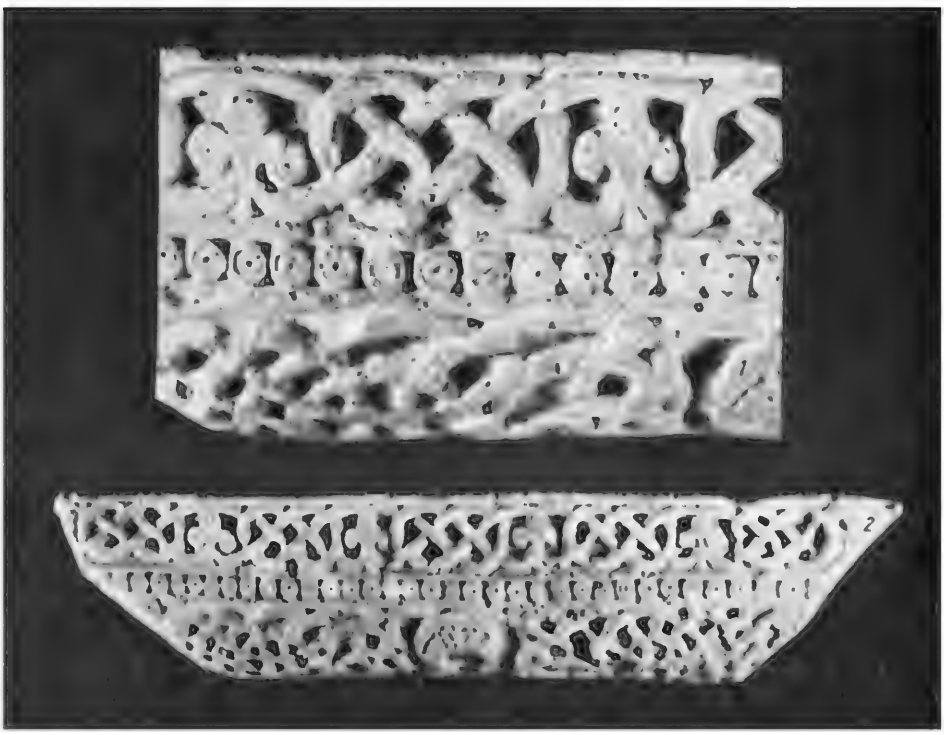


Рис. 6. Черниговский детинец. Камень перекрытия из раскопок 1984 г. Плетение на фасадной стороне (*2*) и его фрагмент (*1*)

Рис. 7. «Черниговский» стиль орнаментации на капителях Борисоглебского собора первой половины XII в. (*1*, *2*) и литейных формах из усадьбы Десятинной церкви XII — начала XIII в. (*3*, *4*)

Окончание рис. 7

К статье Г. А. Вознесенской «Технология производства древнерусских ножей в I половине XIII в.

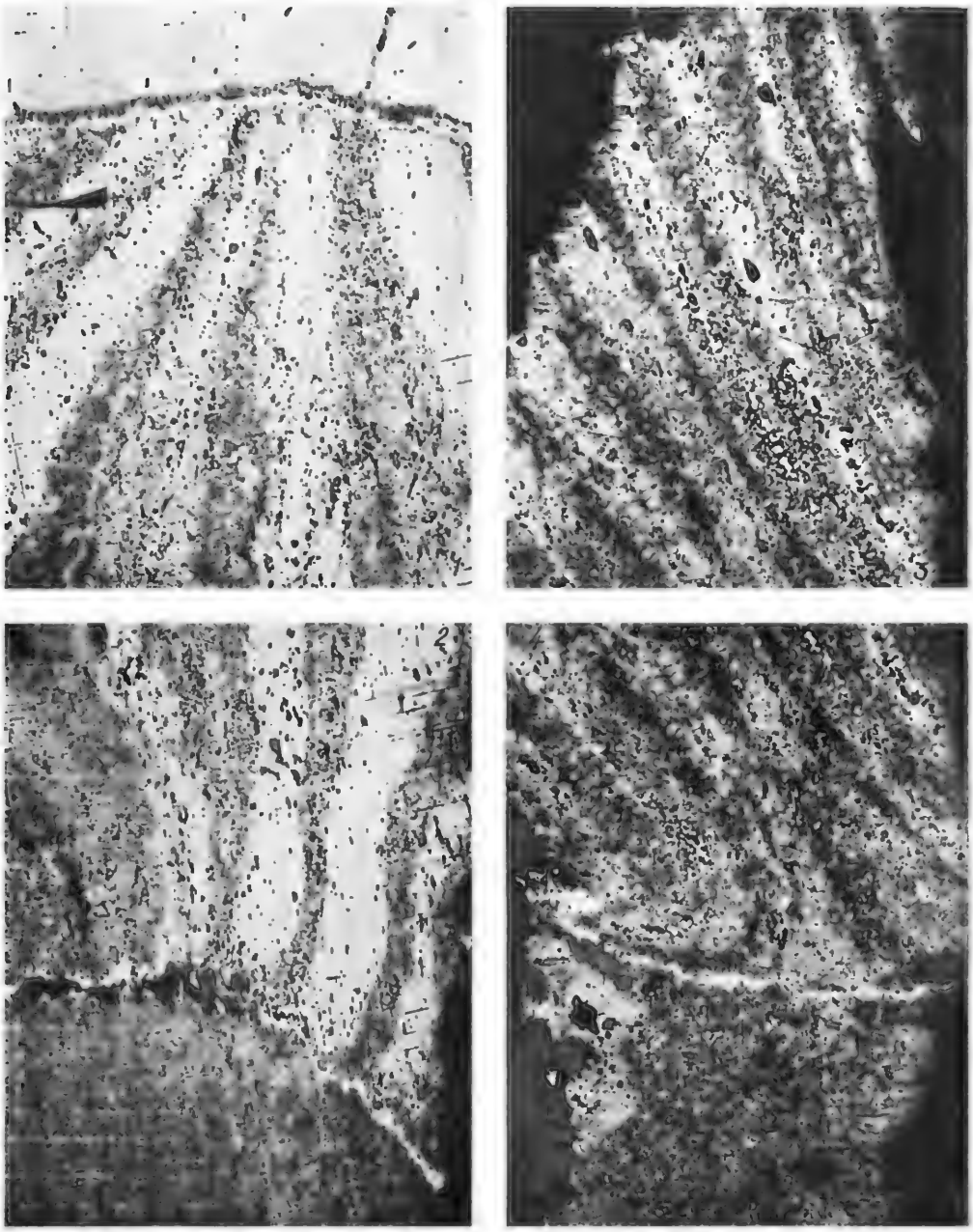


Рис. 2. Микроструктура ножей с клинками из сварочного дамаска.
1, *2* — ан. 2441, ув. 70; *3*, *4* — ан. 2324, ув. 70

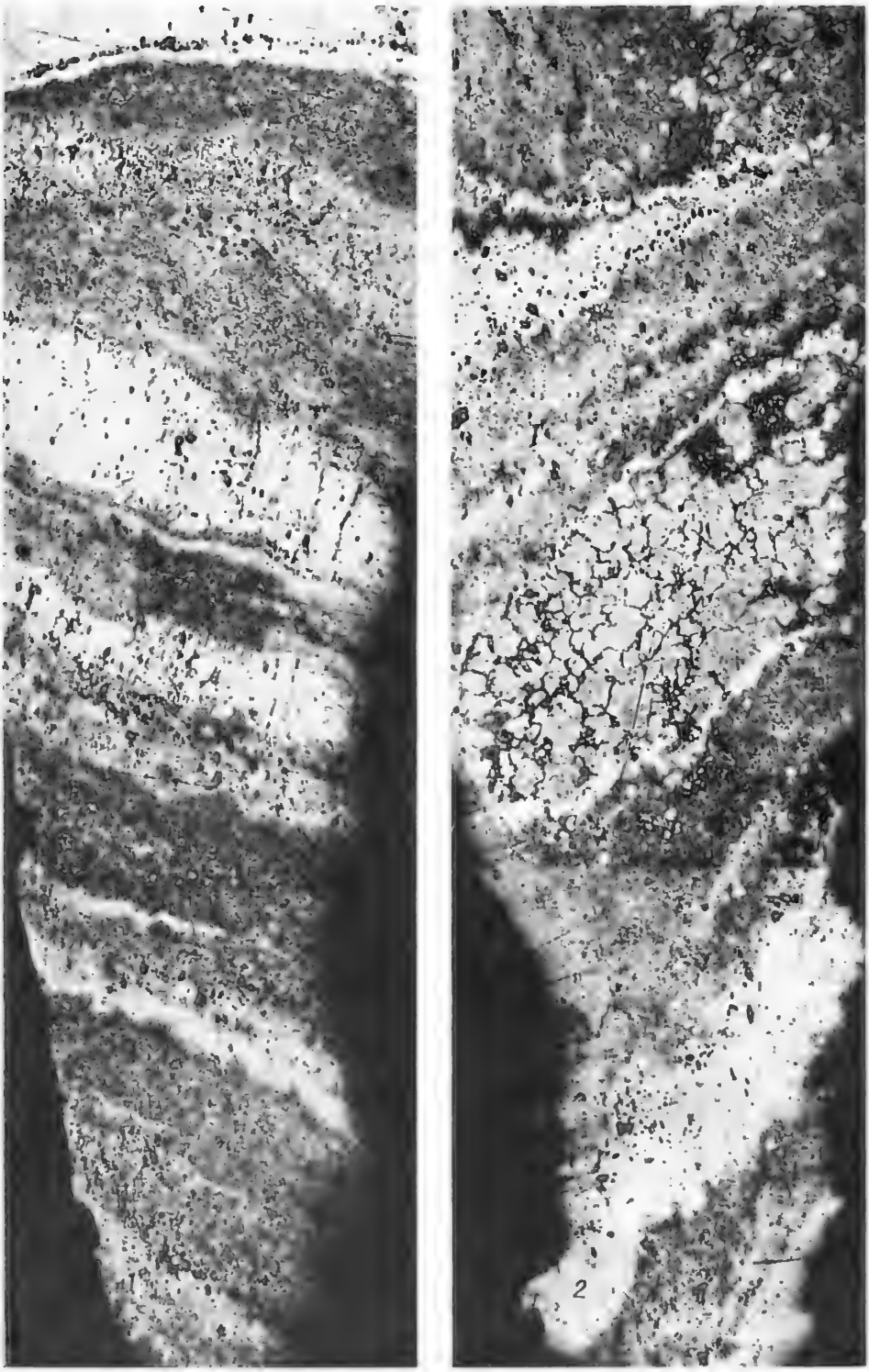


Рис. 3. Микроструктура ножей с клинками из сварочного дамаска.
1 — ан. 2341, ув. 70; *2* — ан. 2381, ув. 70

Похожий зверь изображен на колтах из клада у Спасского собора, в кладе 1879 г. у с. Льгова. К этому типу относятся колты из рязанских кладов 1879 и 1973 гг., из Тереховского клада 1876 г.[31]. Лента плетения может быть одинарной (Рязань), двойной (Льгов), тройной (Терехово).

Ленточное плетение с зооморфными мотивами встречается на обручах – створчатых браслетах. Драконы обручей Киевского клада 1903 г. и Тереховского иконографически близки дракону углового камня (№ 3), но характер плетения иной – геометризацией и законченностью композиции напоминает инициалы Юрьевского Евангелия. Это более поздний этап развития черниговского стиля: обруч из Киевского клада 1903 г., литейные формы для сиринов и зверей из усадьбы Десятинной церкви (рис. 7, *3, 4*), обруч Тверского клада 1906 г. демонстрируют обогащение новыми мотивами. Новая орнаментика – "черниговский стиль" – распространяется по всей территории Руси, превращаясь в общедревнерусский стиль.

Наблюдения над развитием черниговского стиля орнаментальной резьбы позволяют внести коррективы в намеченный Т.И.Макаровой эволюционный ряд типов колтов. В основе ее схемы – представление, достаточно традиционное: о развитии ремесленной традиции из центра на периферию, из Киева в соседние области. Картина развития оказывается сложнее: сосуществуют несколько центров, как в архитектуре, так и в белокаменной резьбе, и ювелирном ремесле.

Происхождение черниговской резьбы может оказаться связанной не только с византийскими мастерами, прибывшими ко двору Олега Святославовича. Достаточно вспомнить, что и Владимир Мономах был женат на английской принцессе Гите, дочери короля Гаральда (ум. 1066 г.) В XI в. обстоятельства складывались так, что норвежские конунги на Руси – частые гости[32]. Возможно, какие-то мастера прибывали с ними к княжеским дворам – орнаментальное искусство скандинавов обогащало каролингскую плетенку, хорошо известно местным мастерам. Во всяком случае, черниговская белокаменная резьба и украшения черниговских ювелирных мастерских демонстрируют древнейшие образцы того направления в искусстве, которое менее других зависело от прибывавших византийских и романских мастеров и оказывало большое влияние на формирование и развитие владимиро-суздальской и галицкой школ орнаментальной резьбы.

---

[1] *Раппопорт П.А.* К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы // Славяне и Русь. – М., 1966. – С. 459 – 461.

[2] *Иоаннисян О.М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества // КСИА. – 1981. – № 164. – С. 35–42.

[3] *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. XI в.: Владимир. Боголюбово. – М., 1969. – 480 с.

[4] *Воробьева Е.В.* Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. – М., 1976. – С. 175 – 183; *Асеев Ю.С.* Стилистические особенности черниговского зодчества XII – XIII вв. // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. – Киев, 1988. – С. 135 – 143.

[5] *Айналов Д.В.* О новых архитектурных находках в Чернигове // ЗОРСА. – 1913. – № 13. – С.330.

[6] *Вагнер Г.К.* Указ. соч. – С. 72.

[7] *Макаренко М.* Скульптура й різбярство Київської Русі передмонгольських часів // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Зб. 1. – К., 1930. – С. 27 – 96.

[8] *Колчин Б.А.* Новгородские древности: Резное дерево. – М., 1971. – С. 62. – (САИ; Е1-55).

[9] *Арциховский А.В.* Колоина из новгородских раскопок // МИА. – 1969. – № 169. – С. 16 – 21.

[10] *Воробьева Е.В.* Указ. соч. – С. 178.

[11] *Остапенко М.А.* Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові // Архітектурні пам"ятки. – К., 1950. – С. 64 – 72.

[12] *Коваленко В.П.* Исследования в Чернигове // АО 1984 г. – М., 1985. – С. 245 – 247.

[13] *Макаренко М.* Указ. соч. – С. 27 – 96.

[14] *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. – М., 1908.

[15] *Моргилевський І.* Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові // Чернігів і Північне Лівобережжя. – К., 1928. – С. 197 – 204.

[16] *Асеев Ю.С.* Указ. соч. – С. 140.

[17] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X – XIII вв.: Каталог памятников. – Л., 1982. – С. 136 – (САИ; Е1-47).

[18] *Вагнер Г.К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля: Рождественский собор, XIII в. – М., 1975. – С. 184.

[19] *Логвин Г.* Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль. – М., 1980. – 288 с.

[20] *Холостенко Н.В.* Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964 – 1965 гг. // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972. – С. 88 – 99.

[21] *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. – 1984. – № 45. – С. 185 – 191; *Раппопорт П.А.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА. – 1984. – № 179. – С. 59 – 63.

[22] *Marušić B.* Kompleks bazilike sv. Sofije u Dvogradu 33 // Histria archaeologica. God. 2, sv. 2. – Pula. 1971. – 90 s.; *Marušić B.* Istarska grupa spomenika sakralne arhitecture s upisanom apsidom // Histria archaeologica. God. 5. sv. 2. – Pula, 1974. – 188 s.

[23] *Эффенбергер А.* Памятники византийской скульптуры из собраний Государственных музеев Берлина: Каталог выставки. – Л., 1982. – С. 48.

[24] Болгарская рукописная книга X – XVIII вв.: Каталог выставки. – Киев, 1978. – С. 116.

[25] *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока, VIII – XIII вв. – М., 1976. – С. 200.

[26] Skandinavia romańska. – Warchawie, 1970.

[27] *Холостенко Н.В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // АН. – 1963. – № 15. – С.3–17.

[28] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура ... – С. 41.

[29] *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. – М.; Л., 1966. – С. 180. – (САИ; Е1-36, вып. 1).

[30] *Skulbizewski P.* Malarstwo Karolińskie i przedromanskie. – Warszawie, 1973. – S. 68.

[31] *МакароваТ.И.* Черневое дело Древней Руси. – М., 1986. – С. 156.

[32] *Джаксон Т.Н.* Скандинавский конунг на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978. – С. 282 – 288.

П.Н.ГРЕБЕНЬ

КРОВЛЯ НАДВРАТНОЙ ЦЕРКВИ КНЯЖЕСКИХ ВОРОТ XII – XIII вв. В ЧЕРНИГОВЕ

В 1985 г. в ходе работ по изучению остатков каменных ворот XIII в. княжеского двора на черниговском детинце обнаружен завал свинцовых листов кровли. Это позволило не только впервые реконструировать кровлю купола надвратной церкви, но и исследовать систему разметки и резки листов.

Покрытия каменных сооружений относятся к малоизученным аспектам строительных конструкций Древней Руси. Изучая памятники древнерусской архитектуры, исследователи восстановили некоторые технические приемы, применяемые мастерами в кладке сводов и их системы покрытия.

Основными материалами для покрытия сводов служили свинцовые листы и черепица.

Более изучена техника покрытия сводов черепицей. В результате археологических исследований определены форма, размеры черепицы, приемы ее укладки по сводам[1]. Черепица представляла собой кирпичи больших размеров (60–65 X 30–35 см) желобчатой формы (выгнуты в двух направлениях: продольном и поперечном), на верхней поверхности по сырой глине пальцами сделаны продольные желобки. Укладывались они по сводам таким образом, чтобы лежащий выше обязательно перекрывал швы лежащих ниже.

Единичные находки свинцовых листов или отдельных их фрагментов не позволяли исследователям изучить в полном объеме данную систему покрытия. Автором предпринята попытка осветить некоторые аспекты покрытия сводов свинцовыми листами на основе данных, полученных в ходе археологических раскопок последних лет в г. Чернигове.

В 1985 г. архитектурным отрядом археологической экспедиции Черниговского исторического музея под руководством В.П.Коваленко в северо-восточной части детинца древнего Чернигова вскрыты остатки каменной постройки – парадных ворот княжеского двора, перенесенного сюда во второй половине XII в.[2]

Выявленные две параллельные стенки ориентированы на оси восток – запад. Южный пилон ворот практически разрушен поздними строениями, северный сохранился на полную длину (6,7 м; ширина – 1,8 м). Общая ширина ворот равна примерно 6,6 м, проход между стенками – 3 м. Кладка выполнена из плинфы красного цвета размерами 26,5–29,5 X 16,5–18,5 X 3,5–4,5 см в равнослойной технике на известковом растворе с примесью цемянки. По размерам и цвету плинфа близка кирпичам Благовещенской церкви (24–28 X 19–25 X 4–5) и Михайловской (26–27 X 17–19 X 3,5–4,5).

На внутренних сторонах стен по краям выявлены лопатки, что, по мнению П.А.Раппопорта, свидетельствует о наличии арок, опиравшихся на них. В северо-восточном пилоне находилась, по-видимому, лестница, следы которой зафиксированы в кладке. По конструктивным особенностям ворота в целом аналогичны Золотым воротам в Киеве, Владимире и Епископским воротам в Переяславе и Чернигове.

©П.Н.Гребень, 1990

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

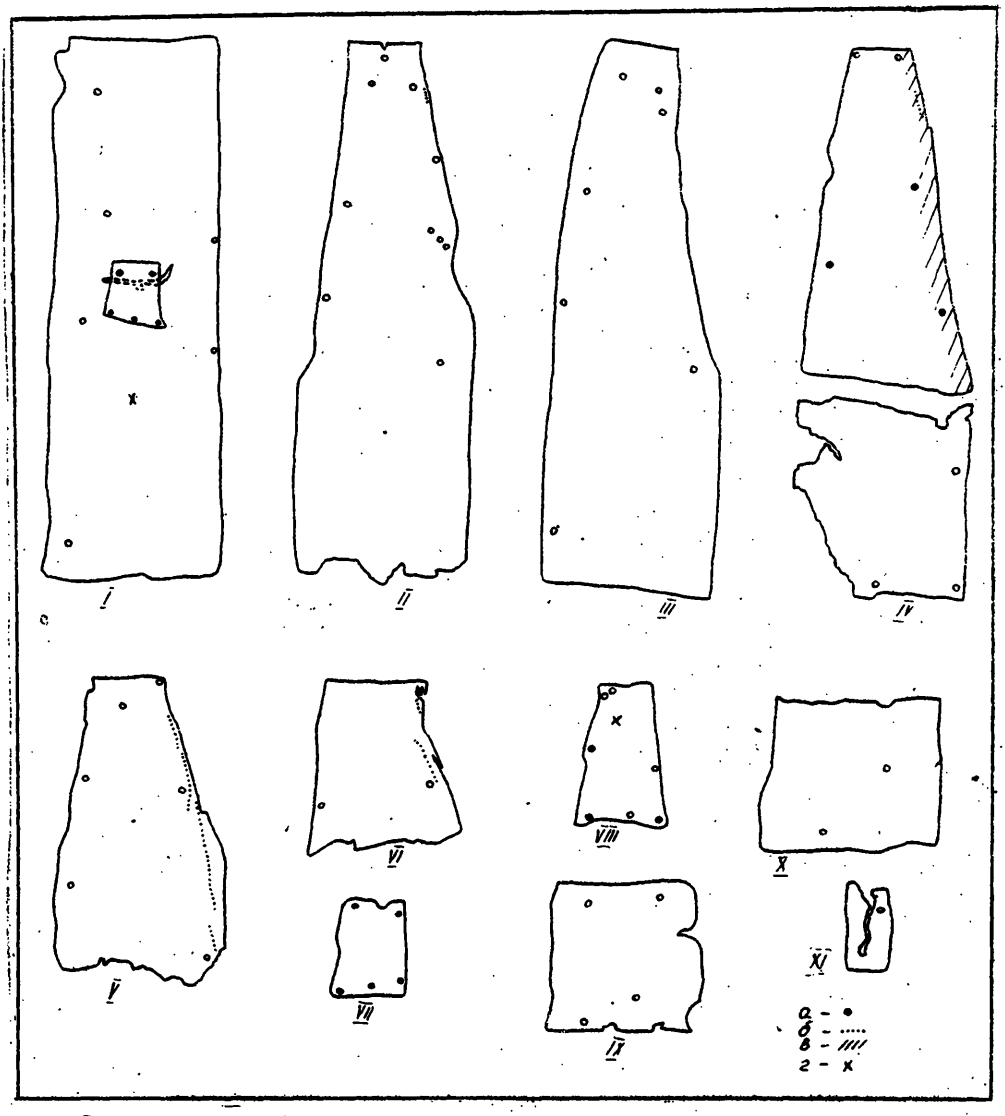


Рис. 1. Свинцовые листы кровли.
а – сохранившиеся гвозди; *б* – следы разметки листа; *в* – участки накладки листов друг на друга; *г* – места находки стрел.

Учитывая конструктивные особенности ворот (лестница), а также находки обломков фресок, смальты, церковной утвари можно предположить наличие над воротами надвратной церкви. По мнению П.А.Раппопорта, ворота построены в самом конце XII – начале XIII в.

В 3 м от остатков древней постройки обнаружен завал свинцовых листов кровли. Всего исследовано шесть листов полной формы и пять их фрагментов (рис. 1). Толщина листов 1,8 – 2,0 мм. Вероятно, вначале резались заготовки прямоугольной формы (2,2 × 0,68–0,7 м) либо листы поставлялись стандартных размеров в рулонах, которые затем разрезались по нужному формату (рис. 1, *I*). В пользу второго предположения говорит тот факт, что многие из найденных при исследованиях архитектурных памятников Южной Руси свинцовых листов кровли одинаковой ширины – 0,7 м (гражданская постройка конца XI в. в Переяславле-Хмельницком: 67–70 × 86–88 см; церковь Апостолов в Белгороде 1197 г.: 0,7 × 2,0 м)[3].

Остальные листы (три полные формы и два фрагмента) подрезались с одной или двух сторон, получая форму усеченной пирамиды (рис. 1, II – VI), т.е. обычную для древнерусской архитектуры[4]. В центре листа прямоугольной формы выявлен разрыв

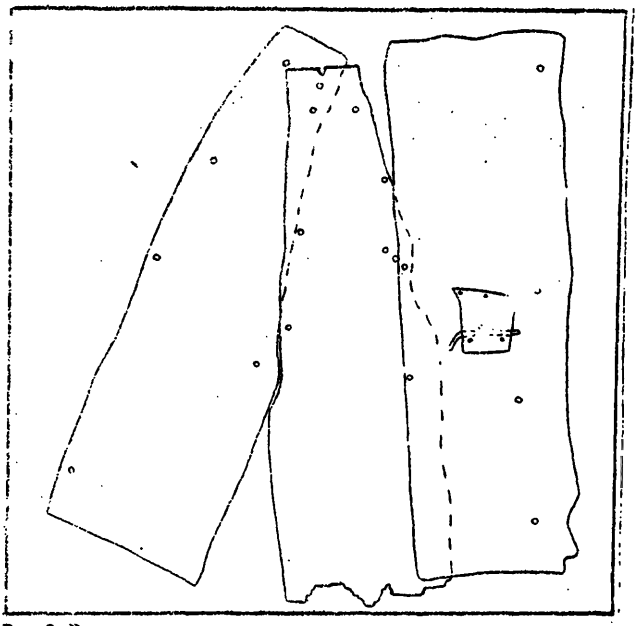


Рис. 2. Реконструкция стыковки листов кровли.

со следами последующего ремонта (наложенная на место разрыва небольшая свинцовая заплатка трапециевидной формы со сторонами 26 – 25,5 × 21–19 см). Это позволяет предположить, что еще два небольших листа такой же формы (со сторонами 38–31 – 39–24 и 21–57,5 – 36–57,5 см) использовались в ремонтных целях. Они могут быть также верхней частью полноформатных листов (рис. 1, VII, VIII). Изготовлялись они, видимо, из отходов после резки листов. Это предположение подтверждает фрагмент листа в форме прямоугольного треугольника (очень плохой сохранности), оставшийся непосредственно после резки полноформатных листов и применявшийся, вероятнее всего, в нижней части купола при их стыковке. Это свидетельствует об экономном отношении к материалу древнерусских мастеров. Предназначение оставшихся трех фрагментов листов (рис. 1, IX–XI) остается невыясненным. Возможно, они являются нижней частью листов в форме стороны усеченной пирамиды, либо применялись как самостоятельные формы.

В результате эксперимента стыковки листов* (получен сектор круга) и, исходя из их формы, можно сделать вывод, что они были уложены на полусферическую поверхность (рис.2).

Листы крепились прямо на кирпичной кладке, о чем свидетельствуют остатки известкового раствора на внутренней стороне листа. Это не противоречит летописным источникам и в целом древнерусским традициям строительства[5]. Например, в 1125 г. епископ Иоанн, организатор работ, покрыл свинцовыми листами церковь Богородицы в Суздале: "налезе мастеры от клеврет святыя Богородицы и от своих – иных льяти, иных крыти, иных известью белити"[6].

Стыковались листы между собой накладкой друг на друга (от 4 до 25 см), что можно проследить по совпадению отверстий от гвоздей и затекам воды по краю листа (либо по наружной, либо по внутренней стороне) (рис. 1, IV, *б*). Крепились они длинными (примерно 9 – 10 см) железными коваными гвоздями с широкими шляпками (диаметр более 3 см). Гвозди на листах расположены таким образом, что каждый из них представляет собой вершину правильного треугольника, хотя на полусферической поверхности они могли находиться на одной линии (рис. 2).

Прежде чем лист резался, острым предметом производилась разметка заданной формы (на четырех листах зафиксированы следы разметки (рис. 1, II, IV – VI). Заусеницы и другие погрешности резки убирались подбиванием их вовнутрь листа, крайне редко – на его внешнюю сторону.

В ходе визуального изучения листов кровли отмечена одна существенная особенность для определения процесса укладки и стыковки листов: сторона, которая выходила наверх, резалась довольно качественно. На ней либо вообще отсутствуют заусеницы, либо они довольно незначительны по размерам. Сторона, которая накрывалась следующим листом, обработана грубо: заусеницы довольно длинные (до 7 – 10 см) и широкие (до 5 см). Иногда в одном месте начинали резать по 2 – 3 раза. Заусеницы убирались не столько исходя из соображений эстетических, сколько из соображений техники безопасности при работе с листами.

---

* Некоторые несовпадения отверстий на листах вызваны деформацией, возникшей при их механическом выравнивании.

Памятник погиб в результате пожара во время татаро-монгольского нашествия. В листах кровли обнаружены два наконечника стрел, из которых один (тупоугольный срезень) типичен для вооружения монголо-татар в XIII – XIV вв.[7]

[1] *Каргер М.К.* Древний Киев. – М., Л., 1961. – Т. 2. – С. 54.
[2] *Коваленко В.П.* Раскопки на черниговском детинце // АО 1985 г. – М., 1987 – С. 340; *Коваленко В.П.* Работы архитектурного отряда археологической экспедиции Черниговского исторического музея в 1983 – 1986 гг. // Тез. Черниговской обл. науч.-метод. конф., посвящ. 90-летию Черниговского истор. музея. – Чернигов, 1986. – С. 59.
[3] *Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра Р.А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // СА. – 1967. – № 1. – С. 210; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X – XIII вв. – Л., 1982. – С. 29.
[4] *Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра Р.А.* Памятник гражданского зодчества ... – С. 210.
[5] *История* культуры Древней Руси. – М.; Л., 1951. – С. 254, 257; *Логвин Г.Н.* Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль. – М., 1980. – С. 29.
[6] *Черняк В.З.* Строительные уроки русских мастеров. – М., 1987. – С. 27.
[7] *Немеров В.Ф.* Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII – XIV вв. // СА. – 1987. – № 2. – С. 216.

А.В.ПОТАПОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СКОТОВОДСТВА И ОХОТЫ В ДРЕВНЕМ ЧЕРНИГОВЕ

Впервые анализируются многочисленные остеологические материалы из раскопок последних лет в различных частях древнего Чернигова, ранее практически не использовавшиеся исследователями. Их анализ свидетельствует, что структура мясных продуктов, употреблявшихся жителями Чернигова, практически не отличается от рациона населения других городов Южной Руси. Только на Подоле отмечается определенная специфика питания, выражающаяся в доминировании в составе продуктов конины, которая, по-видимому, являлась обыденной пищей определенного круга горожан.

В последнее время в связи с более разносторонним подходом к изучению проблем, связанных с древнерусской тематикой, археологи чаще привлекают данные по исследованию древнерусской фауны[1]. Материальные остатки ее — многочисленные кости животных, найденные во время раскопок. Изобилие остеологического материала из разных участков древнего города нуждается в дальнейшей обработке, следующий этап которой — выяснение роли того или иного вида животного в структуре сельскохозяйственного производства древнерусского населения.

Костные остатки, которыми мы располагаем, привлечены к исследованию из раскопок в 1986 – 1987 гг. на детинце и посаде древнего Чернигова[2]. Общее их количество около 3,3 тыс. экземпляров, принадлежащих минимально 461 особи домашних и диких животных.

2052 экземпляра костных остатков от 274 особей найдены при исследовании различных районов посада (окольного града, предградья, подола) и 1247 костей от 184 единиц животных дал детинец. Этот материал позволяет сопоставить данные по отдельным видам животных на различных участках древнего Чернигова и выяснить их хозяйственное значение.

Статистический анализ привел к следующим результатам.

1. Предградье (район средних школ № 1 и 3, улиц Щорса и Комсомольской). Общее количество костных остатков 1813 экз. от 212 особей (минимально): домашние животные по видовому составу распределялись в следующем порядке:

а) крупный рогатый скот. На всей территории исследованного предградья доминирующий вид. Количество особей колеблется от 50 до 17,4 % общего поголовья домашнего скота;

б) второе место делят свинья и мелкий рогатый скот. На их долю выпадает, соответственно, от 26,0 до 10 % и от 30,4 до 20 %;

в) на долю лошади приходится достаточно значительная часть поголовья скота – от 18,4 до 10 % от общего числа, но несмотря на это она занимает количественно последнее место.

©*А.В.Потапов, 1990*
ISNB 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

Сводная таблица остеологических определений из материалов раскопок в Чернигове

Вид животного	Предградье, 1,85 тыс. м²									Подол, 310 м²						Окольный град, 100 м²			Детинец, 2,5 м²		
	р-н сш № 1, 1,5 тыс. м²			р-н сш № 3, 250 м²			ул. Щорса и Комс., 100 м²			р-н сш №4, 60 м²			р-н Речного порта			р-н Обувной ф-ки, 100 м²			р-н Худ. музея, 2,5 тыс. м		
Крупный рогатый скот	711*	59**	6***	65	4	1	52	5	1	44	4	–	46	5	1	30	5	1	599	61	14
Овца	41	13	5	6	2	1	9	1					13	1					43	10	7
Коза	66	17	5	6	3	1				3	1	1	5	1		5	3	1	114	22	8
Овца или коза	37	8	3	9	2		5	1													
Свинья	217	42	9	27	6	2	6	1		18	1		19	3	2	25	15	4	253	44	17
Лошадь	434	33	2	32	3		16	1		38	3		58	7		16	4	1	156	14	1
Собака	23	7		4	3		47	1		6	1		1	1		2	2		38	10	1
Лось																1	1		8	4	
Олень	3	1																	16	5	1
Косуля	3	2																	5	4	1
Дикий кабан	1	1																	11	3	1
Волк																			2	1	
Заяц																			1	1	
Бобр																			1	1	
Дикая кошка																			1	1	
Тур																			1	1	

* – Количество костей. ** – Общее количество особей. *** – Количество молодых особей.

2. Окольный град (р-н обувной фабрики). Костный материал немногочислен, поэтому ограничимся лишь его статистическим обзором. Общее количество около 80 экземпляров от 30 особей (минимально), распределившихся по видовому составу домашних животных в следующем порядке: свинья – 50 % от общего количества особей, крупный рогатый скот – 17,5 %, лошадь – 14,5 % и мелкий рогатый скот – 10 %. Выделение поголовья свиньи на этом участке посада, очевидно, следствие малочисленности остеологического материала и нуждается в дополнительной проверке.

3. Подол (р-н средней школы № 4 и речного порта). Исследована 251 кость, минимальное количество их особей составляет 28 экземпляров. По видовому составу в целом по обоим участкам подола процент костных остатков крупного рогатого скота составляет 40 и 29,4 % от общего количества особей. Мелкий рогатый скот и свинья, занимающие второстепенное положение на этом участке посада, – 11,7 – 10 % и 17 – 10 %.

Значительно возросло процентное соотношение количества особей лошади от общего числа, по сравнению с предыдущими участками посада. Нигде роль данного вида не имела такого значения и не являлась доминантой над другими видами животных. На долю лошади выпадает от 41,1 до 30 % общего количества особей. Особо следует отметить, что в районе речного порта (подол) крупный рогатый скот, по количеству остеологического материала занимающий вторую строку, по количеству особей уступает лошади на 12 %.

В общем по всем участкам посада можно заключить следующее. Несмотря на второстепенное значение, в некоторых районах крупный рогатый скот имел довольно весомую долю в хозяйстве и в большинстве случаев являлся самым многочисленным видом по остеологическим остаткам среди домашних животных. Ценность этого вида заключается в разноплановом использовании. Взрослая особь давала в среднем 150 кг полезного веса[3], молоко и молочные продукты, а также роговые чехлы и шкуры.

Несколько уступали по количеству особей свинья и мелкий рогатый скот, хотя их значение для городского населения умалять нельзя. Свинья, как вид всеядного животного, может питаться пищевыми отходами человека, что значительно облегчает заготовку кормов для нее. Средний полезный вес взрослого животного, используемый в пищу, составляет 80 кг[4].

Что касается лошади, то немногочисленность ее не уменьшает значения этого животного в хозяйстве и численности его в стаде. Использование ее в сельскохозяйственных,

транспортных и военных целях дает основание говорить о возрастании роли лошади в жизни городского населения, но специфика исследованного материала, так называемых кухонных остатков, такова, что мы можем судить о роли ее больше в питании населения, чем о роли и удельном весе в городском скотоводстве. На это в свое время обращалось внимание ученых, проводивших исследования в области изучения фауны древнерусского города[5].

Отдельно необходимо сказать о немногочисленности остеологического материала диких животных. Доля их от общего количества определенных особей составляет всего 2 %. Видовой состав диких животных немногочислен и насчитывает всего пять видов: олень, лось, косуля, дикий кабан, бобр. Подобная малочисленность диких животных не говорит о понижении роли охоты, а скорее имеет экономические причины, связанные с владением охотничьими угодьями, так как видовой состав диких животных на детинце гораздо шире и процент особей значительно выше, чем на посаде.

Остеологический материал, полученный с детинца, составляет около 1,3 тыс. экземпляров костей диких и домашних животных минимально от 184 особей.

По видовому составу особи домашних животных распределялись в следующем процентном соотношении. Ведущее место по количеству остеологических остатков принадлежит крупному рогатому скоту, составляющему 40,4 % от общей численности особей. Немногим уступает процент поголовья свиньи – 28,9 %, третье место остается за мелким рогатым скотом, насчитывающим 14,4 % особей от общего количества. Незначителен удельный вес лошади, составляющий около 10 % от общего числа определенных домашних животных, почти столько же (6,2 %) остается на долю собаки.

Перед тем как перейти к анализу некоторых особенностей соотношения домашних животных на детинце, отметим, что среди остеологического материала присутствовали три полных скелета лошади, найденных в анатомическом порядке, что понижает процент участия лошади в питании населения детинца до 8,5 %. Мы не учитываем также процент особей собаки, так как имеем анатомически полные скелеты без признаков кухонного употребления.

В целом по детинцу можно отметить те же тенденции, что и на посаде. Крупный рогатый скот уверенно доминирует над прочими видами. Здесь процент его близок к доли данного вида на некоторых участках предградья и подола. Подобное положение можно отметить и для процентного соотношения особей свиньи к общему количеству домашних животных. Оно схоже с некоторыми районами предградья, где роль данного вида также значительна. В отношении мелкого рогатого скота замечено некоторое отставание по количеству особей от предградья, подобный низкий процент этого вида домашнего животного отмечается на всем подоле.

Значительное отличие между посадом и детинцем мы имеем в удельном весе лошади по отношению к общему числу особей домашних животных. Детинец отличается незначительным процентом костей данного вида в кухонных остатках. Особо весомые отличия детинца, связанные с употреблением конины в пищу, мы находим, сравнивая его с подолом, где ее употребляли в четыре раза больше. В связи с этим особого внимания требует рассмотрение причин, связанных с большим потреблением конины в пищу на подоле, что одновременно решит проблему о незначительном использовании ее на детинце.

Для этого следует учесть следующие данные.

1. Вычисления С.Табачинского цен на скот в Киевской Руси[6]: лошадь – 150 г серебра, корова – 80, вол – 50, овца – 15, свинья – 10.

Данные летописных источников:

а) Лаврентьевская летопись: "Не бысть бо николи тольятятна путь людям сим, друзий бо от них и конину ели в велике говенье",

Новгородская летопись под 1230 г.: "Того же лета бысть мор в Новгороде от глада... а ини мертвое трупье едаху а друзии конину...";

б) Устав князя Ярослава (Пространная редакция): "Аще кто что погане съест по своей воли, или кобылину, или медведину, или ино что отреченное, митрополиту в вине и казни".

Как видим, конина употреблялась в пищу только в экстремальных случаях. Однако большое количество костей лошади с явными следами кухонного использования дает возможность предположить употребление конины в пищу и в неголодное время.

На этот факт обратил внимание еще В.И.Цалкин, допуская, что "либо голод в жизни славян... был явлением довольно обычным, либо конина употреблялась в пищу не только в крайних случаях..." Существование религиозных запретов не опровергает сказанное, а, по словам В.И.Цалкина, "скорее свидетельствует о широком распространении этого явления"[7]. Этого же мнения придерживаются и другие ученые, в частности Н.Г.Тимченко[8]. В подтверждение обыденности употребления конины рассмотрим еще один пример.

Неурожай, вызванный засухой, отражался на кормовой базе животных. Подобное явление вызывало большие сложности для содержания молодых особей животных в зимнее время, так как условия выпаса тебеневкой, особенно для молодых особей мелкого рогатого скота и свиньи, довольно затруднительны. Даже в незасушливые годы, когда проблема фуража стояла не так остро, забивание большого количества молодняка, как указывает В.И.Цалкин, явление обычное[9], поскольку содержать большое поголовье в зимнее время трудно. Следовательно, среди поголовья домашнего скота в случае частых засушливых лет, вызывавших неурожай, а соответственно и голод, по остеологическому материалу должно прослеживаться большое количество молодых особей. В связи с этим попробуем провести анализ материала на возрастной состав. Для этого используем остеологические данные, полученные с посада, так как население посада являлось более уязвимым для засушливых времен.

1) Предградье:
   а) р-н средней школы № 1 – молодые особи составляют 16 % от общего числа поголовья;
   б) р-н улиц Шорса и Комсомольская – молодые особи – 10 %.
2) Подол:
   а) р-н средней школы № 4 – молодые особи – 10 %;
   б) р-н речного порта – молодые особи – 17 %.
3) Окольный град:
   а) р-н обувной фабрики – молодые особи – 20 %.
4) Детинец – молодые особи – 25 %.

Как видно, процент молодых особей только в одном случае поднимается до 20, а в остальных не превышает 20 % от общего числа домашних животных. Процент молодых особей, полученный по костным остаткам на детинце, нужно рассматривать с оговоркой, так как детинец был местом сосредоточения социальной верхушки, которая могла позволить себе употреблять в пищу большее количество мяса молодых животных, чем на посаде. В целом же, принимая во внимание данные по всем участкам города, можно отметить значительное превосходство взрослых особей над молодыми, особенно на исследованных районах подола, где процент молодняка колеблется от 10 до 17. Подобные выводы склоняют к мнению, что голод в Чернигове не был частым явлением, а конина являлась обыденной пищей определенного круга горожан. На исследованных участках подола можно отметить, что удельный вес лошади в питании был наравне с крупным рогатым скотом, а в отдельных случаях значительно превышал последний вид. Учитывая тот факт, что все 100 особей лошади, определенных по костным остаткам с подола, относятся к взрослым, можно гипотетично предположить, что население подола забивало на мясо либо отслуживших свое в хозяйстве лошадей, либо по каким-то другим причинам непригодных для хозяйственных нужд. Не исключается также случай, когда прокормить взрослое животное не было экономически возможным. При этом нужно учитывать, что лошадь стоила 150 г серебра, что почти соответствует двум коровам или 15 свиньям. Из вышеизложенного вытекает следующее предположение: либо часть населения, селившаяся на исследовавшихся участках подола, имела косвенное отношение к животноводству, либо на подоле проявляются в большей степени определенные традиции употребления мясного продукта в пищу, имеющие корни еще в додревнерусское время.

В заключение остановимся на видовом составе диких животных, представленных на детинце. Количество особей диких животных составляет 11 % от общего числа определенных на детинце, что более чем в 5 раз превышает их количество на посаде. Ассортимент животных здесь значительно шире, чем на посаде. Это косуля, олень, лось, дикий кабан, волк, заяц, бобр, дикая кошка и тур. В сравнении с посадом охота для населения детинца была более доступна. Это выражается как в количественном отноше-

нии, по сравнению с общим числом животных, так и в видовом составе. Наиболее распространенные виды, на которых охотились жители детинца: косуля – 20 % особей от общего числа диких животных, олень – 25, лось – 20, дикий кабан – 15 %.

Мясо диких копытных служило дополнительным источником питания. О роли диких животных, как поставщиков мясной продукции, можно судить нагляднее, если учесть, что выход мясного продукта от одной особи составлял: оленя – 125 кг, лося – 150, косули – 25, свиньи дикой – 125 кг[10].

Кроме того, нельзя забывать об огромном техническом использовании сырья, которое давали дикие животные.

[1] *Маголчи Я.* Кости животных с городища, селища и могильника // Маяцкое городище. – М., 1984.– С. 237 – 260; *Загорульский Э.М.* Возникновение Минска. – Минск, 1982. – С. 281; *Петренко А.Г.* Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 254 – 271; и др.

[2] Раскопки проведены В.П.Коваленко и А.Л.Казаковым.

[3] *Устьянцев В.П.* Материалы по обследованию животных Киевской губернии // Очерк положения крестьянского животноводства в Киевской губернии. – Киев, 1915. – № 1. – С. 71.

[4] *Тимченко Н.Г.* К истории охоты и животноводства в Киевской Руси. – Киев, 1972. – С. 146.

[5] *Цалкин В.И.* Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. – 1956. – № 51 – С. 147.

[6] *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. – М., 1986. – С. 81.

[7] *Цалкин В.И.* Материалы для истории... – С. 146.

[8] *Тимченко Н.Т.* К истории охоты... – С. 149.

[9] *Цалкин В.И.* Материалы для истории... – С. 153.

[10] *Тимченко Н.Т.* К истории охоты... – С. 145.

Е.А.ШМИДТ

ПАМЯТНИКИ ТИПА ТУШЕМЛЯ – КОЛОЧИН И ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЛЕМЕН В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Исследуется формирование древнерусского племени кривичей в VIII – X вв., роль в нем населения памятников типа Тушемля – Колочин. Кривичи в VIII – X вв. представляли собой, по-видимому, сложное объединение как неславянского, так и славянского населения, в котором шел процесс славянизации балтов, закончившийся только в начале II тыс. н.э.

Древности типа Тушемля – Колочин распространены на значительной территории Верхнего Поднепровья и части Верхнего Подвинья. Они охватывают Витебское течение Западной Двины, Смоленское и Белорусское течения Днепра, бассейны рек Сожа, Ипути, Десны и частично Сейма. Поселения, как правило, занимают одну и ту же экологическую нишу, располагаясь на невысоких пологих берегах или песчаных останцах у берегов рек или озер, что, видимо, связано с характером их хозяйства.

Детальное изучение памятников этого типа начато работами П.Н.Третьякова на городище Тушемля в 1950-х годах в Смоленском течении р.Сож[1] и раскопками Э.А.Сымоновича на городище Колочин в районе Гомеля[2], в дальнейшем продолженное другими исследователями[3].

Древности типа Тушемля – Колочин представлены весьма разнообразными памятниками. Наиболее важны и многочисленны открытые поселения-селища, часть которых подверглась раскопкам. Основная масса поселений небольших размеров, хотя встречаются селища, занимавшие большую площадь (Колочин, Заозерье). Жилища на поселениях были наземными, однокамерными, столбовой конструкции, как правило, с наземными очагами. На случай военной опасности сооружались специальные убежища. Для этого часто использовались более древние городища с их земляными укреплениями, на которых возводились деревянные оборонительные конструкции и жилые постройки, разделенные на секции. Это городища-убежища Акатово, Близнаки, Демидовка, Лахтеево, Колочин и др. Некоторые из них имели еще и культовое сооружение в виде круглого, огороженного частоколом участка, в середине которого слояло языческое изваяние. Они получили наименование городищ-святилищ (Тушемля, Горо-

©*Е.А.Шмидт, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

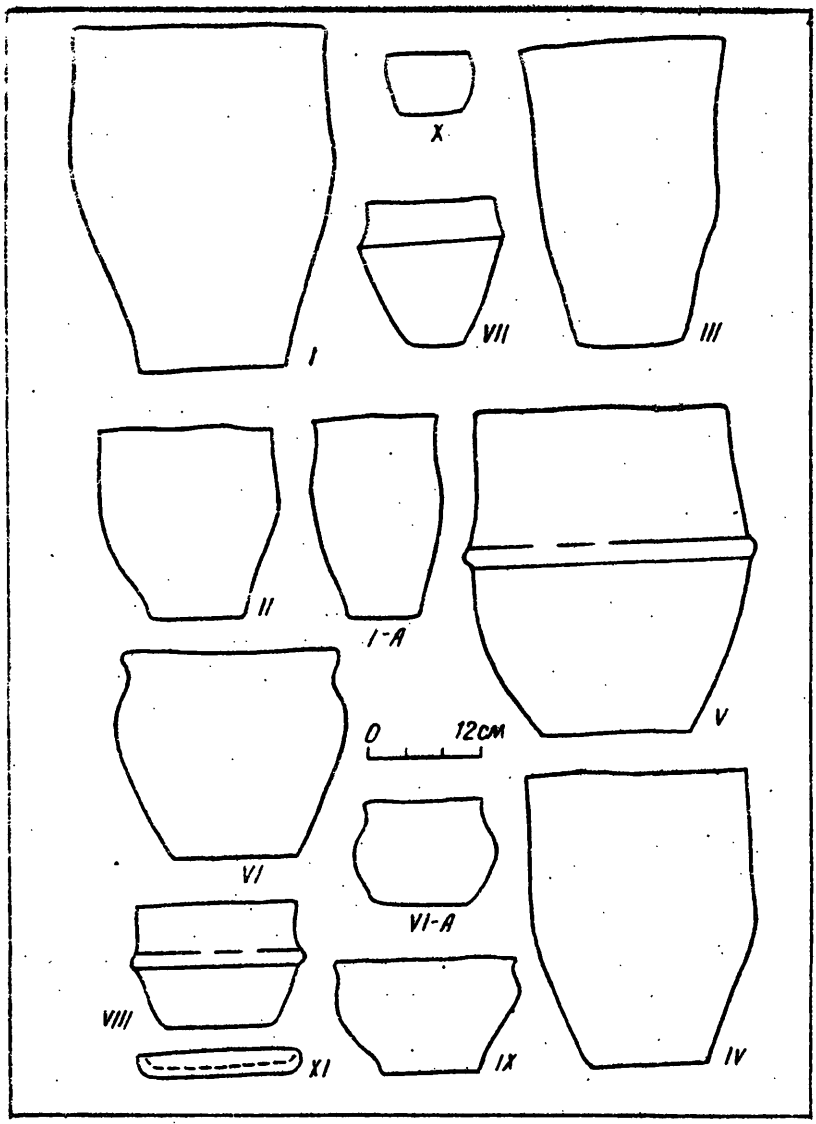


Рис. 1. Основные типы керамики из памятников тушемлинской культуры Смоленского Поднепровья и Подвинья.

док. Прудки и др.). Погребальные памятники представлены грунтовыми могильниками с трупосожжениями. Как правило, это не очень глубокие ямки округлой формы, в которые помещены остатки кремации, иногда в глиняных сосудах-урнах (Акатово, Кислая. Заозерье, Тайманово, Лебяжье и др.). В большинстве случаев погребения не содержат вещей, но иногда встречаются фрагменты металлических предметов: височных колец (см. рис. 2, *5, 6, 9*), браслетов, подвесок. Сожжение обычно проводилось на особых площадках вне могильников.

Древности, представленные этими археологическими памятниками, составляют одну обширную культурную общность. Часть археологов рассматривают ее как одну археологическую культуру (В.В.Седов, И.П.Русанова, Э.А.Сымонович), другие выделяют в ней две или несколько самостоятельных культур (П.Н.Третьяков, А.Г.Митрофанов. Е.А.Горюнов). Нет единого мнения о времени существования этих древностей. Время сложения ее одни относят к V в.н.э., другие – к IV в.н.э.; прекращение существования разными исследователями датируется от VI до VIII в.н.э. Весьма различны взгляды исследователей на этническую принадлежность древностей. В.В.Седов, И.П.Русанова, А.Г.Митрофанов считают их носителей восточными балтами. Э.А.Сымонович,

Л.Д.Поболь видят в них славян. П.Н.Третьяков и Е.А.Горюнов колочинскую группу относят к славянам, а северную, тушемлинскую – к балтам. Такое расхождение во мнениях объясняется слабой изученностью памятников и ограниченностью археологического материала.

В последние годы в верховьях Днепра и на смежных территориях Подвинья, где распространены памятники тушемлинского типа, проводились значительные исследования. Получен новый материал, который дает возможность рассмотреть некоторые аспекты спорных проблем в новом свете. Значительно пополнился вещевой комплекс, включая и керамику, что позволяет охарактеризовать глиняную посуду более подробно. Чаще всего встречаются крупные сосуды для хранения продуктов, горшки для приготовления пищи, миски; реже – мелкая посуда разнообразного назначения и глиняные сковородки (рис. 1). Глиняная посуда, начиная с V в., отличается отсутствием какой-либо орнаментации. По характеру обработки поверхности ее можно разделить на две группы: с лощеной и подлощеной поверхностью (рис. 1, IV, V, VIII); с грубой поверхностью (рис. 1, III, VI, IX – XI). Количество керамики с лощеной поверхностью на селищах составляет не более 5 % от всей учтенной, тогда как на городищах-убежищах ее количество колеблется от 37 до 20 %. Такая разница, видимо, объясняется тем, что население, укрываясь в убежища, брало с собой наиболее ценную керамику и вещи.

В керамическом комплексе выделяется 10 типов глиняных сосудов (рис. 1). Типы I – V, VII представлены горшковидными сосудами, а типы VI, VIII – X – мисками и мисковидными сосудами. Среди грубой лепной керамики преобладают горшки типов I и II, составляющие в тушемлинских памятниках до 65 % от всей керамики. По ряду признаков они резко отличаются от типичной славянской керамики типа "корчак". Из лощеной посуды наиболее характерные биконические сосуды с ребром типа V и миски типа VIII, количество которых на городищах-убежищах достигает 15 – 25 % всей керамики. Таким образом, глиняная посуда типов I, II, V и VIII составляет совместно до 80 – 90 % всей керамики и определяет специфическое лицо керамического комплекса памятников типа Тушемля. Количество сосудов других типов не так уж велико, а некоторые из них пока единичны. Находки вещей достаточно разнообразны[4], среди них часто встречаются железные серпы и обломки лезвий топоров – орудия, связанные с земледелием. О земледелии говорят также многочисленные находки обуглившегося зерна (ячмень дву- и однорядный, мягкая пшеница, рожь, овес, просо, конские бобы) и крупных каменных зернотерок. Из бытовых предметов обычны железные ножи, иглы, шила и кресала в виде плоской пластины, завернутой на конце в ушко. Значительное место среди находок занимают предметы вооружения и снаряжения воина-всадника: железные втульчатые наконечники копий, трехлопастные черешковые наконечники стрел, удила, шпоры с крючками на концах, боевые топоры и ножи, кресала, пряжки и пинцеты. Все эти предметы по аналогам с других территорий Восточной Европы датируются V–VIII вв. н.э. Большое количество предметов вооружения и снаряжения воина-всадника является свидетельством усиления военной организации, обеспечивающей защиту от посягательств соседей – других племен эпохи великого переселения народов.

Вещи, связанные с женским костюмом и украшениями, также довольно многочисленны: железные, бронзовые и серебряные круглопроволочные височные кольца разного диаметра, отличительная особенность которых слегка утолщенные разомкнутые концы (рис. 2, *5, 6, 9*), браслеты с утолщенными концами (рис. 2, *15*), бронзовая лунница, инкрустированная кирпично-красной эмалью (рис. 2, *4*), стеклянные и янтарные бусы. Наиболее часто встречаются глиняные усеченно-биконические пряслица, только небольшая часть которых орнаментирована.

Нет необходимости перечислять различные находки с широким диапазоном бытования как во времени, так и на пространствах Восточной Европы. Остановимся на вещах, позволяющих определить хронологические рамки бытования тушемлинской культуры.

Фибула двучленная прогнутая, подвязная с узкой ножкой, с железным округлого сечения стержнем (рис. 2, *16*), датируемая III – первой половиной IV в.н.э.[5] Бронзовые фибулы двучленные, прогнутые, подвязные с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины (пластинчатый корпус, рис. 2, *2, 3*), датируемые IV в.н.э. Фрагмент плоской двупластинчатой бронзовой фибулы (рис. 2, *1*), относя-

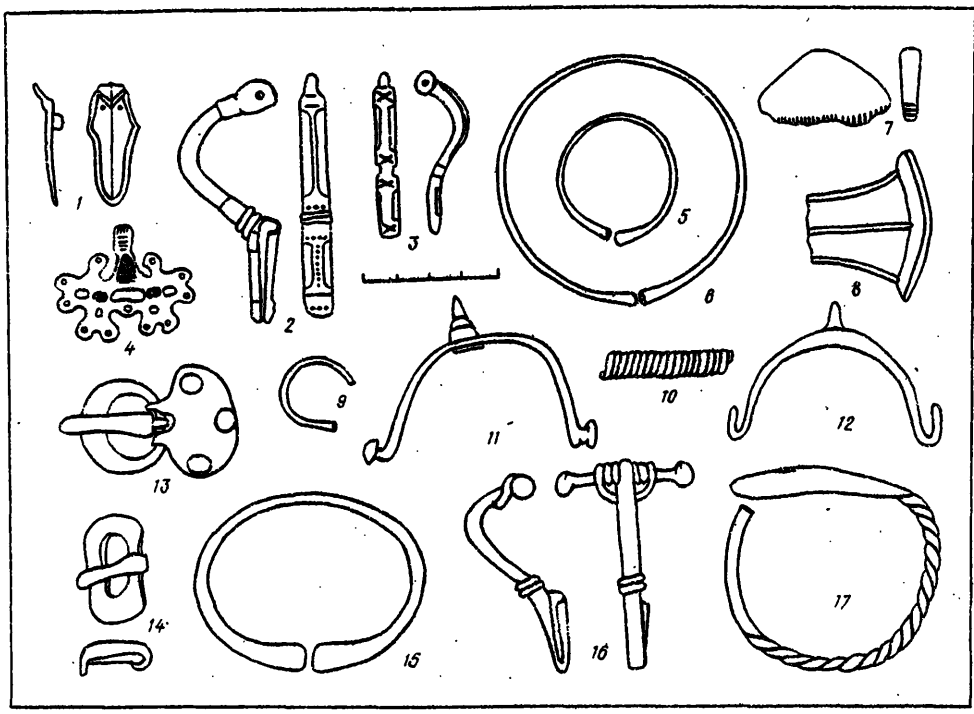


Рис. 2. Некоторые предметы из памятников тушемлинской культуры Смоленского Поднепровья и Подвинья:
1–3, 16 – фибулы; *4* – подвеска, инкрустированная эмалью; *5, 6, 9* – височные кольца; *7* – гребень; *8, 15* – браслеты; *10* – спиралька; *11, 12* – шпоры; *13, 14* – пряжки; *17* – обломок гривны. 1–5, 8–10, 17 – бронза; 6, 13, 15 – серебро; 7 – кость; 11, 12, 14 – железо; 16 – железо с бронзой.

щейся к VI – началу VII в. н.э. Обломок гривны с ложковидным концом, который по аналогам из Прибалтики датируется III–VI вв.[6] (рис. 2, *17*). Фрагмент плоского браслета (рис. 2, *8*) имеет аналог в древностях Литвы III в.[7] и в мощинских древностях, видимо, не позднее V в. Шпоры с крючкообразными зацепами (рис. 2, *12*) появляются в IV–V вв.[8], тогда как шпоры с поуговичными зацепами (рис. 2, *11*) им предшествуют и могут датироваться III–IV вв.[9] Бронзовая подвеска-лунница (рис. 2, *4*) – более усложненная форма общеизвестных подвесок-лунниц с эмалями из Мощинского клада; датируется V – началом VI в.[10] Височные кольца (рис. 2, *5, 6, 9*), найденные на селищах, городищах-убежищах и в могильниках, бытовали в VI–VII вв. Аналоги им есть в кладах Суджанском, Колосковском и у с.Новая Одесса[11]. Все это дает твердое основание отнести время формирования культуры типа Тушемля к IV в. н.э., а широкое ее бытование продолжалось до рубежа VII и VIII вв. Постепенное угасание культуры связано с исчезновением значительной части населения из верховьев Днепра и полным или частичным запустением поселений в VIII в. Какая-то часть населения еще оставалась в VIII в. в пределах старых поселений, на которых расселялись новые группы населения – носители культуры длинных курганов Поднепровья и Подвинья. Есть основание считать, что остатки тушемлинского населения в результате расселения пришельцев в VIII в. не были полностью вытеснены со своих мест обитания или целиком уничтожены; но без сомнения, они некоторое время сосуществовали с пришельцами.

Формирование культуры смоленско-полоцких длинных курганов – процесс весьма сложный. Исходя из анализа инвентаря (рис. 4) и некоторых элементов погребального обряда, можно утверждать, что система украшений из женских погребений длинных курганов не могла возникнуть из предшествующей тушемлинской культуры этой же территории, так как вещевой комплекс тушемлинской культуры не содержит вещей, которые можно было бы поставить как исходные формы в типологическом развитии украшений VIII–IX вв. Нет таких исходных форм и среди древностей района Пскова. Основными территориями, где могли бы возникнуть и развиться украшения подобного типа, являются области Восточной Литвы и Латвии. Система украшений и, видимо, на-

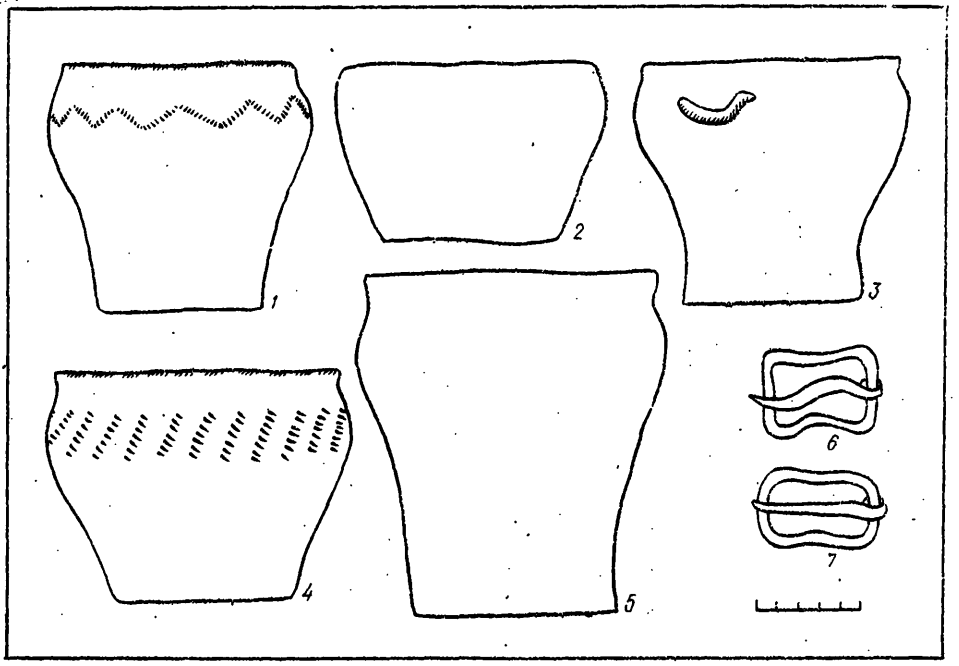


Рис. 3. Инвентарь длинных курганов:
1–5 – основные типы глиняных сосудов, использованных в качестве урн; *6, 7* – железные пряжки.

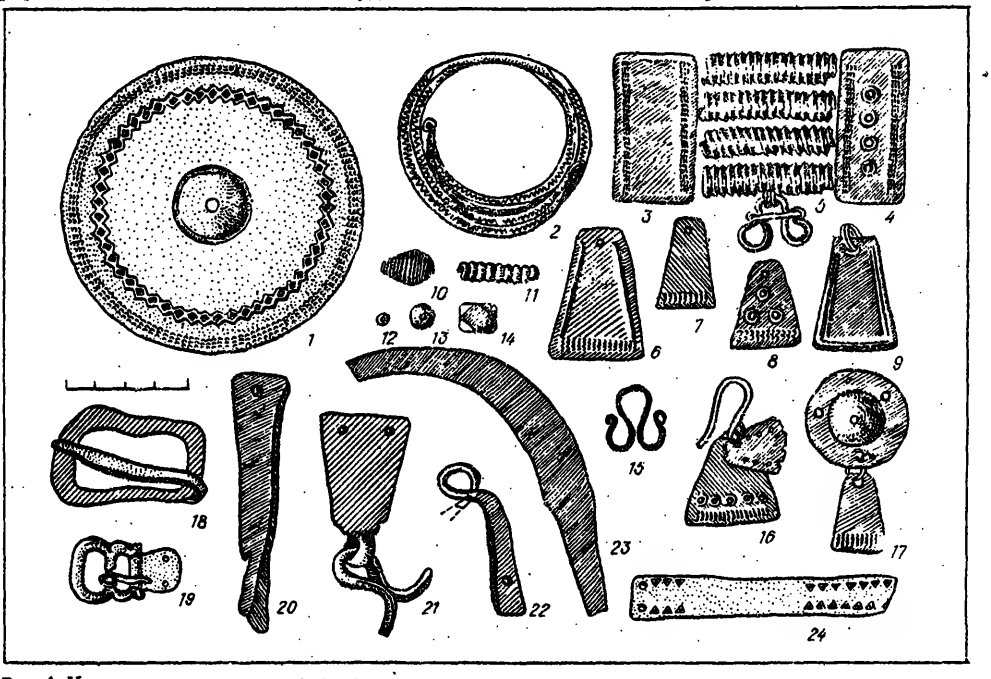


Рис. 4. Инвентарь длинных курганов:
1 – бляха; *2* – височное кольцо; *3–5* – детали головных венчиков, состоявших из разъединительных пластин (*3, 4*) и спиралек (*5*); *6–9* – трапециевидные подвески; *10–14* – части ожерелья, включавшие спиральки (*10, 11*) и стеклянные бусы (*12–14*); *15* – биэсовидная подвеска; *16* – серьга; *17* – колпачковидная подвеска с трапециевидной привеской; *18, 19* – пряжки; *20–22* – набойки-держатели; *23* – серп; *24* – набойка для ремня. 1–11, 15–17, 19, 24 – бронза; 12–14 – стекло; 18, 20–23 – железо.

ряд женщин того времени в целом появляются в Смоленском Поднепровье и Подвинье в уже окончательно сложившемся виде и исчезают здесь вместе с прекращением насыпания длинных курганов в X в., а по характеру они являются балтскими. Вещевой комп-

лекс из длинных курганов, включающий головные венчики из спиралек и пластин, серповидные височные кольца, бляхи, трапециевидные подвески и другие предметы (рис. 4), тому убедительное подтверждение.

Таким образом, группа населения, которая определила этническое лицо культуры смоленских длинных курганов в VIII–IX вв., пришла с запада, из восточных районов Литвы и Латвии; а основной областью их расселения стала территория, занятая до этого тушемлинскими племенами. Если эта группа населения и была здесь доминирующей, то не единственной, поскольку тогда же, видимо, из Подесенья сюда проникают другие группировки, но уже славянского населения, постепенно определившие характер дальнейшего развития керамики (рис. 3), а в конце концов (к началу II тыс. н.э.) и всей культуры. Эти две пришлые группировки поглотили остатки тушемлинских племен, но последние все же оказали некоторое влияние как на формирование культуры в целом, так и на погребальный обряд в частности.

В погребальном обряде смоленских длинных курганов есть элементы, воспринятые из обрядностей тушемлинской культуры. Таковым будет обычай перевертывать сосуд-урну с прахом вверх дном при помещении его на место погребения в курганной насыпи. Обычай берет начало в обряде перекрытия сосудом урны с остатками кремации, засвидетельствованном в Акатовском могильнике тушемлинской культуры. При совершении погребений на материке, а иногда и в насыпи длинных курганов, выкапывалась округлая ямка, в которую ссыпались остатки сожжения. Этот обряд также увязывается с обрядом выкапывания округлых ямок при погребении остатков кремации в могильниках тушемлинской культуры. Совершенно идентичен для обоих периодов обряд сжигать умершего вне пределов могильника с перенесением части остатков кремации к месту погребения. Важен и тот факт, что все известные к настоящему времени могильники тушемлинской культуры (Акатово, Заозерье, Шугайлово, Кислая) находятся в непосредственной близости от длинных курганов или частично испорчены при их возведении. Здесь, видимо, наблюдаются одинаковые требования к выбору места погребения и даже определенная преемственность. Есть также некоторая связь между местами поселений тушемлинской культуры и местами насыпания длинных курганов. В большинстве случаев длинные курганы расположены в пределах поселений предшествующей тушемлинской культуры и насыпаны грунтом, состоящим из культурного слоя.

В VIII–IX вв. шли консолидация разноплеменного населения и становление единой культуры длинных курганов, но этот процесс не был закончен из-за прилива нового, славянского населения, изменившего коренным образом этнические процессы и обусловившего доминирующее положение славян, а тем самым определившим славянизацию всего населения верховьев Днепра и части Подвинья. Вполне возможно, что отдельные группировки славянского населения проникли сюда не только из Подесенья или Поднепровья, но и с юго-запада и запада. В результате этих процессов, происходивших в IX–X вв., сложились те объединения славян, которые были известны древнерусским летописцам и которые были носителями археологического комплекса, характерного для основного кривичского района в XI–XII вв. Если же считать население, оставившее длинные курганы VIII–IX вв., кривичами, то, исходя из археологических данных, кривичи того времени представляли собой сложное объединение как неславянского, так и славянского населения, в котором шел процесс славянизации балтов. Этот процесс целиком закончился только в начале II тыс. н.э. Таким выводам, сделанным на основании археологических материалов, не противоречат данные лингвистов, и это находит косвенное подтверждение в древнерусских летописях. В древнерусской культуре верховьев Днепра XI–XIII вв. не прослеживаются какие-либо элементы, истоки которых можно было бы отнести к тушемлинской культуре этой же территории.

Видимо, процесс образования древнерусских племен радимичей и северян также достаточно сложен. Колочинская культура, как и тушемлинская, не имеет прямого выхода в культуру Древней Руси. Установить же вклад колочинской культуры в формирование древностей последующего времени, включая и древнерусское, пока весьма затруднительно из-за ограниченности источников.

---

1 *Третьяков П.Н.* Городища-святилища левобережной Смоленщины // СА. – 1958. – № 4. – С.170–186.

2 *Сымонович Э.А.* Городище Колочин I на Гомельщине // МИА. – 1963. – № 108. – С.97–137.

3 *Митрофанов А.Г.* Новые данные о памятниках VI–VIII вв. Средней и Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С.218–235; *Шмидт Е.А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н.э. // МИА. – 1963. – № 108. – С.51–67; *Шмидт Е.А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С.63–69; *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. – Л., 1981; *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М., 1970. – С.49.

4 Описание основных типов вещей см.: *Шмидт Е.А.* О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины.

5 *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. – 1966. – Вып. Д1-30. – С.62–66,83.

6 Украшения древних литовцев. – Вильнюс, 1958. – Кн. 1. – С.344–345.

7 *Куликаускас П.З. и др.* Очерк литовской археологии. – Вильнюс, 1961. – С.235.

8 *Поболь Л.Д.* Поселение железного века около д.Шатково Бобруйского района // Белорусские древности. – Минск, 1967. – С.239.

9 *Jahn M.* Der Reitersporn, seine Entstehung und früheste Entwicklung. – Leipzig, 1921. – S. 39.

10 *Якубовский А.* Новый тип подвески-лунницы с городища Ножа-Вар // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 гг. – Чебоксары, 1964. – С.161–162.

11 *Рыбаков Б.А.* Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. – 1949. – Вып. 27. – С.77, 85; *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. – 1953. – № 17. – С.64–67.

В.А.ПЕТРАШЕНКО

ВОЛЫНЦЕВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ПРАВОБЕРЕЖНОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Анализируется пестрая картина сосуществования различных по культурной принадлежности групп памятников Среднего Поднепровья в последней четверти I тыс. н.э., которые невозможно свести к какой-нибудь одной из общепринятых сегодня археологических культур. Все археолого-этнические типы или локальные группы в той или иной степени приняли участие в становлении культуры Киевской Руси. В этом процессе существенным, если не решающим, был вклад сахновско-волынцевских древностей.

Открытие памятников волынцевской культуры на Правобережном Поднепровье поставило перед исследователями целый ряд интересных задач о взаимоотношениях этих древностей с культурой типа Луки-Райковецкой, их происхождении, путях развития, а также месте в формировании древнерусской культуры Правобережья.

Впервые волынцевские памятники на Правобережье открыты около 20 лет назад в Киевском Поднепровье. Сегодня, кроме хорошо известных – Ходосовки и Обухова II, к этой культуре относят нижние слои Монастырька, некоторые комплексы Киева, поселения около сел Григоровки и Бучаки, где выявлена керамика волынцевского типа. На большинстве этих памятников волынцевские древности непосредственно связаны с древнерусскими. Причем происходит это без каких-либо следов военного столкновения. Заметим, что этот процесс характерен не только для Правобережья, но и для Левобережья, точнее его прибрежной Поднепровской территории. Об этом свидетельствуют материалы славянского поселения вблизи Переяслава-Хмельницкого (уроч. Горелое), которое по материальной культуре аналогично Монастырьку, расположенному напротив.

Среднее Поднепровье последней трети I тыс. н.э. представляет в археологическом плане довольно пеструю картину. Здесь бытует пеньковская культура (ее поздний этап), волынцевская, роменская, типа Луки-Райковецкой, сахновские древнос , выделенные в отдельный этап, отношение которых к названным археологическим культурам до конца не разработано. Чтобы выяснить взаимозависимость этих культур, мы провели сравнительно-типологический анализ наиболее массового материала – керамики. Цель анализа археологическая интерпретация каждого исследуемого памятника, соотношение его с конкретной археологической культурой и конкретным этническим образованием (подразумеваются летописные "племена").

Сравнительному анализу подверглись керамические комплексы 13 славянских поселений VIII–IX вв. из Среднего Поднепровья, относящиеся к следующим археологическим культурам: типа Луки-Райковецкой – Тетеревка, Шумск, Буки, Лука-Райковецкая; волынцевской – Ходосовка, Волынцевское поселение; пеньковской – Луг I, Макаров Остров; роменской – Новотроицкое; поднепровско-поросским – Монастырек, Сахновка, Каневское поселение.

Методика заключалась в анализе на уровне вычисления абсолютного коэффициента

© *В.А.Петрашенко, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

сходства по отдельным признакам, отражающим форму сосуда, орнаментацию, технологию, а затем вычислялся среднеарифметический показатель по сравниваемым парам в целом. Упорядоченная таблица парных коэффициентов сходства исследованных керамических комплексов позволила выделить две группы памятников с высокой степенью сходства. Первая состоит из трех поселений: Монастырек, Каневское и группа поселений из Киева, коэффициент сходства которых 78–84 % (см. табл.). Вторая включает Сахновку, Ходосовку, Вольнцево – 77–91 %. Каждая из групп объединяет памятники одного культурно-хронологического этапа. Не вошедшие в эти группы поселения следует рассматривать самостоятельно, а их интерпретация зависит от сравнительного анализа по отдельным совокупностям признаков.

Общие парные коэффициенты сходства сосудов по всем признакам

Наименование памятника	Киев	Монастырек	Каневское поселение	Новотроицкое	Восточная Волынь	Ходосовка	Сахновка	Вольнцево	Луг I, VIII–IX вв.	Макаров Остров	Луг I, VII–VIII вв.	
Киев	–	83,7	69,1	65,7	73,9	67,7	64,1	64,5	64,7	61,6	54,6	729,9
Монастырек	83,7	–	78,1	63,1	72,3	64,1	64,8	63,1	67,5	71,3	52,6	740,8
Каневское поселение	69,1	78,1	–	68,2	70,9	65,6	65,1	59,7	65,2	70,5	59,7	736,8
Новотроицкое	65,7	63,7	68,2	–	68,8	74,2	72,2	72,3	68,3	70,6	57,1	745,5
Восточная Волынь	73,9	72,3	70,9	68,8	–	74,4	69,5	67,4	74,1	71,6	63,5	775,6
Ходосовка	67,7	64,1	65,6	74,2	74,4	–	76,6	78,8	71,7	67,6	68,8	779,2
Сахновка	64,1	64,8	65,1	72,2	69,5	76,0	–	80,6	72,5	68,0	74,5	786,8
Вольнцево	64,5	63,1	59,1	72,3	67,4	78,8	80,6	–	67,0	65,6	65,5	757,0
Луг I, VIII–IX вв.	64,7	67,5	65,2	68,3	74,1	71,7	72,5	67,0	–	70,1	71,2	759,6
Макаров Остров	61,6	71,3	70,5	70,6	71,6	67,6	68,0	65,6	70,1	–	62,3	744,6
Луг I, VII–VIII вв.	54,6	52,6	59,7	57,1	63,5	68,8	74,5	65,5	71,2	62,3	–	703,6
Всего	729,9	740,8	736,8	745,5	775,6	779,2	786,8	757,0	759,6	744,6	703,6	–

Для решения вопросов, связанных с генезисом археологических культур, важно выяснить степень сходства формы сосудов исследуемых памятников. Высокий коэффициент сходства, более 80 % (при вариационном размахе 64–89 %), по форме верхней части сосуда наблюдается между керамическими комплексами большинства памятников, что лишь отчасти связано с общностью происхождения и в гораздо большей мере отражает тенденцию к объединению. Большая степень совпадения показателей формы сосуда (82–88 %) прослеживается между керамикой Монастырька, Каневского поселения, Киева и Сахновки. Эти памятники близки по форме керамики и составляют обособленную группу по отношению к другим. Монастырек, Каневское поселение и Киев близки хронологически. Сахновка же по отношению к ним является более ранним комплексом. Подобный факт можно объяснить типологической преемственностью между Сахновкой и данной группой комплексов. Исходя из распространенного в литературе представления о генетической преемственности между вольнцевской и роменской культурами, можно было бы ожидать такую же высокую связь по форме керамических комплексов Новотроицкого и Вольнцевского поселений. Однако степень сходства их небольшая – около 70 %. По керамике Вольнцевское поселение оказалось гораздо ближе к правобережным памятникам, чем к Новотроицкому.

Относительно Ходосовки исследователи полагают, что ее материалы близки вольнцевским и относятся к одной культуре. Полученные данные подтверждают это положение.

На основе анализа керамических комплексов поселения Сахновка, Ходосовка и Вольнцево можно отнести к одной археологической культуре, чему не противоречат и другие категории археологического материала, во многом совпадают также топография, устройство жилищ и отопительных сооружений, культурно-хозяйственный комплекс в целом. Единственным отличием поселений типа Сахновки от вольнцевских памятников является отсутствие в керамических комплексах Сахновки гончарной керамики волын-

цевского типа. Это отличие, с нашей точки зрения, не является существенным, тем более единственным признаком в решении вопроса о культурной принадлежности конкретного памятника. Совершенно очевидно, что керамика подобного облика не могла производиться на каждом поселении, отнесенном к волынцевской культуре, так как ее количество по отношению к лепной на большинстве правобережных поселений примерно равно привозным амфорам и составляет 3–4 %. Сказанное позволяет рассматривать гончарную керамику волынцевского типа на поселениях Правобережья как привозную. Центром ее производства, по-видимому, были некоторые поселения Левобережья, где она многочисленна. Территория распространения известных памятников волынцевского типа в общих чертах совпадает с племенными землями полян и северян, а сама культура связывается с эпизодом недатированной части "Повести временных лет" о выплате дани хозарам в середине VIII в. Есть неопровержимые доказательства связи волынцевской культуры с Хазарией, но ни в коем случае нельзя рассматривать возникновение волынцевской культуры как результат хозарского влияния. Допустима, наверное, лишь мысль о появлении и частичном оседании алано-болгарского населения на территории Лесостепного Левобережья. Этот процесс характерен и для Правобережья, где на рубеже VII–VIII вв. алано-болгарское население проникает в Южное Поднепровье (подразумеваются памятники типа Канцырки и Пастырского).

Для выяснения вопроса об истоках сахновско-волынцевских древностей обратимся к памятникам VI–VII вв. Среднего Поднепровья, в первую очередь, к древностям пеньковской культуры. В литературе высказана мысль о генетической преемственности пеньковской культуры и древностей типа Сахновки, последние рассматриваются как самостоятельный этап[1]. Представляется, что поселение около с. Сахновка не имеет прямых генетических корней в пеньковской культуре. Некоторые отличия между этими памятниками наблюдаются как в топографии поселений, так и в конструкции жилищ. Пеньковские жилища на позднем этапе почти все без исключения имели печи-каменки, тогда как население Сахновки строило, главным образом, глиняные или каменно-глиняные печи. Но наиболее существенные отличия можно наблюдать в массовом материале – керамике. Памятники сахновско-волынцевского этапа совсем не имеют ребристых (биконических) горшков. Этот факт можно объяснить хронологической разницей, поскольку биконическая посуда в VIII в. повсеместно исчезает, кроме памятников, связанных непосредственно с пеньковской культурой, где подражания этой посуде имеют место в комплексах VIII–IX вв. (Макаров Остров). Исходя из этого, мы вправе искать биконическую посуду на Сахновском поселении.

Памятники, близкие сахновским, открыты в Киевском Поднепровье на поселении Обухов II, где они датируются VIII в.[2] Как отмечает исследовательница, они имеют местные традиции и связаны с локальной северо-среднеднепровской группой славянских древностей VI–VII вв.

Итак, на Правобережном Поднепровье волынцевская культура, как по хронологии, так и по основным археологическим характеристикам, соответствует сахновским древностям, составляя с ними один этап, в формировании которого главное место принадлежит местному населению. Специфику волынцевских памятников составляет присутствие в керамических комплексах гончарной керамики, которой нет на поселениях типа Сахновки, что отражает лишь отсутствие прямых контактов с левобережным населением, которое ее производило.

Волынцевская культура в целом имеет более тесные связи с памятниками VIII–IX вв. Среднего Поднепровья, чем с роменскими, что ставит под сомнение генетическую последовательность волынцевских и роменских древностей, к тому же они на значительном отрезке времени совпадают. Однако при некотором совпадении ранних слоев роменской культуры с волынцевской пока неизвестны памятники, где бы фиксировалась их стратиграфическая преемственность[3]. В то же время такая последовательность прослежена на Правобережье, например на городище Монастырек, где ранние жилища VIII в. с глиняными печами волынцевского облика перекрываются жилищами с печами-каменками IX–X вв.

Четкое определение, к какому этническому образованию следует отнести каждый из рассмотренных памятников, подразумевает их соотнесение с летописными "племенами". Волынцевская культура, признанная как северянская на Левобережье, распространена в VIII–IX вв. на Правобережном Приднепровье, заселенном, по летописным дан-

ным. полянами. Археологическая идентификация полян все еще остается одной из загадочных проблем славянской археологии, несмотря на предпринятые усилия исследователей найти ее решение. Распространение памятников волынцевского типа на Правобережном Поднепровье только усилило ее остроту. Предпринятые нами попытки на керамических комплексах подойти к ее решению – лишь один из необходимых этапов в исследовании проблемы.

Как нам представляется, сахновские и волынцевские древности Правобережья можно рассматривать как один культурно-хронологический тип, который, вероятно, и следует связывать с летописными полянами. При этом нельзя отрицать возможности переселения какой-то части левобережного населения – носителей волынцевской культуры в район Киевского Поднепровья[4]. Ведь на VIII в. приходится распространение хазарских даней на восточных славян. Усиление давления Хазарского каганата на восточнославянские земли не могло не вызвать оттока какой-то части населения Левобережья в более безопасные районы. К тому же Киев с момента возникновения рос и развивался за счет притока населения различных восточнославянских племен и уже в те времена имел межплеменный характер.

Главный вывод, полученный нами, сводится к тому, что Среднее Поднепровье в последней четверти I тыс. н.э. представляло собой в археологическом плане сложное явление. В этой маргинальной зоне сосуществовали различные по культурной принадлежности группы памятников, которые невозможно свести к какой-нибудь одной из общепринятых сегодня археологических культур. Все археолого-этнические типы или локальные группы в той или иной степени приняли участие в становлении культуры ранней Киевской Руси, а в конечном счете древнерусской культуры. В этом процессе существенным, если не решающим, был вклад сахновско-волынцевских древностей. Их перерастание в древнерусскую культуру на таких памятниках, как Киев, Монастырек, Каневское поселение, яркое тому подтверждение.

В Среднем Поднепровье до середины IX в. не только в городах, но и на поселениях собственно древнерусская культура выступает достаточно ощутимо. Именно на этот период приходится образование первого государственного образования "Русская земля", центром которого стало население рассмотренных поселений.

1 *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. – К., 1980. – С.126.
2 *Кравченко Н.М.* Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. – Киев, 1979. – С.89.
3 *Шеглова О.А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1987. – С.82–83.
4 *Сухобоков О.В.* До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. – 1977 – Вип. 21. – С.67.

А.В.ГРИГОРЬЕВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ УКРАШЕНИЙ РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многочисленные вещи провинциально-византийского, западно-славянского и позднеаварского типов появляются на Левобережье Днепра одновременно с появлением роменских древностей. Поразительное разнообразие этих предметов и их относительная синхронность указывают на то, что проникновение указанных типов украшений носило характер кратковременного мощного импульса, а не длительного воздействия. В то же время сильное и продолжительное влияние со стороны салтовской культуры привело к появлению местных украшений, по стилю близких к степным, а на последнем этапе существования роменской культуры – отдельных вещей с различных территорий Древней Руси.

Украшения, несомненно, одна из наиболее ярких категорий находок на памятниках Левобережья Днепра конца I тыс. н.э. В настоящее время известно значительное количество изделий из серебра, бронзы, реже из золота и железа, большая часть которых уже введена в научный оборот. При публикации многих памятников роменской культуры украшения неоднократно использовались для определения хронологии, а также при описании ремесел и торговых связей того или иного поселения. В ряде обобщающих работ этот материал послужил для датировки культуры в целом и для решения вопросов ре-

© *А.В.Григорьев, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

месла и торговли летописных северян[1]. Некоторые категории вещей стали объектом специальных исследований[2]. В то же время еще не рассмотрены проблемы происхождения и развития всего комплекса роменских украшений, его соотношения с комплексами синхронных и последующих культур. Объем предлагаемой работы не позволяет рассмотреть все возникающие в связи с этим вопросы, поэтому постараемся лишь наметить основные тенденции в развитии северянского ювелирного ремесла.

Характерной чертой рассматриваемого набора украшений является большое разнообразие типов вещей, многие из которых представлены единичными экземплярами. С одной стороны, это затрудняет создание достаточно надежной типологии находок, с другой – делает возможным и даже необходимым провести дифференциацию материала, прежде всего по культурной принадлежности, дабы вычленить вещи, относящиеся собственно к роменской культуре.

Из-за сложных этнических и культурных процессов, происходивших в Восточной Европе в последней четверти I тыс. н.э., порой невозможно однозначно определить родину того или иного предмета. Однако в составе находок с памятников роменского типа выделяются более или менее значительные группы, этническая принадлежность которых в целом не вызывает сомнений.

Наибольшее внимание исследователей традиционно привлекает группа вещей, относящихся к салтовскому кругу древностей. Большое количество салтовских украшений, вероятно, объясняется как территориальной близостью Хазарского каганата, так и политической зависимостью северян от последнего, вплоть до конца IX в. На раннем этапе салтовский элемент, представленный на изучаемой территории древностями вольнцевского типа, в большой мере повлиял на весь облик роменской культуры. Украшения этого периода наряду с другими категориями находок того же происхождения достаточно полно рассмотрены в специальной статье О.А.Шегловой[3]. Там же аргументированно определено время появления салтовских вещей на славянских памятниках региона – середина VIII в.[4] Во второй половине VIII – первой половине IX в. эта группа являлась ведущей во всем комплексе украшений роменской культуры. Однако на протяжении IX в. наблюдается значительное падение доли салтовских вещей в наборе украшений отдельных памятников. Так, если в материалах Опошни практически все ювелирные изделия происходят из степных районов[5], то на городище Новотроицком они составляют менее одной пятой числа всех находок[6]. В X в. на территории Днепровского Левобережья встречаются лишь отдельные вещи, связанные с салтово-маяцкой культурой. В несколько большем, но также незначительном количестве известны они на славянских памятниках Среднего Дона[7]. Литые серьги салтовского типа известны в X в. и на памятниках Верхней Оки[8], но следует учитывать, что производство подобных украшений освоено и на части финно-угорской территории[9], откуда, вероятно, они и попадали в земли вятичей.

Вещи, которые можно с уверенностью связать с финно-уграми, на Левобережье Днепра немногочисленны. Наиболее характерные из них – подвески в виде "утиных лапок" из роменского слоя Новгорода-Северского и с Большого Горнальского городища – относятся к X в. Первой половиной X в. можно датировать шумящую подвеску из жилища 7 поселения у с.Горбово. К более раннему времени относится фрагмент "бляшки чудского типа" из состава Ивахницкого клада[10]. На протяжении существования культуры встречаются спиралевидные пронизки и трапециевидные привески. Невыразительность этих находок не позволяет определить, являются ли они также финно-угорскими или же представляют собой один из пережитков культурных традиций более раннего автохтонного населения, в основе своей, вероятно, балтского.

Исключив, таким образом, из комплекса украшений элементы соседних, явно не славянских культур, обратимся к группе вещей, принадлежащих собственно носителям роменской культуры. Уже на наиболее ранних памятниках, кроме изделий салтовского типа, были встречены, правда, в небольшом количестве, вещи совершенно иного облика. Так, на поселении Вовки найдена бронзовая бляшка, аналоги которой автор публикации находит в славяно-аварских древностях VIII – началах IX в.[11] Широко известные серьга с Битицкого городища и браслеты из Вольнцевского могильника обычно связывают с аналогичными вещами Фативижского клада[12]. Если связь этого клада с районами Среднего Дуная не вызывает разногласий[13], то его датировка входит в явное противоречие с датами указанных памятников, определенными по салтовским аналогам. Автор публи-

кации клада на основании принятых в то время датировок определил время зарытия вещей V–VI вв.[14] Для датировки из состава клада были привлечены поясной набор и бубенчики[15]. На основе того же поясного набора О.В.Сухобоков отнес клад и, соответственно, аналогичные вещи из Битицы и Вольнцева к VII в.[16] Необходимо вновь обратиться к составу упомянутого клада. Поясной набор, состоящий из семи литых прорезных накладок, такой же пряжки и застежки, действительно находит массу аналогов в аварских древностях[17]. Причем литые украшения подобного типа относятся к III периоду развития указанных древностей. Сторонники широкой датировки этого периода относят его начало ко времени после 680 г. и считают, что он включает в себя весь VIII в. А.К.Амброз сузил дату. По его мнению, вещи данного типа появляются с 720–730-х годов и существуют до конца VIII в. Следовательно, появление их на территории Черниговщины произошло не ранее середины VIII ст. Бубенчики из Фативижского клада, а также Вольнцевского могильника, по аргументированному мнению А.К.Амброза, представляют собой "важный признак VIII в. (и позже) в Восточной Европе вообще"[18-19]. Две серьги, идентичные битицкой, имеют прямой аналог в находках с Гнездовского городища*, которое датируется более поздним временем. Таким образом, есть все основания для включения Фативижского клада в круг роменских древностей второй половины VIII в.

Кроме перечисленных вещей, к материалам вольнцевского типа традиционно относится Харьевский клад. Д.Т.Березовец датировал его VII–VIII вв. и находил ближайшие аналоги вещам в материалах Пастырского городища[20]. О.В.Сухобоков также использовал материалы клада для характеристики "вольнцевской культуры", что вызвало возражения О.А.Щегловой. С одной стороны, она отмечала, что сосуд, в котором находился клад, несколько более позднее подражание вольнцевским сосудам, с другой – на основе связи с древностями пастырского типа предложила датировать клад временем до середины VIII в.[21-22]

Чтобы объяснить эти противоречия, еще раз обратимся к датировке клада и возможному месту его формирования. В последнее время многие исследователи склонны датировать клад в пределах VIII в.[23] Так, по мнению В.Б.Ковалевской, литая серебряная пряжка из состава клада "не составляет определенного типа, она несет на себе ряд типичных черт VIII–IX вв."[24] Отметим, что близкая этой пряжка происходит из Моравии, где она датируется VIII в. [25] Фрагмент полой гривны также имеет аналоги в западнославянских землях[26]. Как считает Б.Свобода, подобные вещи производились византийскими мастерами и бытовали на территории Моравии в конце VII – первой половине VIII в.[27] К VIII в. А.К.Амброз относит и харьевские антропоморфные фибулы[28].

Основываясь на близости Харьевского клада к находкам с Пастырского городища, О.В.Сухобоков пришел к выводу о местном производстве украшений, входящих в его состав[29]. Однако, если часть вещей Харьевского клада имеет относительно широкий ареал распространения, то некоторые указывают весьма точно на возможное место его формирования. Так, паяные звездообразные серьги относятся, по А.И.Айбабину, к придунайскому типу[30]. В отличие от сережек пастырского типа они выполнены в сложной технике, вероятно, византийским мастером. Также к провинциально-византийским относятся отмеченные фрагменты гривны и браслета с полыми концами. Дунайского происхождения и антропоморфные фибулы[31]. Поскольку состав клада подразумевает относительно широкое одновременное бытование входящих в него вещей, местом формирования Харьевского клада можно считать придунайские территории как единственные, где встречаются все типы найденных вещей. На Левобережье Днепра клад, очевидно, попал уже в готовом виде.

Как отмечалось, вещи придунайского происхождения встречаются на памятниках указанного времени, поэтому нет никаких противоречий во включении Харьевского клада в круг исследуемых древностей. Если подходить к вольнцевским материалам не как к самостоятельной культуре, а лишь как к своеобразному пласту древностей, наложившемуся на раннем этапе на культуру роменского типа[32], то вполне объяснимо сосуществование двух совершенно разных традиций.

Вещи, изготовленные в Придунавье, продолжают существовать и в IX в., причем ареал их распространения значительно увеличивается. Примером могут служить серебряная

* Серьга хранится в музее при кафедре археологии МГУ. Выражаю благодарность Т.А.Пушкиной за ознакомление с неопубликованным материалом.

лунницевидная подвеска с зерневым орнаментом с Кузнецовского городища на Дону[33] и фрагмент золотой полой с зернью серьги из кургана 2 у дер.Лебедна на Верхней Оке[34]. На Новотроицком городище к этой группе относятся височные кольца с зерневыми бусинками и с напущенными полыми шариками из жилища 21, литая подвеска из жилища 5 и полая из двух штампованных половинок из жилища 43, а также полая штампованная пронизка из клада в кв. III[35]. Все вещи имеют прямые аналоги в моравских древностях[36].

Следует отметить, что количество этих вещей невелико и большинство из них сломано. Основная же часть вещей этого времени изготовлялась уже на месте, при этом все они имели в качестве прототипов либо известные вещи описанной группы, либо их прототипы. Так, пятилучевое височное кольцо из клада в кв. V_3 городища Новотроицкого И.И.Ляпушкин связывал с украшениями из Моравии[37]. Той же точки зрения придерживается Е.А.Шинаков, посвятивший лучевым кольцам специальную работу[38]. В ней хорошо прослеживается связь упомянутого наиболее раннего кольца с последующими пяти- и семилучевыми кольцами с псевдозернью, столь характерными для роменской культуры.

Дротовые гривны Харьевки, вероятно, проникли в составе клада из района Среднего Дуная, где они известны в это время[39]. Этапы их развития хорошо прослеживаются в материалах роменской культуры. Со временем происходят изменения как в форме дрота, так и в оформлении замка. Дрот, из которого изготовлены гривны Харьевского клада, круглый в сечении, витой. В близком по времени Ивахницком кладе лишь одна из гривен, точнее, ее фрагменты, имеют подобный дрот[40]. В основном же они скручены из дрота квадратного в сечении. Фрагмент такой же крученой гривны известен из жилища 31 Новотроицкого городища[41]. В дальнейшем дрот вообще не перекручивается[42]. Основной тип замков харьевских гривен представлен замком в двойную петлю, причем крючок в верхней части раскован аналогично гривне из клада 1908 г. у с Крылос[43]. В Моравии имеются гривны с таким же замком, но не раскованным[44]. В Ивахницком кладе три гривны с замками, близкими к харьевским, а у двух свободные окончания петель расплющены[45]. Последние, очевидно, послужили прототипом для гривен Новотроицкого городища[46] и Полтавского клада[47]. Этот тип гривен можно считать характерным исключительно для роменской культуры.

Браслеты роменской культуры также связаны с комплексами Харьевского и Фативижского кладов. Дротовые браслеты с утолщенными концами различного сечения непрерывно существуют до конца X в.[48]. Связь браслетов с расширяющимися пластинчатыми концами с ребром посредине, найденных в большом количестве на Новотроицком городище, с браслетами Фативижского клада и Вольнцевского могильника отмечал И.И.Ляпушкин[49]. Браслет такого типа встречен в слое начала X в. на Горбовском поселении и совместно с шиферным пряслицем у с.Горки[50]. На последнем этапе существования эти браслеты утрачивают ребро. Подобные вещи найдены в слоях второй половины X в. на Большом Горнальском городище и на поселении у с.Горбово.

Кроме того, к среднедунайским типам, несомненно, относится небольшая группа трехгорих лунниц с псевдозернью на концах[51] и, вероятно, щитковые с заходящими усами перстни[52], также имеющие аналоги в Придунавье[53].

Остановимся на представленной всего несколькими экземплярами группе подковообразных фибул со спиралевидными окончаниями. Подобные вещи обычно связывают с прибалтийскими памятниками, где они хорошо известны[54]. Наиболее ранняя на роменских памятниках железная подковообразная фибула из жилища 25 Новотроицкого городища[55]. Появление ее в этом регионе при отсутствии других вещей балтского облика, видимо, произошло опосредованно, через Моравию, где в VII–VIII вв. отмечен ряд прибалтийских вещей, в том числе и подобные фибулы[56]. Еще несколько таких фибул найдено в слоях первой половины X в. на Горбовском поселении. Интересно отметить, что эти фибулы изготовлены как из железа, так и из бронзы и имеют различную форму сечения при сохранении схемы оформления окончаний. Возможно, подобный разнобой говорит о полном отрыве от родины вещей указанного типа. Подтверждением местного производства подковообразных фибул могут служить бронзовые заготовки из жилища 8 Горбовского поселения.

Исходя из сказанного, можно предположить следующую последовательность в развитии роменских ювелирных традиций. Одновременно с появлением славянских памятников роменского типа на Левобережье Днепра появляются многочисленные вещи про-

винциально-византийского, западно-славянского и позднеаварского типов. Поразительное разнообразие этих предметов, а также относительная их синхронность могут указывать на то, что проникновение придунайских типов украшений носило характер кратковременного, но мощного импульса, а не сколь-нибудь длительного влияния. Быстрая утрата сложных приемов, таких как тиснение, пайка, зернь, говорят о скором отрыве от основных центров производства указанных вещей. Именно этим объясняется тот факт, что на исследуемой территории дальнейшее распространение получили наиболее простые в исполнении типы украшений. В то же время при частичной утрате технических приемов сохраняются стилистические традиции придунайских прототипов. Изготовленные на месте вещи являются не подражанием более ранним предметам, а дальнейшим их развитием в технике одностороннего литья и ковки. Изоляция от западно-славянских территорий, ограниченность технических средств привели к созданию небольшой, но весьма своеобразной группы вещей (лучевые височные кольца, гривны типа Новотроицкого и Полтавы, браслеты с расширяющимися заходящими концами). Приверженность к ювелирным традициям, несомненно, говорит о том, что они не были чужды носителям роменской культуры. Характерно, что сильное и продолжительное влияние со стороны салтовской культуры не привело к появлению местных украшений, по стилю близких к степным.

На последнем этапе существования роменской культуры, по мере расширения связей северян с другими регионами, на памятниках появляются отдельные вещи с различных территорий Древней Руси. В то же время некоторые роменские вещи оказываются далеко за пределами распространения культуры. Например, относительно ранние типы семилучевых колец известны в Гнездове и на Хотомельском городище[57].

После гибели роменской культуры, которая в различных местах Днепровского Левобережья произошла, вероятно, в различное время, в пределах последней четверти X — начала XI в., ювелирные традиции на этой территории в целом прерываются. Отдельные типы роменских украшений продолжают существовать на крупных полиэтничных поселениях типа Гочева и Кветуни. Наиболее характерными украшениями в это время на исследуемой территории становятся спиралевидные височные кольца и пластинчатые головные венчики, не имеющие никаких прототипов в предшествующих северянских древностях. Вероятно, эти типы украшений, ареал распространения которых совпадает с летописными северянами, но хронологически более поздние, возникли в результате включения Левобережья Днепра в состав Русской земли в конце X — начале XI в. Дальнейшее развитие некоторых типов предметов прослеживается на соседних с северянами территориях. Семилучевые височные кольца стали племенным украшением радимичей[58]. Возможно, генетически связанные с ними лопастные кольца распространились в землях вятичей[59]. Такое перемещение некоторых типов вещей на север можно объяснить как тем, что культура вятичей и, возможно, радимичей основывалась на культуре роменского типа[60], так и вероятной миграцией туда значительной части населения с Днепровского Левобережья.

Связи ряда предметов раннего периода, в частности из Харьевского клада, с похожими древнерусскими вещами в действительности, очевидно, не существовало. Как уже отмечалось, сложные технологические приемы были утрачены еще в первой половине IX в. Схожесть этих украшений объясняется их единым происхождением. Хронологически более позднее византийское и западнославянское проникновение носило характер стабильного, охватывающего обширные территории, влияния и во многом послужило сложению собственно древнерусских традиций.

1 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое // МИА. – 1958. – № 74. – С.185–188, 219, 222–223; *Ляпушкин И.И.* Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. – 1961. – № 104. – С.237; *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – Киев, 1975. – С.57, 84, 113–114.

2 *Айбабин А.И.* К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. – 1973. – № 3. – С.62–72; *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. – 1980. – № 3. – С.110–127.

3 *Щеглова О.А.* Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1987. – С.77–85.

4 Там же. – С.82.

5 *Ляпушкин И.И.* Днепровское Лесостепное Левобережье... – С.268–304; *Сухобоков О.В., Иченская О.В., Юренко С.П.* Новые исследования раннеславянского поселения близ Опошни // АО 1975 г. – М., 1976. – С.396.

6 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – С.15–166.
7 *Москаленко А.Н.* Славяне на Дону. – Воронеж, 1981. – С.138–139.
8 Арх. ИА АН СССР. – Р-1.–Д.4226.–Л.8,10, Рис. 15б; Д.4592. – Л. 6–7. – Рис. 23; Д.4941. – Л. 4, 6. – Рис. 12, *17, 22, 23.*
9 *Иванов П.П.* Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. – Мордовск, 1952. – С.180.
10 *Макаренко Н.Е.* Материалы по археологии Полтавской губернии // Тр. ПУАК. – 1908.–Вып.5. – С.9–13, табл. II.
11 *Щеглова О.А.* Салтовские вещи... – С. 78–79, рис. 21.
12 *Ляпушкин И.И.* К вопросу о памятниках вольшевского типа // СА. – 1959.– № 29/30.– С.72, рис. 10; *Березовець Д.Т.* Дослідження на території Путивльського району Сумської області // АП УРСР. – 1952. – Т. 3. – С.248, табл. I.
13 Н.Феттих приводит материалы Фативижского клада, иллюстрируя распространение аварских вещей за пределами каганата. См.: *Fettich N.* Das awarenzeitliche Graberfeld von Palismarot–Basaharc. – Budapest, 1965. – S.97–98, abb. 162.
14 Ювілейний збірник на пошану акад. М.С.Грушевського. – К., 1928. – Т. 1. – С.52.
15 Там же. – С.48–49, 51.
16 *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – С.57.
17 *Fettich N.* Das Kunstgewerde der Awarenzeit in Ungarn. – Budapest, 1926. – S. 25; *Cilinska Z.* Slovansko-avarske pohrebinsko v Zitavsej Toni // SA. – 1963. – 11,1. – S.92–93,Tab.VII,*19–22*;*FettichN.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Pilismarot–Basahars. – S.50, abb. 89, *3, 4;* 108, *2, 3,* 109, *10;* 134, *1–3; Manuliak M., Zabojnik J.* Pohrebisko zo 7–8 stor. v Cataji okr. Bratislava–Vidiek // AR. – 34. – 1982. – Tab. II.
18-19 *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971. – № 3. – С.123, 130.
20 *Березовець Д.Т.* Харівський скарб // Археологія. – 1952. – Т. 6. – С.109–118.
21-22 *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – С.57; *Щеглова О.А.* Салтовские вещи ... – С.81–82.
23 *Айбабин А.И.* К вопросу о происхождении... – С.69; *Кравченко Н.М.* Исследование славянских памятников на Сугне // Славяне и Русь. – Киев, 1979. – С.89.
24 *Ковалевская В.В.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв.: Пряжки // САИ. – 1979. – Вып. Е1–2. – С.34, табл. XV, *12.*
25 *Manuliak M., Zabojnik J.* Pohrebisko zo 7–8 stor. v Cataji... – S. 496, tab. 115.
26 *Fettich N.* Archäologische Studien Geschichte der späthunnischen Metallkunst // AH – 31. – 1951. – S.116, tab. 10, *6–7; Svoboda B.* Poklad Byzantskeho kovotepce v Zemianskem Vrobovku // PA. – 44 – 1953. – S. 38, obr. 3 (dole).
27 *Svoboda B.* Poklad Bysantskeho kovotepce... – S.38, 89.
28 *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V–IX вв. – М., 1973 // Арх. ИА АН СССР. – Ф. р-2. – Д.2142. – Л.355.
29 *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – С.114.
30 *Айбабин А.И.* К вопросу о происхождении... – С.69, рис. 1.
31 *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей... 352–355.
32 *Григорьев А.В.* О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – Киев, 1988. – С.65–74.
33 *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. – 1948. – № 8. – С.104–105, табл. XVIII, *7.*
34 *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. – М., 1981. – С.28, рис. 11.
35 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – С. 90, рис. 58, *3*; С.62, рис. 40, *3*; С.127, рис. 83,*11*; С.28, рис. 15, *3.*
36 *Dostal B.* Slovanske pohrebiste ze stredni doby hradistni na Morave. – Praha, 1966. – S.30–31, 34, obr. 7, *4, 24; Chropovsky B.* Slovanske pohrebisko v Nitre na Lupke // SA. – 1962. – 10; 1. – S. 212, obr. 20, *2,8,* tab. IX, *8*; obr. 17, *11, 16; Solle M.* Knizeci pohrebiste ne Stare Kourimi // PA. – 1959. – 2. – S.451, obr. 64, *3; Hampel J.* Alterthumer des frühen: Mittelalters in Ungarn // Braunschweig, 1905. – 11. – S.229, tab. 182.
37 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – С.26.
38 *Шинаков Е.А.* Классификация... – С.115.
39 *Chropovsky B.* Vcasnoslovansky a predvelkomoravsky vivoi na uzemi Geskoslovenske // *Poulik J.* Velka Morava a pocatky ceskoslovenske statnosti. – Praha; Bratislava, 1985. – Tab. 16.
40 *Макаренко Н.Е.* Материалы ... – С.9–10, табл. II.
41 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое.– С.106, рис. 69, *9.*
42 Там же. – С.26, рис. 13.
43 *Кропоткин В.В.* Византийская чаша из Крыловского клада VII в. // Византийский временник. – М., 1971. – С.194, рис. 1, *6.*
44 *Chropovsky B.* Vcasnoslovansky ... – Tab. 16; *Chropovsky B.* Slovanske pohrebisko v Nitre na Lupke. – Tab. XIII, 2.
45 *Макаренко Н.Е.* Материалы ... – С.9–10, табл. II.
46 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – Табл. XCI.
47 *Макаренко Н.Е.* Материалы ... – Табл. I.
48 *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – Рис. 54, *5*; *Куза А.В.* Большое городище у с.Горналь // Древнерусские города. – М., 1981. – С.13, рис. 5, *1, 2.*
49 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – С.26.
50 *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – С.120.

51 *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения... – С.103–104. табл. XVIII, *4; Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. – Воронеж, 1965. – Рис. 42.

52 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – С.62, рис. 40, *2*; с.28, табл. XCII, *9*; *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. – Рис. 42.

53 *Markine Poll K.* Kürtösvegü karkotok az avar–korbol // AE. – 1934. – Obr. 61, *10*; *Chropovsky B.* Clovanske pohrebisko v Nitre na Lupke. – Tab. 6, obr. 18.

54 *Мальм В.А.* Подковообразные и колыевидные застежки-фибулы // Тр. ГИМ. – 1967. – Вып.43. – С.150.

55 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. – С.98, рис. 65, 3.

56 *Manuliak N., Zabojnik J.* Pohrebisko zo 7–8 stor. v Cataji ... – S.501, tab. 117.

57 *Кухаренко Ю.В.* Средневековые памятники Полесья // САИ. – 1961. – Вып. Е 1-57. – Табл. 8.

58 *Шинаков Е.А.* Классификация... – С.123–124.

59 *Недошивина Н.Г.* К вопросу о связях радимичей и вятичей // Тр. ГИМ. – 1960. – Вып. 37. – С.63.

60 *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. – С.12–41.

О.А.МАКУШНИКОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛЕТОПИСНОГО ГОМИЯ (до середины XIII в.)

Результаты раскопок 1986–1988 гг. на детинце и окольном городе позволяют с привлечением летописных и топографических данных по-новому осветить историю этого древнерусского центра, показать, что основание в Гомие во второй половине XII в. удельного княжеского стола – закономерный результат его экономического роста и, в свою очередь, явилось новым стимулом для его дальнейшего подъема.

Развернувшиеся в последние десятилетия широкомасштабные раскопки Новгорода, Киева, Чернигова, Полоцка и других древнерусских центров позволяют не только создать надежную источниковедческую базу, характеризующую городскую культуру в динамике, но и приближают науку к детальной разработке теоретических вопросов генезиса городов. Весьма симптоматично появление обстоятельных определений понятия "средневековый" и "древнерусский" город[1].

Последние годы ознаменовались новыми успехами в исследовании древнерусских памятников Черниговской земли и, в первую очередь, ее городов. В то же время, малоизученной остается северо-западная часть земли – Верхнее Поднепровье и Посожье с летописными Рогачевом, Гомием, Чичерском и Речицей. Гомий относится к числу тех многих городских поселений, которые в силу своего сравнительно скромного вклада в общерусскую политическую историю поначалу мало интересовали стольных летописцев, затем почти не привлекали внимание историков, а ныне, как правило, остаются на заднем плане археологических изысканий. Совершенно очевидно, что последнее обстоятельство не только тормозит процесс создания претендующей на полноту историко-археологической картины Черниговской земли, но и негативно сказывается на изучении проблематики генезиса древнерусских городов в целом.

Гомий, остатки которого расположены на правом берегу Сожа в центре Гомеля, является самым южным летописным пунктом Посожья. Первое упоминание о нем в связи с борьбой Ростислава Смоленского и черниговских Ольговичей датируется 1142 г. Все последующие летописные сообщения о городе лаконичны по содержанию и связаны с политическими событиями второй половины XII в. в Чернигово-Северской и Киевской землях[2].

Остатки детинца, окольного града и посадов Гомия находятся на краю коренной террасы Сожа в устье ручья Гомеюк. Сейчас здесь расположены городской парк и районы современной застройки. Культурный слой имеет сравнительно малую мощность. Средневековые укрепления на плане города не прослеживаются, но еще в конце XVIII в. они составляли неотъемлемую часть его рельефа.

Изучение Гомия началось в 1926 г., когда И.Х.Ющенко выявил на месте детинца культурный слой X–XII вв., и было продолжено в 1975 г. М.А.Ткачевым, вскрывшим на детинце и посаде около 270 м^2 площади и обнаружившим остатки укреплений детинца. Результаты этих сравнительно небольших раскопок опубликованы в виде кратких заметок, а документация и коллекции 1926 г. не сохранились. По мнению М.А.Ткачева,

© *О.А.Макушников, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

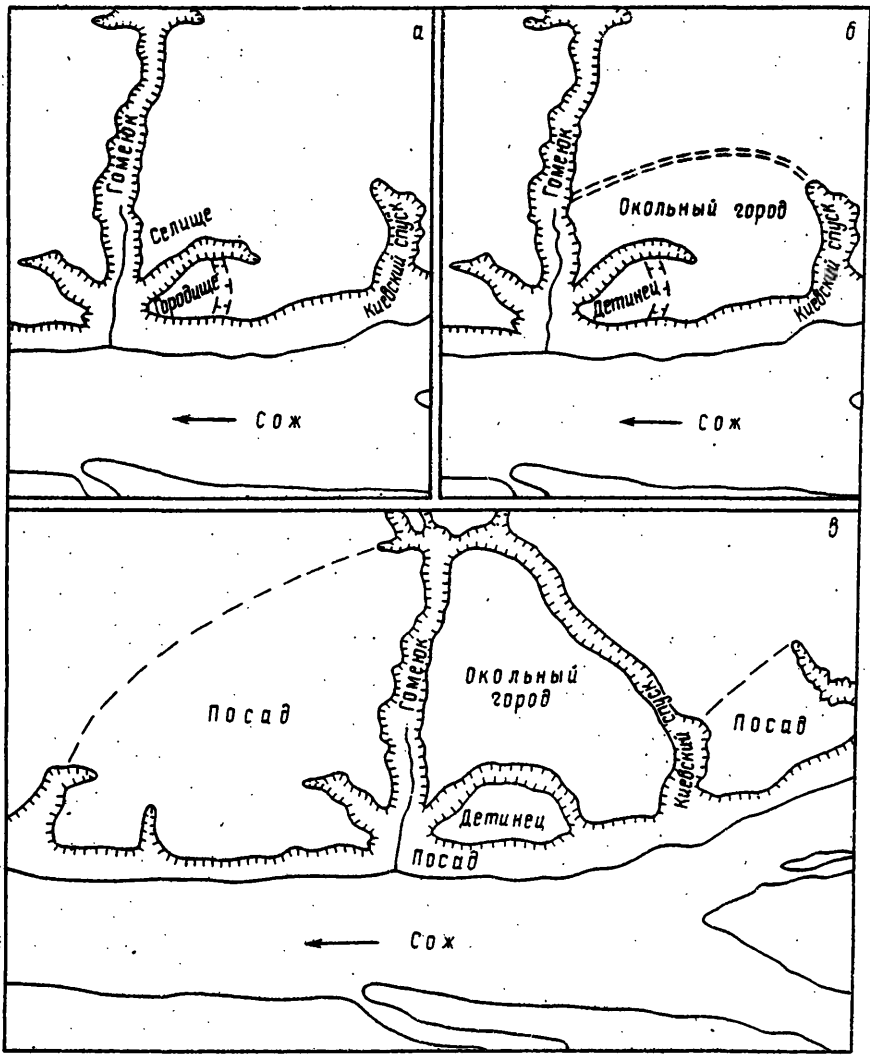


Рис. 1. План-реконструкция Гомия.
а – поселение VI–IX вв., *б* – город в X в.; *в* – город в XI–XIII вв. (очертания укреплений отражают ситуацию XII в.).

Гомий возник в XI в. в качестве порубежного замка Черниговского княжества; на его посадах развивалось гончарное, кузнечное, ювелирное и кожевенное производства[3]. До недавнего времени этой информацией практически исчерпывались все археологические данные о древнерусском Гомии. Ограниченность источников привела к мнению, согласно которому Гомий принадлежал к группе волостных центров или "полугородов", так и не достигших подлинно городского уровня развития (рис. 1)[4].

Результаты раскопок 1986–1988 гг. на детинце и окольном городе Гомия, в ходе которых сектором археологии Гомельского областного краеведческого музея вскрыто свыше 1100 м^2 культурного слоя, получена обширная коллекция вещевых находок, исследованы оборонительные сооружения, впервые открыты остатки жилищ, мастерских и хозяйственных построек, позволяют с привлечением летописных и историко-топографических данных уже сегодня по-новому осветить историю этого древнерусского центра (рис. 2).

Истоки восточнославянских городов восходят к третьей четверти I тыс. н.э. – переходной эпохе от первобытнообщинного строя к феодализму. Это положение, отстаиваемое рядом исследователей, находит подтверждения в материалах древнейших русских городов Киева и Чернигова, которые уже в VI–VIII вв. имели ряд раннегородских черт[5].

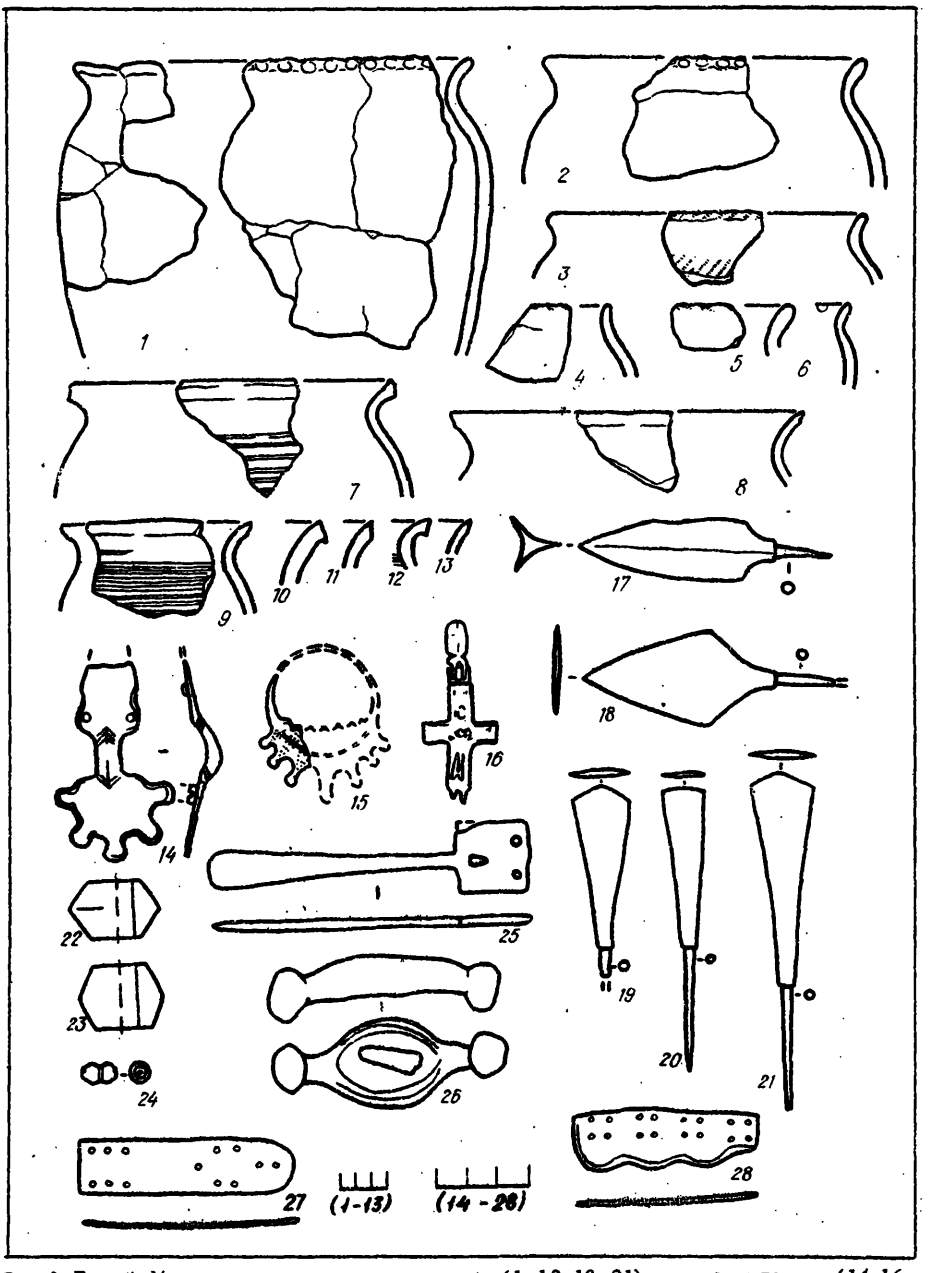


Рис. 2. Гомий. Материалы из раскопов на детинце (*1–13, 19–21*), окольном городе (*14, 16–18, 22–28*), подъемный материал из устья Киевского спуска (*15*).
1–6 – лепная керамика VIII–IX вв.; *7–13* – круговая керамика X – начала XI в.; *14, 15* – украшения из цветного металла; *16* – энколпион; *17, 18* – наконечники стрел из рва X в.; *19–21* – срезни из насыпи вала XIII в.; *22, 23* – глиняные пряслица VI–VII вв.; *24* – бусина-лимонка; *25* – железный ключ; *26–28* – перекрестие сабли и образцы панцирных пластин из мастерской XII–XIII вв.

В 1986–1987 гг. в Гомеле под напластованиями окольного града древнерусского времени открыты остатки поселения VI–VII вв., оставленного носителями колочинской культуры: четырехугольная полуземлянка с каменкой в углу, следы сооружения по обработке болотной руды, грунтовое ямное трупосожжение. Среди материалов привлекает внимание пальчатая фибула – разновидность фибул антского типа VI–VII в. (единственная находка подобного рода из Белорусского Поднепровья). Колочинская керамика происходит и с крайней мысовой части детинца. Картографирование находок

третьей четверти I тыс. показывает, что площадь поселения составляла не менее 3 га. В комплекс входили селище, городище и могильник. В настоящее время нельзя утверждать, что это поселение существенно выделяется из ряда синхронных ему памятников южной части Днепровско-Сожского междуречья. Заметное отличие от большинства последних состоит лишь в том, что на нем есть материалы, хронологически соединяющие колочинский и древнерусский периоды. В то же время генетическая связь между культурой VI–VII вв. и конца I тыс. ни в Гомеле, ни на других памятниках Нижнего Посожья пока не прослеживается. Это не позволяет на современном этапе рассматривать первое раннесредневековое поселение в Гомеле в качестве начального звена в процессе градообразования.

В последние годы на территории Гомеля обнаружены и древности VIII–IX вв. Они представлены лепной керамикой роменского типа с крайней мысовой части городища и прилегающей к ней территории. Поселение дает, к сожалению, весьма фрагментарный материал.

В конце I тыс. в облике поселения в устье Гомеюка появляются новые черты, часть которых может свидетельствовать о начале генезиса раннего города. Как показывают новые данные, в это время существенно увеличилась территория поселения: культурный слой и находки конца IX–X в. охватывают площадь от 4 до 8 га. Открытие в 1987–1988 гг. двух оборонительных рвов показывает, что поселение было двухчастным. Наиболее укрепленная его часть занимала край мыса у слияния Сожа и Гомеюка. Треугольное в плане городище площадью около 0,7 га отделялось с напольной стороны широким дугообразным рвом и, вероятно, валом. Оно функционировало на месте городища предшествующего времени. В 100–150 м западнее городища выявлен второй ров, южная часть которого исследована раскопками. Он начинался у оврага Гомеюк и шел в северном направлении к оврагу Киевский спуск. Заполнение нижней части рва дает обломки раннекруговых сосудов, наконечники стрел VIII–X вв., в том числе так называемого "аварского" типа, лимоновидные многочастные бусы. С этим же поселением связан и найденный в устье Киевского спуска фрагмент семилучевого височного кольца с ложной зернью с продолжением дужки на щитке. Единственный аналог происходит из верхнего горизонта городища Хотомель на Полесье и датируется VIII – началом X в. Такое архаичное кольцо, схема которого, согласно исследованиям Е.А.Шинакова, послужила прототипом "классических" радимичских колец конца X – XII в.[6], – первая находка подобного рода в собственно радимичском ареале.

Таким образом, формирование Гомия, возникшего на месте более раннего восточнославянского поселения, начинается не позднее X в. Появление в X, а возможно, еще в конце IX в. двух укрепленных частей общей площадью не менее 4 га, знаменует собой начало сложения раннегородской топографической структуры, состоявшей из детинца и окольградья, к которым, вероятно, примыкали и поселения открытого типа. Из занятий населения определяются гончарное, кузнечное, ювелирное ремесла, а также земледелие, животноводство, охота. Концентрация в Гомеле и его окрестностях (в радиусе 40–80 км) кладов (Гомель, Глубоцкое, Яриловичи, Покоть, Косаляки) и отдельных находок (Гомель, Великие Немки, Уваровичи, бывш. Уваровичский р-н, Глубоцкое, Демьянки и др.) арабских дирхемов IX–X вв.[7] свидетельствует, что Сож был оживленной торговой артерией, проложенной по землям платежеспособного населения, а Гомий, вероятно, являлся торговым центром. Именно здесь могла концентрироваться и перераспределяться княжеская дань, взимаемая с одного из радимичских племен.

Гомельское городище конца I тыс. н.э. по своим размерам стоит в одном ряду с крупнейшими восточнославянскими поселениями VIII–X вв. – Большим Горнальским на Псле, Титчихой на Дону, Ревным на Пруте, Монастырьком в Среднем Поднепровье и др. Ряд исследователей видит в них центры малых племен, которые входили в тот или иной племенной союз[8]. Социальный статус Гомия в X в. еще предстоит выяснить. В пользу интерпретации его в качестве радимичского племенного центра как будто свидетельствует летописная традиция, согласно которой радимичи, занимавшие лесные районы в непосредственной близости от "Русской земли", сохраняли свою автономию вплоть до конца X в. и их политические взаимоотношения с Киевом долгое время ограничивались выплатой дани и периодическим участием радимичских отрядов в военных предприятиях киевских князей. Как бы там ни было, первоначальный Гомий должен был выполнять функцию административного центра наиболее южного радимичского

племени. Будучи хорошей крепостью, на определенном этапе он мог препятствовать распространению военно-политического господства великокняжеской власти на племенную территорию. Большая защищенная площадь Гомия говорит о том, что за его стенами, в случае необходимости, могло укрыться население обширной сельской округи.

Гомий X в., конечно, не был еще "классическим" раннефеодальным городом со всем набором экономических, политико-административных, военных и религиозно-культурных функций. Однако это не означает, что мы должны рассматривать его вне рамок становления городской формы поселения. В настоящее время получил признание тезис Б.А.Рыбакова, что историю города необходимо отсчитывать не с того неуловимого момента, когда то или иное поселение приобрело весь комплекс функций феодального города, а с того времени, когда оно выделилось из массы окрестных поселений, стало в чем-то над ними и приобрело особые, присущие ему черты[9]. Гомий полностью соответствует такому определению: городище X в. не имеет себе равных на всей территории Нижнего Посожья.

Условной верхней границей I этапа истории Гомия можно считать 984 г. — переломный в истории радимичского союза. Победоносный поход воеводы Владимира Святославича Волчьего Хвоста навсегда перечеркнул сепаратистские устремления местной знати и, как результат этой вооруженной акции, произошло окончательное присоединение территории радимичей к Киевской Руси. События этого времени не могли не отразиться на Гомии. Включение Нижнего Посожья в состав Древнерусской державы, как показывают исследования в Гомеле, не привело к упадку и запустению строго центра. Напротив, его территориально-экономический рост стремительно усиливается. В конце X — начале XI в. старые укрепления окольного города были снивелированы и границы поселения отодвинуты еще дальше к западу и северо-западу от детинца. В XI в. площадь окологрядья составляет не менее 10 га. Городская территория переходит также через овраг Гомеюк на его правый берег, где развивается посад. Общая площадь Гомия в XI в. составляла не менее 15 га. Культурные остатки конца X — начала XII в. с территории детинца, окольного города и посада представлены нижними частями углубленных в материк построек, разнообразным бытовым инвентарем, орудиями труда, украшениями.

III этап истории домонгольского Гомия, совпадающий с его экономическим и политическим расцветом, относится к XII — первой половине XIII в. Примерно в конце XI — начале XII в. территория детинца увеличилась в 2 раза и достигла 1,4 га. При этом первоначальные укрепления были тщательно снивелированы. В XII в. на детинце, вероятно, впервые начинается каменное строительство. В слое этого времени при раскопках 1988 г. встречены куски плинфы желтого цвета. Площадь окольного города, который развивается между Гомеюком и Киевским спуском, охватывает территорию около 12,5 га. Ров окольного города показан на плане 1799 г., а его укрепления упоминаются в документах XVI в. Основанный в предшествующее время посад на правом берегу Гомеюка, значительно расширяется в южном и юго-западном направлении. В XII в. возникает второй посад, расположенный к северу от Киевского спуска. По данным раскопок, наблюдений за земляными работами и картографии подъемного материала, городская территория в XII—XIII вв. составляла не менее 40 га. На окольном городе исследованы остатки срубных и столбовых жилищ на углубленных подклетах, мастерских и хозяйственных построек. Обычным является объединение в одной постройке функций жилого дома и ремесленной мастерской. Среди вещевого инвентаря — фрагменты византийских амфор, поливной и стеклянной посуды, стеклянные браслеты, перстни, бусы, украшения из цветного металла, обломки колокола, кресты-энколпионы и тельники, чаша от весов, наконечник ножен меча, костяные гребни, уховертки, замки, ключи, кресала, удила, шпоры, наконечники стрел и др. На донцах горшков и оружии встречаются знаки Рюриковичей — дву- и трезубцы. В сгоревшей мастерской первой половины XIII в. собрано около 1500 панцирных пластин от пластинчатого доспеха (крупнейшее собрание на территории Руси), фрагменты кольчуг в разной стадии изготовления, перекрестья мечей и сабель, их навершия, детали ножен, обломки точильного круга, десятки оселков, шило, штамп (?) и др. Здесь производилась сборка защитного вооружения и рубящего оружия. Достаточно отчетливо фиксируются следы кузнечного, ювелирно-бронзолитейного, косторезного, деревообрабатывающего ремесел. Можно предполагать также развитие местного стеклоделия, изготовления поливной керамики и

камнетесного ремесла (культурный слой содержит множество кусков овручского шифера). О распространении грамотности говорят находки стилей (посад, окологрядье) и шиферного пряслица с остатками надписи (детинец). Импорты указывают на торговые связи с Киевом, Волынью, Северной Русью и Византией.

Таким образом, в XII – первой половине XIII в. типичная социально-топографическая структура древнерусского города предстает в Гомии в сложившемся виде: детинец – окольный город – неукрепленные посады. Гомий быстро превращается в крупнейшее городское поселение Посожья, центр развитого ремесла, торговли. Основание в нем во второй половине XII в. удельного княжеского стола[10] является закономерным результатом его экономического роста и, в свою очередь, новым стимулом для его дальнейшего подъема.

Завершением III этапа в истории Гомия стали события середины XIII в. В первой половине этого столетия в связи со сложной политической обстановкой в южнорусских землях, накаленной внутренними усобицами и возрастающей внешней опасностью, площадь детинца была разделена дополнительным поясом обороны, состоявшим из глубокого и широкого (свыше 20 м) рва и земляного вала с деревянными конструкциями (раскопки 1988 г.). В середине XIII в. город, как показывают материалы детинца и окологрядья, был сожжен и разгромлен. Все постройки на окольном городе, попавшие в раскопы 1987 г., оказались сгоревшими, причем под слоем пожара погребены даже достаточно ценные вещи, например, оружие. Факты убеждают, что владельцы жилищ и мастерских погибли либо по другим причинам не смогли вернуться на пепелища. Сгорели и укрепления детинца, причем в слое их разрушения найдены характерные монголо-татарские срезни. Новые данные свидетельствуют, что несмотря на отсутствие конкретных указаний летописи, Гомий постигла участь большинства южнорусских городов, замков и селений, павших под ударами монголов. Вероятнее всего, это случилось в 1239 г. Гомельские материалы подтверждают, что Черниговская земля в середине XIII в. была разорена завоевателями практически полностью, вплоть до ее северо-западных рубежей. Несмотря на наличие как на детинце, так и на окологрядье Гомия материалов второй половины XIII–XIV в., интенсивность жизни в этот период явно уменьшается, что, несомненно, отражает упадок города в послемонгольское время.

Таким образом, последние археологические данные позволяют выделить в истории Гомия три основных этапа, хронологические рамки и конкретно-историческое содержание которых еще будут уточняться по мере расширения источниковедческой базы.

I этап – конец IX–X в., время возникновения Гомия на месте предшествующего восточнославянского поселения в качестве крупного центра, обладающего рядом раннегородских черт.

II этап – конец X–XI в., период превращения Гомия в подлинно городское поселение, центр феодального освоения южных регионов радимичской земли.

III этап – XII – середина XIII в., время экономического и политического расцвета раннефеодального Гомия, превращающегося в крупнейший центр ремесла и торговли Посожья, а также центр удельного княжества. Гомий предмонгольского времени, вопреки встречающимся в литературе утверждениям, практически полностью соответствует известному определению, согласно которому "типичный" древнерусский город объединяет в себе крепость, дворы феодалов, ремесленный посад, административное управление и церковь[11].

1 Древняя Русь : Город, замок, село // Археология СССР. – М., 1985. – С.7–94.

2 *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С.104.

3 *Дубінскі С.А.* Даследы культур жалезнага перыяду на Віцебшчыне, Магілеўшчыне і Мешчыне // Зап. аддз. гуманіт. навук. – Кн. 5. – Працы катэдры археалогіі – Мінск, 1928. – Т. 1. – С.277; Очерки по археологии Белоруссии. – Мінск, 1972. – Т.2; *Ткачев М.А.* Работы в Белорусском Посожье // АО 1975 г. – М., 1976. – С. 427.

4 Древняя Русь. – С.47–48.

5 *Толочко П.П.* Происхождение древнейших восточнославянских городов // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. – Киев, 1985. – С.6–10, 18; *Коваленко В.П.* Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – Киев, 1988. – С.22–26.

6 *Шинаков Е.А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. – 1980. – № 3. – С.120. – Рис. 2.

7 *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л., 1954. – С.92–93; *Янин В.Л.* Денежно-весо-

вые системы русского средневековья: (Домонгольский период). – М., 1956. – С.90; *Рабцевіч Н.В., Стуканаў А.А.* Манеты арабскага халіфату на тэрыторыі Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 4. – С.35–39.

8 *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX – середины XIII в. // Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. – Воронеж, 1983. – С.39.

9 *Рыбаков Б.А.* Город Кия // ВИ. – 1980. – № 5. – С.34–35.

10 *Зайцев А.К.* Указ. соч. – С.104.

11 История СССР. – М., 1967. – Т. 1. – С.536.

СЫТЫЙ Ю.Н.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕРНИГОВСКОГО ЗАДЕСЕНЬЯ

Одна из важных составных частей вотчины черниговских князей – Черниговское Задесенье с XIX в. привлекает внимание исследователей. В публикации рассматривается историография проблемы, анализируются границы района, локализируются упомянутые здесь летописные города, подводятся краткие итоги более чем двухсотлетнего археологического изучения территории.

Задесенье, как часть вотчины черниговских князей, впервые названо в Ипатьевской летописи под 1149 годом[1]. Его упоминание тесно связано с событиями середины XII в., когда в 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславович вместе со своим братом Ростиславом Смоленским сжег ряд черниговских городов: Всеволож, Белавежу, Бохмач, Уненеж и "инии грады мнози" и осадил город Глебль[2]. Это сообщение позволило А.Н.Насонову сделать вывод, что граница между Черниговским и Переяславским княжествами проходила по р.Остер. А.К.Зайцев, продолжая исследование этой темы, вычленил территорию Задесенья, исходя из расположения летописных городов[3]. Точка зрения А.Н.Насонова о границе княжеств по р.Остер поддержана рядом исследователей (М.П.Кучера, В.П.Коваленко и др.)[4]. По их мнению, Задесенье имело следующие границы: западная – по р.Десне от Чернигова до устья р.Остер, где находился переяславский Остерский Городец; южная граница проходила по р.Остер до истока и далее по ряду болот и правому притоку р.Ромен до с.Красный Колядин. Восточная – от с.Красный Колядин к р.Сейм меридианально. Северная – по р.Сейм до устья и р.Десна до Чернигова. Площадь очерченной территории 6800 км^2 [5]. Особо отметим точку зрения Н.Н.Коринного, который проводит южную границу Задесенья по р.Смолянка и Смолянским болотам до г.Нежин. Основанием для этого являются сведения П.Г.Клепатского об Остерской волости в литовское время, ретроспективно перенесенные на древнерусское время[6].

Несколько отличается от остальных и мнение Ю.Ю.Моргунова относительно восточной границы Задесенья. В целом он согласен с А.К.Зайцевым, но провел границу несколько восточнее, что в значительной степени связано с его подходом к проблеме локализации летописного Глебля. Ю.Ю.Моргунов отождествляет Городище у с.Шевченково с летописным Глеблем на основании более интересных археологических материалов, полученных им здесь в последние годы, отбрасывая при этом известные в литературе топонимы XV–XVIII вв. (волость Торговица, городище Пустая Торговица), относящиеся к данному пункту. Граница, проводимая Ю.Ю.Моргуновым, произвольно пересекает ряд водных преград[7]. Как представляется, границу логичнее провести от с.Красный Колядин вдоль водных рубежей: по правому притоку р.Ромен, р.Самбор и далее по левому притоку р.Сейм, р.Куколка.

Судя по сообщениям летописи, Задесенье в середине XII в. являлось частью доменниальных владений черниговских князей. Во всяком случае, центр Задесенья – г.Всеволож – упомянут под 1159 г. наряду с Любечем, Моровийском и Оргощем как один из центров вотчины черниговского князя Святослава Ольговича[8]. Это сообщение позволило А.К.Зайцеву и В.П.Коваленко считать Задесенье составной частью домена черниговских князей[9]. В летописном сообщении из семи "пустых" городов домена названы четыре, А.Н.Насонов высказал догадку, что тремя городами, не перечисленными в летописи, являлись Уненеж, Бохмач и Белавежа, расположенные на территории Задесенья, а В.П.Коваленко – Листвен, Лутаву и Гуричев, расположенные на территории междуречья Десны и Днепра. Любеч и Всеволож подверглись в 1147 г. опустошению, городище Орго-

©*Ю.Н.Сытый, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

ща, как показали широкие археологические работы[10], в это время использовалось как убежище. Уненеж, Бохмач и Белавежа также были разгромлены в 1147 г., что, по нашему мнению, свидетельствует в пользу точки зрения А.Н.Насонова.

Начало накопления сведений об археологических памятниках Задесенья относится к середине XVIII в. В это время А.Ф.Шафонский составляет топографическое описание Черниговского наместничества, в котором впервые представлены и некоторые археологические памятники[11]. В XIX в. появляются книги, рассматривающие политическое устройство территории в предшествующее время (А.М.Лазаревский), создается история Черниговской епархии (Филарет Гумилевский), авторы которых, описывая города и села, высказывают соображения относительно их древности, указывая на те или иные археологические объекты[12]. В это же время появляются многочисленные исследования, авторы которых (Н.Е.Марков, Н.С.Арцыбашев, М.П.Погодин, Н.К.Карамзин, Д.И.Багалей, К.А.Неволин, С.М.Соловьев, Д.Я.Самоквасов, Н.П.Барсов, Н.А.Надеждин и др.[13]) предпринимают попытки отождествить города, упоминаемые в летописях, с конкретными населенными пунктами. В конце XIX в. начались и первые археологические работы. Так, В.Б.Антонович раскопал два кургана из восьми, расположенных в уроч. Селище у г.Борзны, содержавших трупоположения в яме и на горизонте. Д.Я.Самоквасов раскопал у станции Бахмач-Роменский 3 кургана из 14, содержавших трупоположения в ямах в гробах из досок. Два погребения были безынвентарными, в третьем найден золотой перстень с "жуковиньем"[14]. В.Г.Ляскоронский занимался описанием и изучением городищ на р.Ромен, Т.В.Кибальчич – на городище в Красном Колядине[15]. Распространенная точка зрения о работах Ю.Г.Гендуне на этом же городище носит ошибочный характер: в начале XX в. она исследовала городище в Городнянском уезде[16]. Д.Я.Самоквасов и П.С.Уварова осуществили сбор археологических сведений с помощью анкеты. Большая работа развернулась на Черниговщине в связи с подготовкой к XIV Археологическому съезду, проходившему в Чернигове, и после него (В.А.Шугаевский, В.Г.Ляскоронский и др.)[17].

Особо нужно отметить научный вклад П.В.Голубовского в решение вопросов локализации летописных городов. Он, как бы суммируя мнения предшественников, выдвигает ряд своих доводов в пользу локализации летописных городов Задесенья. Большинство из них (Всеволож, Глебль, Бохмач) приняты современной наукой, другие существенно уточнены (Белавежа) или отвергаются (Уненеж)[18].

В целом, дореволюционный этап изучения Задесенья является периодом накопления сведений. Археологические исследования в это время только разворачивались, что, несомненно, в значительной степени связано с общим уровнем развития науки.

После Великой Октябрьской социалистической революции исследования на Задесенье, носившие разведочный характер, проводились сотрудниками музеев Черниговщины: А.А.Попко (по Десне и притокам), Ю.С.Виноградским (в районе г.Сосницы), А.Г.Розановым и др.[19] Изучение данной территории с новой силой развернулись после Великой Отечественной войны. Проводится ряд маршрутных экспедиций с целью обследования отдельных памятников, составляются их описания: И.И.Ляпушкин (Анисов, Красный Колядин, Грицевка), М.П.Кучера, О.В.Сухобоков (Анисов, Красный Колядин). Исследуются памятники в бассейнах отдельных рек и регионов: А.А.Попко (р.Десна с притоками), И.И.Едомаха (р.Остер), Ю.С.Виноградский (Десна, Сейм), С.С.Березанская (Борзна и Остер), В.И.Неприна (Десна и Сейм), Э.А.Сымонович (Анисов, реки Борзенка, Остер), Н.В.Юркова, В.П.Коваленко (р.Десна)[20]. В последнее время работы на Задесенье вели А.В.Шекун (в степной зоне), Г.А.Кузнецов (в районе Чернигова), А.М.Обломский и Р.В.Терпиловский (Десна и Сейм), В.В.Простантинова (р.Вереснеч) и автор (Куликовский и Черниговский районы)[21].

Отдельные древнерусские объекты исследовались в ходе стационарных раскопок, проводившихся на более ранних памятниках. Так, на поселении "Цегельня" у с.Долинское О.Н.Мельниковская среди материалов других эпох раскопала яму XII – середины XIII в. Еще одна древнерусская яма открыта на поселении "Выбли 1" у с.Выбли Е.В.Максимовым и Р.В.Терпиловским во время исследования поселения киевской культуры[22].

Г.А.Кузнецовым проводились первые планомерные раскопки поселения "Селище" в пойме р.Десна у с.Анисов (140 м^2). Это позволило определить западную и северную границы поселения. Наряду с материалами других культур, исследованы три древнерусских жилища с печами XII – середины XIII в. Котлованы построек углублены незначи-

тельно. Получена серия находок, среди которых следует отметить небольшую круглую серебряную подвеску с ушком и изображением проросшего креста и бронзовую литую накладку с рельефным изображением двух птиц и стилизованного древа жизни, находки многочисленных обломков плинфы, обрезков свинца и др. Г.А.Кузнецов предположил наличие на данном поселении боярской или княжеской загородной усадьбы XII – середины XIII в.[23] Предприняты первые попытки учесть палеоботанические данные региона (В.И.Канивец)[24], что позволило открыть ряд древнерусских памятников и прогнозировать наличие на плодородных участках земель значительного количества неизвестных древнерусских поселений.

Начались исследования древнерусских городищ и их посадов, на которых произведены небольшие археологические работы, позволившие установить время их возникновения. Ю.Ю.Моргунов в 70-х годах осмотрел городище в Красном Колядине и провел разведочные работы на городищах у сел Гайворон и Грицевка. Шурфовка и сбор материалов позволили датировать возникновение древнерусского поселения в Красном Колядине концом XI – началом XII в. Началом XII в. датировано возведение вала городища Гайворон. Работами на городище у с.Грицевка установлено, что оно возникло на предшествующем поселении не ранее середины XII в. На посадке городища доисследовано разрушенное жилище первой половины – середины XII в.[25]

В начале 80-х годов В.П.Коваленко обследовал летописные города Задесенья[26]. Центральный город Задесенья, летописный Всеволож как дореволюционными (Н.Г.Марков, Н.С.Арцыбашев, К.А.Неволин, М.П.Погодин, Н.П.Барсов, Филарет (Гумилевский), С.М.Соловьев, Д.И.Багалей, П.В.Голубовский, Д.Я.Самоквасов), так и советскими (А.Н.Насонов, А.К.Зайцев) учеными единодушно отождествляется с остатками городища в с.Сиволож Борзнянского р-на. Работы, проведенные на городище В.П.Коваленко, позволили датировать возникновение Всеволожа концом XI в.[27]

Летописный город Бохмач, сожженный войсками Изяслава Мстиславовича, по мнению большинства исследователей (Н.Е.Марков, Н.М.Карамзин, Н.С.Арцыбашев, К.А.Неволин, М.П.Погодин, Н.П.Барсов, С.М.Соловьев, Д.И.Багалей, Филарет (Гумилевский), П.В.Голубовский, А.Н.Насонов, А.К.Зайцев и др.), отождествляется с г.Бахмач. Однако обследования территории города, предпринятые в 1980-х годах, не позволили пока связать какой-либо объект с летописным Бохмачем[28].

Еще один город, сожженный войсками Изяслава, – летописный Уненеж, – локализация которого до сих пор окончательно не выяснена, что связано как с отрывочностью и немногочисленностью летописных известий, так и с упоминанием в летописи трех созвучных топонимов. Есть несколько точек зрения на его локализацию. Первая связывает Уненеж с г.Нежин, Гипотеза сформулирована еще Н.К.Карамзиным, поддержана и развита К.А.Неволиным, Д.И.Багалеем, Д.И.Иловайским, М.П.Погодиным, Филаретом (Гумилевским), М.А.Максимовичем, Н.Василенко, Н.Н.Бережковым, В.Барвинским. А.Н.Насонов и А.К.Зайцев связывали с Уненежем уроч. Городок, на северо-восточной окраине г.Нежин, описанное А.М.Лазаревским. Вторую точку зрения (Уненеж – Ивангород) сформулировал П.В.Голубовский, к нему присоединился Н.Н.Коринный. Третью (о тождественности Уненежа селу Омбыш) выдвигали Н.С.Арцыбашев и Н.Е.Марков.

Обследование уроч.Городок, проведенное В.П.Коваленко в 1984 г., показало, что культурный слой памятника значительно поврежден, что не позволило окончательно связать его с Уненежем[29].

Локализация летописного Глебля, выдержавшего в течение суток осаду, до недавнего времени не вызывала сомнений у большинства исследователей (Н.С.Арцыбашев, М.П.Погодин, Филарет (Гумилевский), П.В.Голубовский, А.М.Лазаревский, А.Н.Насонов, А.К.Зайцев, В.П.Коваленко и др.). Другую точку зрения отстаивает Ю.Ю.Моргунов, отрицая наличие топонима, на который указывал еще Д.Я.Самоквасов[30].

Местонахождение летописной Белавежи споров у специалистов практически не вызывало. После описания А.Ф.Шафонским и осмотра местности К.М.Бороздиным у историков (Н.К.Карамзин, М.Е.Марков, Н.А.Надеждин, К.А.Неволин, Н.С.Арцыбашев, М.П.Погодин, С.М.Соловьев, Н.П.Барсов, Филарет (Гумилевский), Д.И.Багалей, П.В.Голубовский, Д.Я.Самоквасов, А.Н.Насонов, А.К.Зайцев) исчезли всякие сомнения относительно местонахождения Белавежи. Однако проведенные в 1981 г. В.П.Коваленко работы показали отсутствие на объекте каких-либо культурных остатков древнерусского периода и позволили высказать мысль о необходимости поисков нового археологичес-

кого объекта в истоках р.Остер[31]. В 1985 г. городище летописной Белавежи было найдено автором. Летом 1985 г. В.П.Коваленко и автор провели шурфовку городища и посадов, позволившую говорить о возникновении древнерусского поселения в конце XI в. и его гибели в середине XIII в.

В 1985 г. обследовано городище у с.Ковчин. Это мысовое городище с двумя укрепленными посадами возникло в XII в. и к середине XIII в. представляло собой городской центр обширной земледельческой округи[32].

Всего, в результате двухсотлетнего изучения, на территории Задесенья известно 14 городищ (включая летописные города), около 80 открытых сельских поселений и 4 курганных могильника Древней Руси. Если городища более или менее равномерно покрывают территорию Задесенья (кроме восточной части, где отмечено некоторое их скопление, по-видимому, связанное с наибольшей внешней опасностью), то расположение известных поселений (район, приближенный к Чернигову) отражает как степень изученности территории, так и плодородие почв. Небольшое количество известных курганных могильников объясняется их активным уничтожением вследствие распашки (два из четырех уже полностью распаханы). Дальнейшая планомерная работа по изучению Черниговского Задесенья позволит существенно расширить наши представления о нем.

1 ПСРЛ. – М., 1962. – Т.2. – Стб. 377.

2 Там же. – Стб. 357–358.

3 *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. – М., 1951. – С.262; *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С.57–118.

4 *Кучера М.П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – С.124; *Коваленко В.П.* Происхождение летописных городов Чернигово-Северской земли: Автореф... канд. ист. наук. – Киев, 1983. – С.3–10; *Толочко П.П.* Древняя Русь. – Киев, 1987. – С.123.

5 *Сытый Ю.Н.* Черниговское Задесенье в составе вотчины черниговских князей // Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Тез. докл. – Чернигов, 1988. – С.35.

6 *Корінний М.М.* Переяславська земля в X – першій третині XIII ст. // УІЖ. – 1981. – № 7. – С.76–77.

7 *Моргунов Ю.Ю.* Древнерусские городища течения р.Ромен // КСИА. – 1983. – Вып. 175. – С.73–80; *Моргунов Ю.Ю.* Два городища XI–XIII вв. на р.Ромен в Посулье // Там же. – 1982. – Вып. 171. – С.65, 70.

8 *ПСРЛ.* – Стб. 499, 500.

9 *Зайцев А.К.* Указ. соч. – С.60; *Коваленко В.П.* Вотчина черниговских князей по летописной статье 1159 г. // Тез. Чернигов. обл. научно-метод. конф., посвящ. 800-летию "Слова о полку Игореве". – Чернигов, 1986. – Ч. 1. – С.22–24.

10 *Насонов А.Н.* Указ соч. – С. 59; *Коваленко В.П.* Вотчина... – С.23; *Коваленко В.П., Моця А.П.* Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО 1985 г. – 1987. – С. 341.

11 *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание. – Киев, 1851. – С. 600.

12 *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии : Материалы для заселения, землевладения и управления. – Киев, 1888–1902. – Т.1–3; *Филарет.* ИСОЧЕ. – Чернигов, 1974. – Кн. 6, 7.

13 *Марков Н.Е.* О городах и селениях Черниговской губернии, упоминаемых в Нестеровой летописи, как они в оной следуют по порядку годов // Периодические сочинения о успехах народного просвещения. – Спб., 1815. – Т. 40. – С.155–208; *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. – М., 1839. – Т. 2. – С.375; *Погодин М.П.* Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1204 г. – Т.2. Княжество Черниговское // ЖМВД. – 1848. – № 2. – С.429–471; *Карамзин Н.К.* История государства Российского. – Спб., 1816. – Кн. 1, т.2.; *Багалей Д.И.* История Северской земли до половины XIV ст. – М., 1882. – С.313; *Неволин К.А.* Исследования о городах русских: Общий список русских городов // ЖМВД. – 1844. – № 12. – С.399–469; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – М., 1960. – Т. 2. – С.813; *Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. – М., 1908. – С. 119; *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. – Т. 1. Географический словарь Русской земли (IX–XIV вв.). – Вильно, 1865. – С.220; *Надеждин Н.А.* Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. – Спб., 1837. – Т. 22. – С.27–79.

14 *Антонович В.Б.* Дневники раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. // Тр. МПК по устройству XIV АС. – 1906. – Вып. 1. – С.28–35; *Самоквасов Д.Я.* Указ. соч. – С.206.

15 *Ляскоронский В.Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р.Сулы // Тр. XI АС. – 1901. – Т. 1. – С.404–415; *Кибальчич Т.В.* Древности. – Киев, 1876. – С.11, 12, 14.

16 Материалы, полученные Ю.Г.Гендуне, находятся в фондах ЧИМ.

17 *Самоквасов Д.Я., Уварова П.С.* Выписка из дел археологической комиссии 1860–1905 гг. и Черниговского губернского статистического комитета, исторического губернского статистического комитета, исторического Общества Нестора Летописца и архива П.С.Уваровой // Тр. МПК по устройству XIV АС. – 1906. – Вып. 1. – С.110; *Шугаевский В.А.* "Татарская Горка" близ г.Чернигова // Там же. – 1911. – С.244–258.

18 *Голубовский П.В.* Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргощь, Сновск, Уненеж, Уноробор? // ЖМНП. – 1903. – Вып. 5. – С.3–135; *Голубовский П.В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. – М., 1903. – С. 50.

19 *Виноградський Ю.* Сосниця та її околиці // ЧІЛ. – К., 1928. – С.147–168; и др.

20 *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. – М; Л, 1961. – МИА. – № 104. – С.383; *Кучера М.П., Сухобоков О.В.* Звіт про роботу Лівобережного загону ІА АН УРСР за 1971 р. // Арх. ИА АН УССР. – ф. № 5994; *Попко О.О.* Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії р.Десни // Середні віки на Україні. – К., 1971. – С.129–140; *Непріна В.І., Корпусова В.М.* Розвідки по Десні та Сейму // АДНУ 1969 г. – 1972. – Вип. 4. – С.347–352; *Коваленко В.П.* Розвідувальні роботи в Середньому Подесенні у 1976 р. // Археологія. – 1981.– Вип. 36. – С.91–101; Отчеты Э.А.Сымоновича, С.С.Березанской // Арх. ИА АН УССР.

21 *Кузнецов Г.А.* О работе Второго Черниговского отряда // АО 1985 г. – М., 1987. – С.357–359; *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Обследования по Десне и Сейму // АО 1983 г. – М., 1985.– С.328; *Веремейчик Е.М., Казаков А.Л., Коваленко В.П. и др.* Работы Чернигово-Северской экспедиции // АО 1986 г. – М., 1988. – С.264–266; *Коваленко В.П., Сытый Ю.Н.* Работы в Черниговском Задесенье // АО 1985 г. – М., 1987. – С.342–343; *Ситий Ю.М.* Відкриття літописної Білої Вежі // Перша Чернігівська обл. наук. конф. з істор. краєзнавства : Тези доп. – Чернігів, 1985. – С. 98–99.

22 *Мельниковская О.М.* Могильник юхновської культури та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині // Археологія. – 1977. – Вип. 24. – С.67; *Максимов Е.В., Терпиловский Р.В.* Исследование памятников киевского типа в Среднем Подесенье // АО 1975 г. – 1976. – С.353.

23 *Кузнецов Г.О.* Археологічні дослідження в заплаві Десни // Друга Чернігівська обл. наук. конф. з істор. краєзнавства : Тези доп. – Чернігів, Ніжин, 1988. – Вип. 2. – С.49.

24 *Канівець В.І.* Роль природних умов у формуванні території Чернігово-Сіверської землі // Перша Чернігівська обл. наук. конф. з істор. краєзнавства : Тези доп. – Чернігів, 1985. – С.92–94.

25 *Моргунов Ю.Ю.* Круглые городища Левобережья Днепра // СА. – 1986. – № 2. – С.110–120; *Моргунов Ю.Ю.* Древнерусские... – С.74–75; *Моргунов Ю.Ю.* Два городища... – С.68–70; *Моргунов Ю.Ю.* Три древнерусских городища Верхнего Посулья // КСИА. – 1977. – Вып. 150. – С.75–76.

26 *Коваленко В.П.* Новые исследования летописных городов Чернигово–Северской земли // Древнерусский город : Материалы Всесоюз. археол. конф. посвящ. 1500-летию города Киева. – Киев, 1984. – С.50–54; *Коваленко В.П.* Исследования летописных городов на Черниговщине // АО 1981 г. – 1983. – С.268–269.

27 *Коваленко В.П.* Происхождение летописных городов Чернигово–Северской земли (IX–XIII вв.) : Дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1983. – С.219–220.

28 Там же. – С.215–216.

29 Там же. – С.285.

30 Там же. – С.225–226.

31 Там же. – С.208.

32 *Ситий Ю.М.* Відкриття... – С.53; *Коваленко В.П., Сытый Ю.Н.* Работы... – С.342–343.

О.А.ТРУСОВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ЧЕРНИГОВСКОГО, ПОЛОЦКОГО (ВИТЕБСКОГО) И ГРОДНЕНСКОГО МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА

Анализируются сведения о тесном взаимодействии и контактах черниговских, полоцких и гродненских зодчих. Их начало можно отнести к 1143 г., когда в Полоцк черниговским князем была направлена строительная артель. После распада полоцкой архитектурной школы ее архитектурные и строительные мастера попадают в Гродно, Смоленск и Новгород. Расцвет гродненского зодчества был недолгим (15–20 лет), и в начале XIII в. гродненские плинфотворители вместе со своим зодчим Петром Милонегом оказались в Чернигове, на родине своих предков.

В современной научной литературе не раз отмечались творческие контакты между черниговской, полоцкой и гродненской архитектурными школами. Так, Н.Н.Воронин писал, что "в черниговской церкви Пятницы повторен редкий в древнерусском зодчестве и характерный для Гродно прием "среза" угла четверика под 45^{0}"[1]. Следует отметить, что в 1980 г. на территории гродненского посада обнаружен еще один храм XII в. (Пречистенская церковь), при строительстве которого использована аналогичная деталь планировки[2].

Н.В.Холостенко обращал внимание на аналоги поливных щитково-крестообразных плиток пола из Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове и подобных плиток из гродненской Борисоглебской (Коложской) церкви. Он же отмечал наличие некоторых общих черт в планировке и формах плана Борисоглебской церкви в Гродно

© О.А.Трусов, 1990

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

и Черниговской Пятницкой церкви[3]. О сходстве планировки подкупольного звена черниговской церкви архангела Михаила, Благовещенской церкви в Витебске и гродненской Нижней церкви сообщает А.А.Беляев[4].

В одной из своих последних публикаций П.А.Раппопорт высказал убедительное предположение, что личный архитектор князя Рюрика Ростиславовича Петр Милонег вышел из гродненской архитектурной школы[5]. О том, что Милонег или иной зодчий князя Рюрика Ростиславовича знал гродненские постройки и подражал их приемам, писал и Н.Н.Воронин[6]. Дополнительные сведения о тесном взаимодействии черниговских, полоцких, витебских и гродненских зодчих дает сравнительный анализ строительной техники названных архитектурных школ.

Начало этих контактов можно отнести к 1143 г., когда черниговский князь Святослав Всеволодович женился на внучке полоцкого князя Всеслава. Незадолго перед этим (в 1140 г.) полоцкие князья вернулись из византийской ссылки и сразу развернули активное строительство, которое продолжалось до 80-х годов XII в. П.А.Раппопорт считает, что черниговский князь, заняв киевский престол, отправил в Полоцк киевскую строительную артель, а сам пользовался услугами черниговских зодчих[7]. Вместе с киевлянами могли поехать черниговские камнетесы, которых не было в Киеве, и часть плинфотворителей.

Одним из первых храмов, возведенных на Полоцкой земле после 1140 г., была витебская Благовещенская церковь. Поскольку этот храм сооружен в строительной технике, отличной от других памятников Киевской Руси (стены сложены из рядов тесаных известняковых блоков, почти регулярно чередующихся со сдвоенными рядами плинфы[8]), считается, что храм возвели приезжие, возможно, византийские мастера.

Вполне вероятно, что полоцкие князья, приехав из Византии, еще до контактов с черниговским князем, привезли с собой зодчего. Однако им нужны были кадры каменщиков и плинфотворителей. Ими вполне могли быть наряду с киевскими и черниговские мастера, которые перед этим возвели Успенскую церковь Елецкого монастыря и Ильинскую церковь[9]. Фундаменты Успенского собора сложены из плитняка, а цоколь – из квадров тесаного камня. Каменные блоки размерами 38–40х20–18х6,5–7 см применялись в нижних частях кладки Ильинской церкви. Другой очень важной деталью, характерной для двух черниговских и витебского храмов, является затирка стен раствором, по которым белыми полосами толщиной 1,5–2 см имитировалась кладка из крупных каменных блоков[10]. Впервые на особенность кладки витебской Благовещенской церкви обратил внимание Г.В.Штыхов. В связи с этим мы предложили называть этот тип кладки декоративной смешанной[11]. Размеры искусственных рустов витебского храма (32–35х25–28 см) и черниговской Ильинской церкви также совпадают (32–35х25–27х23 см). Затем зодчие, создавшие витебскую церковь, возводят храм в Новогрудке, однако техника кладки более небрежная, вместо известняка использовался туф, а галерею вокруг здания достраивают уже полоцкие мастера в традиционной для них технике кладки "со скрытым рядом".

Размеры плинфы, из которой сложена галерея (26,5–27(28)х19,5–20,5(21,5)х х3,5–4 см), отличаются от средних размеров кирпича из кладки основного объема (28–29х16,5–17х4,5–5 см; 25–26,5х20–20,5х4–5 см), однако технология производства всей новогрудской плинфы почти одинакова. Кирпич XII в. из Новогрудка (плинфа найдена Ф.Д.Гуревич при изучении богатых домов окольного города) не имеет на поверхности, в отличие от полоцкой, витебской и гродненской плинф, знаков и клейм. Нам удалось обнаружить только один фрагмент плинфы с отпечатками пальцев мастера на ее поверхности. Следовательно, плинфотворители приехали в Новогрудок не из Витебска или Полоцка, а из другого города, возможно, Киева, где в XII в. знаки на кирпиче отсутствуют[12]. Это предположение не противоречит датировке новогрудского храма, предложенной Ф.Д.Гуревич, – вторая четверть XII в[13].

К сожалению, знаки и клейма на полоцком и витебском кирпичах полностью не изучены и не изданы. В какой-то мере это относится и к черниговской плинфе. Однако, имеющийся у нас материал позволяет утверждать о сходстве некоторых знаков на плинфе из Успенской церкви Елецкого монастыря и полоцкой плинфе. В первую очередь, это наличие ломаных зигзагообразных знаков, знаков в виде букв и в виде креста. Есть и княжеские тамги. Полоцкая и витебская плинфы имеют рельефные знаки на постелях и торцах кирпичей. Некоторые плинфы метились также специальными клеймами.

После распада полоцкой архитектурной школы ее архитектурные и строительные мастера попадают в Гродно, Смоленск и Новгород. Очевидно, плинфотворители поехали в Гродно и Смоленск. Анализ знаков на торцах гродненской и волковысской плинф (а их известно гораздо больше, чем полоцких) позволяет утверждать, что дети и внуки черниговских мастеров сохранили в ряде случаев свои знаки и метки (зигзагообразные, крестообразные, буквенные и т.д.). Расцвет гродненского зодчества был недолгим и продолжался 15–20 лет. Вместе с зодчим Петром Милонегом, гродненские плинфотворители перешли к князю Рюрику Ростиславовичу и в начале XIII в. оказались в Чернигове, на родине своих предков. Средние форматы кирпича гродненских памятников (например, Пречистенской церкви – 28х16х4 см), стены на гродненском детинце – 27–29х16,5–18х3,5–4,5 см, Коложской церкви – 26–28х16–16,5х3,5–4 см) и плинфы из кладки Пятницкой церкви (27–28х16–20(19)х4,5–5 см) совпадают. Знаки только на торцах кирпичей.

Анализ знаков на кирпичах памятников гродненской архитектурной школы (княжеского терема, Коложской церкви, каменной стены на детинце и черниговского храма начала XIII в.) говорит о совпадении трех основных принципов нанесения их на плинфу. Это метки в виде букв (знак совпадает полностью), орнаментальные (зигзагообразные и окружность, разделенная на четыре части) и княжеские тамги (естественно, разные)[14]. Значительное сходство наблюдается между знаками на торцах плинфы из черниговской Пятницкой церкви и собора на Протоке в Смоленске (возведен в 90-е годы XII в.). Это не удивительно, если вспомнить о происхождении некоторых полоцких плинфотворителей, прибывших в Смоленск.

Приезд гродненских плинфотворителей в Чернигов обусловлен также дружескими связями между гродненскими и черниговскими князьями. Сохранились летописные сведения о военной помощи гродненских и пинских князей в 1182 г. черниговскому князю Святославу Всеволодовичу[15]. Однако гончары, которые изготовляли голосники для гродненских памятников, остались, очевидно, на месте. Количество голосников, использованных при строительстве Пятницкой церкви, незначительно, они расположены, в основном, несколько ниже пят сводов храма и имеют совершенно другую форму, напоминающую кувшин с ручкой.

Таким образом, анализ архитектурных памятников Чернигова, Полоцка и Гродно убедительно подтверждает мнение П.А.Раппопорта о возможности проследить перемещения древнерусских строительных артелей или даже их частей.

1 *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно // МИА, № 41. – 1954. – С.145.

2 *Чернявский И.М.* Новый памятник гродненской архитектурной школы XII в. // Древнерусское искусство : Художественная культура X – первой половины XIII в. – М., 1988. – С.73–74.

3 *Холостенко Н.В.* Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г.Чернигове (1953–1954 гг.) // СА. – 1956. – Т. 26. – С.279–282; *Холостенко Н.В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. – М., 1961. – С.57.

4 *Беляев Л.А.* Из истории зодчества древнего Чернигова (церковь архангела Михаила 1174 г.) // Проблемы истории СССР. – М., 1974. – С.17.

5 *Рапопорт П.* Пётр Міланег – гродзенскі дойлід XII стагоддзя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1987. – № 4. – С.21–22.

6 *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно. – С.144–145.

7 *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. – 1984. – Т. 45. – С.189.

8 М.К.Каргер отмечал, что стены церкви Благовещения в Витебске сложены из правильных квадратов известняка с прослойками между рядами камня двух или трех рядов плинфы. См.: *Каргер М.К.* Церковь Благовещения в Витебске // КСИА АН СССР. – 1978. – Вып. 155. – С.75.

9 Автор придерживается датировки этих памятников первой половиной XII в. и согласен с Ю.С.Асеевым, который считает, что Ильинская церковь возведена в 1130 г., а Успенский собор Елецкого монастыря – в первой половине – середине XII в. См.: *Асеев Ю.С.* Стилистические особенности черниговского зодчества XII–XIII вв. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – Киев, 1988. – С.136, 139.

10 *Трусаў А.* Віцебская Благавешчанская // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1986. – № 4. – С.37.

11 *Трусов О.А.* Памятники документального зодчества Белоруссии XI–XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. – Минск, 1988. – С.79.

12 *Асеев Ю.С.* Стилистические особенности черниговского зодчества XII–XIII вв. – С.140.

13 *Гуревич Ф.Д.* О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА АН СССР. – 1986. – Вып. 187. – С.40.

14 *Раппопорт П.А.* Новые данные об архитектуре древнего Гродно // Древнерусское искусство :

Художественная культура X – первой половины XIII в. – С.70–71; *Большаков Л.Н., Раппопорт П.А., Трусов О.А., Ткачев М.А.* Памятник древнерусского зодчества в гродненском детинце // Памятники культуры : Новые открытия : 1987. – М., 1988. – С.464.

15 *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. – 1949. – № 11. – С.98.

В.В.ПРИЙМАК

ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ НАСЕЛЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ VIII–X вв.

Анализируются находки данной группы с территории Днепровского Левобережья, а также публикуется ряд наконечников пахотных орудий, найденных в последнее время. В целом анализ орудий почвообработки VIII–X вв. исследуемого региона показывает примерно одинаковый их технический уровень с населением сопредельных территорий.

В советской исторической науке общепризнанным стало положение о ведущей роли земледелия в феодальной экономике Древней Руси[1]. Экономическое могущество Чернигово-Северщины XII–XIII вв. опиралось на прошедшее длительный путь развития земледелие славянского населения Днепровского Левобережья. Значительный интерес поэтому представляет изучение орудий земледелия памятников VIII–X вв. – времени сложения Киевского государства. Пожалуй, впервые изучение орудий земледелия, в первую очередь почвообработки, рассматриваемого времени поставил на действительно научную основу в археологии В.И.Довженок[2]. Орудия земледелия рассматривались в работах Д.Т.Березовца, И.И.Ляпушкина, О.В.Сухобокова, С.П.Юренко и др. Материалы с территории Днепровского Левобережья привлечены Ю.А.Красновым[3]. Разработанная им методика изучения пахотных орудий представляется достаточно универсальной и информативной и вполне приемлема для проведения анализа данной группы находок с территории Днепровского Левобережья.

Установлено, что все наконечники пахотных орудий с вольнцевско-роменских памятников относятся к 1 и 2 группам*, т.е. к наральникам. Достоверные находки сошников и плужных лемехов на памятниках VIII–X вв. Днепровского Левобережья не отмечены.

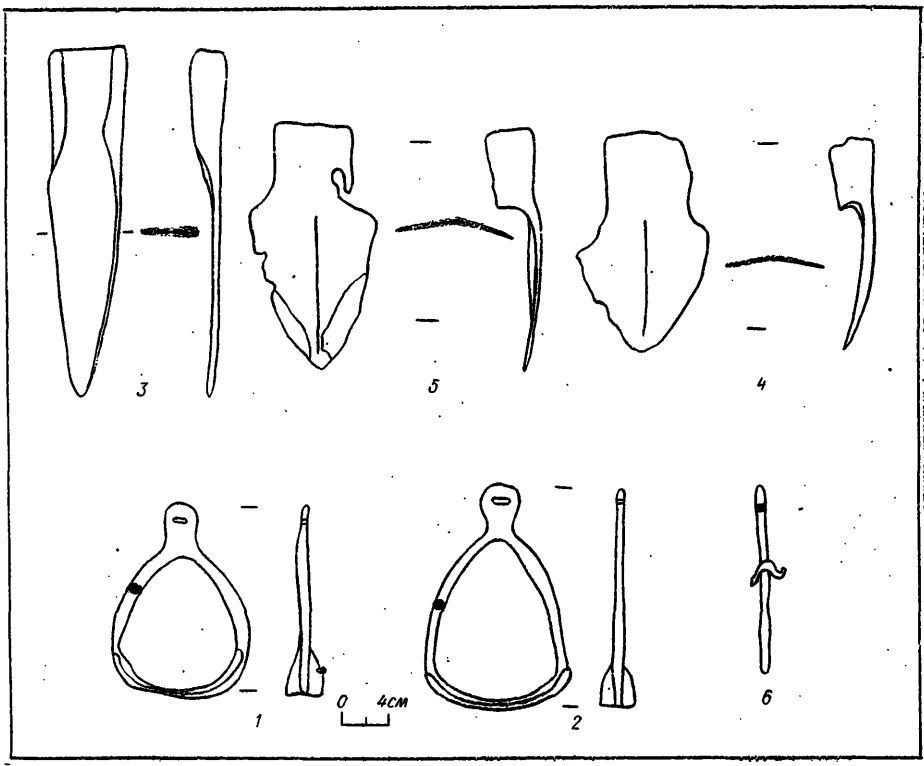
Группа 1. Основным для наконечников данной группы в вольнцевско-роменских древностях является тип 1В2. Наральники данного типа имеют широкую лопасть с заостренным рабочим концом, ровную либо расширяющуюся к тыльной части втулку. В продольном сечении лопасть обычно загнута в сторону втулки. Некоторые наральники усилены дополнительными полосами железа, наваренными по краям. Длина наральников типа 1В2 16–22 см, наибольшая ширина 8,5–13 см, длина втулки 5–7, ширина 6–7 см, пропорции также практически не отличаются от пропорций аналогичных наконечников восточноевропейского ареала. На памятниках VIII–X вв. такие наральники, наряду с вольнцевско-роменскими, распространены в Среднем Поднепровье (Пеньковка, Сахновка), а также на территории салтовской культуры, что может объясняться общностью их происхождения[4]. Наральники типа 1В2, а также типа 1В3 могли применяться как с чересло́м, так и без него.

Два таких наральника происходят из комплекса вещей, случайно найденных в середине 80-х годов в г.Глухове, в долине р.Эсмань, напротив территории древнерусского города XII–XIII вв. На основании двух стремян весь комплекс находок датируется, по А.Н.Кирпичникову, IX – началом XI в. (рис., *1, 2*). Наральники имеют определенные отличия между собой. Первый, со сравнительно отчетливо выделенной асимметрией, длиной 18,5 см, длина втулки 5,5 см, ширина – 7 см, наибольшая ширина 10,8 см (рис.,*4*). Длина второго 20 см, длина втулки 6,5 см, ширина – 7 см, наибольшая ширина не менее 10,5 см. На внешней стороне наральника по краям его лопасти наварены две металлические полосы шириной 2–3,5 см (рис., *5*). Оба наральника подверглись коррозии, второй поврежден, вероятно, в ходе земляных работ, при которых и найдены все вещи.

На вольнцевско-роменских памятниках встречены также наконечники и других типов: 1А3 (Вольнцево, уроч. Стан); 1Б1 (1Б2) (Вольнцево, уроч. Стан); 1В3 (1В4)(Жер-

* Здесь и далее типология Ю.А.Краснова.

© *В.В.Приймак, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990



Комплекс находок IX–X вв. из Глухова. *1, 2* – стремена, *3* – чересло, *4, 5* – наральники, *6* – псалий.

новец), 1В3 (1В2) (Битица, клад 1984 г.). Наральник из Битицы отмечается значительными размерами: его длина 28 см, длина втулки 9, ширина втулки 10,5, наибольшая ширина 15 см. В продольном сечении лопасть загнута в сторону втулки, асимметрия слабо выражена. Столь крупные размеры наральников характерны для типа 1В3, распространенных преимущественно на салтовских памятниках, хотя по ряду соотношений он относится к типу 1В2.

В 1981 г. на поселении в уроч. Стан у с.Вольнцево в жилище № 42 (раскопки С.П.Юренко) найден наральник типа 1Б1 (1Б2). Его длина 14 см, ширина втулки 6, ширина лопасти и наиболее широкой части 6,1 см. Лопасть немного асимметрична, в продольном сечении загнута в сторону втулки. По ряду соотношений наральник близок типам 1Б1 и 1Б2, что прослеживается и визуально на наконечниках из Пастырского и Херсонеса[5].

Группа 2. Наконечники этой группы представлены одним типом – 1В2. Сведения о всех семи наральниках данного типа собраны Ю.А.Красновым[7]. Пять наральников происходят с Переверзевского городища, один с городища Курган у с.Вольнцево , один с поселения у с.Лебедка на Оке. Наконечники данного типа длиной 15–20,5 см снабжены узкой втулкой, расширенной лопастью, форма которой близка к ромбовидной, заостренным рабочим концом. Ширина втулки равна 1/4–1/5 длины наконечника, длина около 1/3 общей длины наконечника. В продольном сечении лопасть прямая, в поперечном сечении втулка округлая. Помимо роменских и древнерусских памятников Днепровского Левобережья, наральник данного типа встречен на территории Белоруссии.

Чересла. С памятников Днепровского Левобережья происходят чересла двух типов: черешковые и втульчатые. Единственное черешковое чересло найдено на Битицком городище в 1988 г. (раскопки О.В.Сухобокова и С.П.Юренко). Аналогичные и близкие наконечники происходят как со славянских памятников конца I тыс. н.э., так и салтовских. Такого же типа чересла распространены и на древнерусских памятниках.

Втульчатые чересла не имеют аналогов за пределами Днепровского Левобережья.

Впервые такой наконечник найден на городище Новотроицком*. Длина его 28 см, ширина втулки 5,5–6, она немного расширяется кверху, длина лопасти 15, ширина 7 см. Рабочий край лопасти по отношению к втулке стоит под углом, что придает большую схожесть наконечнику с этнографическими сошниками. Видимо, это обстоятельство и дало основания В.И.Довженку усомниться в верности определения данного предмета И.И.Ляпушкиным[6]. Аналогичный наконечник происходит из раскопок Битицкого городища 1988 г., подобный найден в Глухове.

Чересло из Глухова длиной 29,5 см, длина втулки 11, ширина – 4,5–6, наибольшая ширина лопасти 5,5 см. Рабочий край лопасти прямой, в одной плоскости с втулкой, вся лопасть едва заметно выгнута вперед (рис.,*3*).

Ю.А.Краснов, как и ранее В.И.Довженок, привлек широкие аналоги из этнографического материала для интерпретации археологических находок наконечников пахотных орудий. Он, в частности, показал связь наконечников типа 1Б1, 1Б2, 1Б3, 1Б4 с однорукояточными прямогрядильными ралами со стойкой между грядилем и ральником и развитым полозом. Наральники типа 1Б2 связываются с кривогрядильными полозными и грядильными ралами с развитым горизонтальным полозом[7].

Другим широко распространенным типом рал в среде населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. являются аналогичные токаревскому грядильные кривогрядильные, снабженные дополнительным ральником с железным наконечником типа 1В2.

Найденное у с.Токари в 1921 г. в торфянике рало с момента первой публикации интерпретируется по-разному: одни исследователи относили его к роменско-древнерусскому времени (Д.Т.Березовец, В.И.Довженок), другие – к раннему железному веку (Б.А.Шрамко) или эпохе бронзы (С.С.Березанская). Однако только Ю.А.Краснов смог дать убедительную реконструкцию данного орудия и осветил слабые стороны аргументации, в основе построений которой лежат топографические особенности находки. Изучение памятников у с.Токари показало, что скифское селище и городище удалены от поймы р.Псел на несколько километров, тогда как в непосредственной близости от торфоразработок располагалось поселение вольнцевского типа. В 1987 г. автор на поселении произвел раскопки, в ходе которых исследованы объекты VIII в.

Этнографами отмечалось применение данных типов рал для воздельвания старопахотных или нераспаханных почв с хорошим травяным покровом[8], что подтверждается наличием черешковых чересел (пока немногочисленных), использовавшихся вместе с наральниками типа 1В2, 1В3, 1В4. Определенную неустойчивость их параметров, затрудняющую отнесение к тому или другому типу наральников, можно объяснить условиями их производства ремесленниками на заказ.

О широкой распашке целинных земель свидетельствует и применение такого орудия, как "чертеж". Втульчатые чересла служили рабочей частью орудий, подобных ралу, но с установленными как чересло наконечниками, разрезая тяжелую или задернованную почву в вертикальной плоскости. "Чертежи" использовались для предварительной обработки почвы перед вспашкой ралом[9]. Обработку тяжелых почв подтверждают и наральники с наваренными по краям металлическими полосами. Судя по указанным орудиям, в жизни населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. происходили значительные изменения, связанные с широким распространением перелога и расширением пашни за счет целинных черноземов. Именно в таком плане истолковал И.И.Ляпушкин и результаты изучения зерновых остатков из Новотроицкого.

Примечательно, что даже на поселениях лесной зоны также были распространены широколопастные наральники[10]. Кстати, в древнерусское время достоверных находок сох на памятниках Днепровского Левобережья, кроме Вшижа, нет. Симптоматично, что и данные письменных источников XVII–XVIII вв. говорят в пользу такой интерпретации археологических данных.

С середины XVII в. рассматриваемая территория после длительного запустения заново осваивается, и недостатка земель переселенцы не ощущали, господствовала "заимка" земель, т.е. каждый занимал столько земли, сколько мог обработать[11].

По-видимому, в VIII–X вв. потенциал нераспаханных задерновавых почв, пригодных для земледелия, был достаточно значительным для беспрепятственного их дальнейшего освоения как в пределах сети сельских поселений, так и из счет колонизации еще не освоенных земель.

---

* Размеры приведены по рисунку И.И.Ляпушкина. Ю.А.Краснов указывает другие размеры.

По мнению Б.А.Рыбакова, главный успех развития производительных сил славянского общества заключался в непрерывном возрастании площадей земли, подготовленных для земледелия, что, впрочем, особенно во втором случае, зависело от фактора внешней опасности.

Наряду с пахотными орудиями для обработки почвы, довольно широко применялись и орудия ручной обработки, преимущественно в огородничестве и для вторичной обработки почвы.

Мотыжки. Это довольно распространенное на салтовских памятниках орудие часто встречается и на вольнцевско-роменских поселениях[12]. Исследователями давно уже определен универсальный характер их использования[13]. Тесла-мотыжки обычно снабжены коленчатой рукоятью, в земледелии они применялись для дополнительной обработки земли после вспашки и для очистки рал и плугов от прилипавших почвы и травы. Длина мотыжек с памятников Днепровского Левобережья, как правило, немногим меньше 15 см, ширина до 8, ширина втулки около 5 см. В земледелии использовались, вероятно, мотыжки с широким, постепенно сужающимся кверху лезвием, переходящим во втулку. Сходные по форме орудия с прямым лезвием или загнутыми внутрь краями применялись для обработки дерева – это тесла[14].

Другие орудия. Исследователи отмечали и другие орудия для обработки почвы: лопаты – заступы и мотыги (В.И.Довженок, В.К.Михеев). К достоверной находке орудий данных типов относится лишь мотыга с городища Новотроицкого. Ее длина 18,5 см, ширина лезвия 7,5, диаметр проушины 3 см. Аналоги данному орудию находим на салтовских памятниках, где они использовались для разбивания комьев земли с дерном, рубки корней деревьев, выкорчевывания пней, а также вышаливания сорняков[15]. Впрочем, огородничество, по-видимому, играло гораздо менее значительную роль, нежели позднее, в новое время.

В целом анализ орудий почвообработки населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. показывает примерно одинаковый их технический уровень с населением сопредельных территорий, довольно высокий для своего времени.

1 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. – М., 1982. – С.241; *Толочко П.П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. – Киев, 1987. – С.8.

2 *Довженок В.Й.* Землеробство Древньої Русі. – К., 1961. – С.268.

3 *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. – М., 1987. – С.236.

4 *Пашкевич Г.О., Петрашенко В.О.* Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII–X ст. // Археологія. – 1982. – Вип. 41. – С.57. – Рис. 4; *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С.34–35.

5 *Краснов Ю.А.* Указ. соч. – С.32. – Рис. 8, *3*; *Довженок В.Й.* Вказ. праця. – С.33. – Рис. 8, *4*.

6 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое // МИА. – 1958. – № 74. – С.321. – Табл. 87, *3*; *Краснов Ю.А.* Указ. соч. – С.213; *Довженок В.Й.* Вказ. праця. – С.36, 37.

7 *Краснов Ю.А.* Указ. соч. – С.73, 101, 102.

8 *Горленко В.Ф., Бойко І.Д., Куницький О.С.* Народна землеробська техніка українців. – К., 1971. – С.49–50.

9 *Краснов Ю.А.* Указ. соч. – С.169–170.

10 *Никольская Т.Н.* Древнерусское селище Лебедка // СА. – 1957. – № 3. – С.183–185; *Изюмова С.А.* Древности Тульской земли // Путешествия в древность. – М., 1983. – С.88. – Рис. 3.

11 *Слюсарский А.Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. – Харьков, 1964. – С.116–119.

12 *Ляпушкин И.И.* Указ. соч. – С.214; *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья. – Киев, 1975. – С.95.

13 *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. – 1967. – № 142. – С.146–147; *Михеев В.К.* Указ. соч. – С.38–39; *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С.160. – Рис. 71.

14 *Ляпушкин И.И.* Указ. соч. – С.21.

15 *Ляпушкин И.И.* Указ. соч. – С.20. – Рис. 8, *2*; *Михеев В.К.* Указ. соч. – Рис. 24, *1–7*.

А.В.ШЕКУН

К ВОПРОСУ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЕЛИЩНОЙ СТРУКТУРЫ
(по материалам Черниговщины)

Рассматриваются поселения IX–XIII вв., расположенные на Правобережье Десны в районе Задесенья, которые входили в состав Черниговского княжества. Их раннему и быстрому развитию способствовали клинья плодородной земли, разветвленная сеть речных магистралей, защищенность естественными рубежами, что отразилось и в росте населения региона.

До недавнего времени вопрос о возникновении и развитии древнерусских поселений в границах всего региона не ставился, поскольку не удавалось установить местонахождение селищ и их массовый характер, а также провести на них сбор подъемного материала, обмеры, раскопки. Однако и сейчас уровень обработки керамики и количество находок настолько различны по группам памятников и отдельным пунктам, что не представляется возможным разработать достоверную хронологическую шкалу, охватывающую весь регион, а, следовательно, и определить абсолютную датировку многих поселений. Тем не менее материал позволяет выделить крупные скопления древнерусских селищ и наметить основные закономерности и главные этапы развития селищной структуры исследуемой территории.

Первые древнерусские поселения на Черниговщине известны по материалам разведок 20–30-х годов. Они были найдены Ю.С.Виноградским в окрестностях т.Сосница[1]. Ряд памятников в нижнем течении Десны и на берегах р.Белоус открыты в 40-х годах разведками Д.И.Блифельда[2] и А.А.Попко[3]. Только в последние десятилетия начались их планомерные обследования и раскопки (Е.М.Веремейчик, Ю.Н.Сытый, А.В.Шекун)[4]. Сейчас Днепровская Левобережная экспедиция (А.П.Моця, В.П.Коваленко) ставит своей целью дальнейшее комплексное углубленное изучение древнерусских селищ Черниговщины.

В настоящее время в исследуемом регионе известно 398 поселений. На 10 из них проведены исследования широкими площадями (свыше 1 тыс. м^2). Наиболее изучено поселение "Лесковое" у с.Малый Листвен Репкинского р-на[5]: вскрыто свыше 12 тыс.м^2, исследовано 20 жилищ, 128 хозяйственных построек и 194 хозяйственные ямы. Около 100 поселений подверглись шурфовкам и незначительным раскопкам, позволившим рассмотреть отдельные объекты. На остальных поселениях собран подъемный материал, который дает возможность говорить об их тождественности исследованным памятникам.

Пока наибольшая концентрация селищ обнаружена в низовьях междуречья Десны и Днепра (182), бассейне р.Сновь (30), в районе Сосницкого степка (66), в районе Новгорода-Северского и на юго-восток от него (38), а также в Задесенье (92) (рисунок).

Территории, на которых образовались крупные скопления древнерусских селищ, отличались не только удобным рельефом, наиболее плодородными грунтами, но и развитой гидрологической сетью, где реки (Десна, Остер, Белоус, Сновь, Убедь) образовали природные оси регионов. Центрами их являлись летописные города и городища, вокруг которых группировались синхронные им поселения.

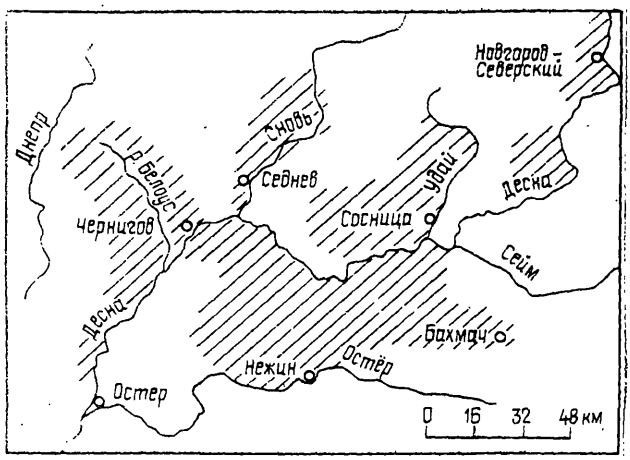
Поселения располагались на берегах рек и ручьев, у водоемов, как правило, на некотором расстоянии от главной водной магистрали.

Концом IX – началом X в. датируются первые следы древнерусской заселенности низовьев междуречья Десны и Днепра. В настоящее время удалось обнаружить 21 поселение. Вероятно, количество их возрастет в процессе раскопок поселений, поскольку на части из них ранние слои остаются перекрытыми более поздними напластованиями.

В междуречье Снови и Убеди, включая район Сосницкого степка, на ряде древнерусских селищ встречается роменская керамика. Наиболее ранняя керамика общерусских образцов здесь представлена керамикой курганного типа, которую можно отнести к середине X – началу XI в. Данная керамика и определяет начальную дату древнерусской заселенности региона.

В районе Новгорода-Северского и к юго-западу от него слабо изучены памятники именно этого типа и древнерусский материал с них малочислен. Однако, даже на основании небольших раскопок (Слободка, Горбово)[6] видно, что на городищах и поселе-

© *А.В.Шекун, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990



а

Районы концентрации древнерусских поселений на Черниговщине.
а – районы концентрации древнерусских поселений.

ниях слой с лепной роменской керамикой перекрыт в конце X–XI вв. слоем пожарищ, на котором керамика общерусского типа XI и XII вв. уже превалирует. На поселениях в подъемном материале древнерусская керамика ранее XI в. не встречена. Эта дата, по-видимому, начальная для древнерусского заселения региона. На территории Задесенья этот процесс, вероятно, следует связывать с концом X–XI в.

В регионе от р.Снов и до района Новгород-Северского наиболее интенсивно заселение территории проходило в конце XI – начале XII в. Осваиваются новые территории и уплотняется существующая селищная сеть, возникают новые поселения и увеличиваются размеры существующих. Часть поселений располагается на городищах более ранних культур и поселениях с роменско-волынцевским культурным слоем. Иногда поселения примыкают к территориям, ранее заселенным в раннеславянское время, или их перекрывают. Селища в пойме р.Десны, в заливных местах, вероятно, имели сезонный характер. Поселения образовывали небольшие гнезда памятников (2–8). Подавляющее их число имело площадь 2–5 га. Большие поселения площадью свыше 8 га и малые – менее 1 га – малочисленны. От общего количества селищ они составляют 10–15 %. Лишь события середины XIII в. вынудили изменить внутреннюю структуру заселения. Значительно сокращается количество селищ, а новые поселенческие структуры возникают, как правило, на новых местах.

На примере района в низовье междуречья Десны и Днепра удалось проследить динамику сложения и развития сельской округи значительно лучше, чем в остальных местах. В бассейне р.Белоус и территории, прилегающей к ней, концентрация поселений IX–XIII вв. на 1 тыс. км^2 доходит до 140. На часть памятников разработана хронологическая классификация.

Развитие каждого региона зависело от ряда факторов. Рассматриваемый же нами стал ядром Черниговского княжества и домениальным владением черниговских князей. Раннему и быстрому его развитию способствовали клинья плодородной земли, леса, богатые зверем, а реки – рыбой, удобное водное и сухопутное сообщение, наконец, торговая артерия – р.Белоус, связывающая через волок Чернигов с Любечем[7], а также защищенность района естественными рубежами.

Здесь, как и в остальных местах большого скопления поселений на территории Деснянского Правобережья, первые поселения располагались островообразно, иногда на значительном расстоянии друг от друга. Часть из них становится родоначальной для гнезда памятников, создававшегося в процессе развития селищной структуры.

Последующий этап заселения относится к середине X–XI в. и приводит к образованию гнезд памятников. Цепочкой селищ, расположенных в 1–1,5 км друг от друга, обозначаются южная, восточная и северная границы региона, завершая еще один этап.

Отдельные гнезда памятников представляют собой территориально-замкнутую систему, состоящую из 15–20 памятников. Новые поселения внутри этих гнезд позже не возникали. Естественно, столь бурный процесс освоения территории происходил не только в процессе социально-экономического развития местного населения, здесь имели место переселения и расселения полонов. Ипатьевская летопись под 1031 г. сообщает о походе Ярослава и Мстислава на Червенские города и расселенном полоне[8]. На поселении "Лесковое" в жилище 12 с материалом первой половины XI в. найдены сосуд баночной формы и обломки с рельефным орнаментом, которые известны по материалам Польши.

Поселения в начальный период освоения территории, судя по находкам, мало отличались материальной культурой друг от друга и процесс их развития происходил весьма сходно. На них господствуют жилища с углубленной нижней частью, вблизи которых располагались отдельные хозяйственные постройки и небольшое количество хозяйственных ям. Значительная территория вглубь поселения была занята постройками и ямами, не имеющими отношения к определенному объекту, и являющимися сооружениями общественного использования. Отдельные из них носили сезонный характер. В конце XI–XII в. общее количество селищ увеличивается, что связано с освоением новых земель и ростом населения в процессе разложения общины и феодализаций. В процессе освоения новых земель люди переселялись на недалекие и подходящие для земледелия и выпаса скота места, чаще всего вдоль водостока реки, в ее верховья. Увеличение числа селищ приводит к постепенному стиранию границ гнезд памятников. Остаются четкими только те границы, которые непреодолимы из-за природных препятствий. Были заняты все пригодные для земледелия территории. Количество поселений заметно увеличилось, но размеры их сократились, в основном за счет новой планировки жилой застройки. Каждое гнездо памятников с городищем в центре или селом-погостом занимало площадь в радиусе 5–8 км, существующая данная система внутри разделялась на свои микроареалы. Численность поселений и людей на них в каждой хронологической фазе внутри гнезда регулировалась возможностью прокормить население и получить прибавочный продукт, который изымался светскими духовными феодалами.

В конце XI – начале XII в. на смену единому строительному стилю жилищ приходит большое их разнообразие. Наряду с жилищами полуземляночного типа выявлены жилища на жилых и нежилых подклетах, двух-, трехкамерные. Хозяйственные комплексы концентрируются вблизи жилых построек, и только производства, связанные с огнем, и отдельные ямы выносят на край поселения. На поселениях этого периода зафиксирована одно-, двух- и трехрядовая застройка. В XII в. селищная территория отдельных поселений несколько сокращается. На части селищ жилая застройка переходит на более возвышенные участки или противоположный берег реки, в то время как наиболее низменные участки, заселенные в предыдущий период, остаются свободными. Возникают новые селища, где культурный слой не покрывает всю территорию памятника, а фиксируется только вблизи построек.

Уже с первой половины XII в. на отдельных селищах появляется новый тип застройки, состоящий из дворов. Во второй половине XII в. он становится господствующим. Раскопанная на поселении конца XII – начала XIII в. Ров-2 у с.Шестовица Черниговского р-на усадьба представляла собой единый комплекс (площадь 480 м^2)[9]. От расположенной рядом усадьбы ее отделяла ограда столбовой конструкции.

В процессе многолетних сборов подъемного материала замечено, что поселения, содержащие материалы второй половины XI – начала XII в., не однородны. Отдельные селища в конце XI – начале XII в. вступают на путь самостоятельного, отличающегося от других поселений, развития, что проявляется в делении их жителей на две социальные группы. Представители феодального сословия жили в больших домах, где найдены вещи из серебра, с позолотой, энколпион, вислая печать, писала, предметы снаряжения коня и вооружения всадника, большое количество женских украшений из стекла и цветных металлов. Другая категория, к которой относится подавляющее большинство обитателей селищ, жила в землянках, где таких находок нет или они единичны. На поселении у с.Малый Листвен исследована "головка" поселения (площадь около 9 тыс. м^2), отделенная от остальной территории селища естественной границей и частоколом. Тут проживали представители феодального сословия и их окружения. Они хоронили своих умерших здесь же в грунтовом могильнике (исследовано 20 погребений). Поселение, вероятно, непосредственно было связано с княжеской данью, хотя, возможно, не соответствовало полностью погосту.

Результаты исследований последних лет существенно изменили наши представления о характере древнерусских селищ, их планировке, хозяйственной деятельности, домостроительстве. Однако отсутствие полностью раскопанных поселений не позволяет с достаточной обоснованностью ответить на все поставленные вопросы.

1 *Виноградський Ю.С. Сосниця та її околиці* // ЧПЛ. – К., 1928. – С.147–168.

2 *Бліфельд Д.І.* Деснянська археологічна експедиція 1949 р. // АП УРСР. – 1955. – Вип. 5. – С.5–11.

3 *Попко О.О.* Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни // Середні віки на Україні. – 1971. – Вип. 1. – С.129–140.
4 *Шекун А.В., Веремейчик Е.М.* Поселения низовий междуречья Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – Киев, 1988. – С.93–110.
5 *Шекун А.В.* Поселение "Лесковое" – некоторые итоги исследований 10 лет // Тез. докл. конф., посвящ. 90-летию Черниговского истор. музея. – Чернигов, 1986. – С.60–62.
6 *Григорьев А.В.* О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – С.73.
7 *Коваленко В.П., Шекун А.В.* Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. – 1984. – № 4. – С.72.
8 ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 2. – Стб. 137.
9 *Шекун А.В.* Селянські садиби XII–XIII ст. // Друга Чернігівська наук. конф. з істор. краєзнавства : Тези доп. – Чернігів, 1988. – С.36–37.

Е.М.ВЕРЕМЕЙЧИК

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ X–XIII вв. У с.ПЕТРУШИ

Рассматриваются материалы новых исследований на одном из древнерусских поселений в междуречье Десны и Днепра. Несмотря на значительную площадь раскопа (764 м^2), жилые постройки на исследованном участке поселения не обнаружены, что позволяет интерпретировать его (учитывая расположение на периферии памятника) как участок хозяйственной застройки.

В работах отдела археологии Черниговского исторического музея значительное место занимают охранные исследования древнерусских сельских поселений в зонах новостроек. В 1987 г. Селищным отрядом музея такие работы проведены на поселении X–XIII вв., расположенном в 36 км северо-западнее Чернигова и в 16 км северо-восточнее Любеча, у с.Петруши Репкинского р-на Черниговской обл.

Селище находится в 1,5 км юго-восточнее села, на северо-восточном невысоком (1–1,5 м от уровня воды) берегу заболоченной низины в уроч. Козарки (рис. 1, А). Оно тянется вдоль берега на 450 м неширокой (50–70 м) полосой. По распашке отмечены пятна обожженной глины, – по-видимому, остатки печей. В центральной части селища отмечена максимальная насыщенность культурного слоя и постепенное ее снижение к периферии.

Поселение открыто и обследовано экспедицией Черниговской областной археологической секции при Украинском обществе охраны памятников истории и культуры в 1976 г.[1]

Раскоп площадью 764 м^2 расположен на периферии поселения, на его южном краю. Он ориентирован длинной осью в направлении юго-запад – северо-восток.

Культурный слой на поселении (темно-серая супесь) имеет мощность до 0,45 м, к краю сходя на нет. Его верхние слои – 0,2–0,25 м – (гумусированная серо-коричневая супесь) распахиваются. В культурном слое раскопа найдены обломки кружальной керамики X–XIII вв., обломки амфор, туфовых и шиферного жерновов. Кроме того, из пахотного и культурного слоя происходят 59 вещевых находок. Среди них: фрагмент серпа, перовидное сверло (рис. 2, *32*), токарный резец (рис. 2, *31*), часть остроги (рис. 2, *28*), крючок (рис. 2, *29*). Из украшений необходимо отметить 9 фрагментов стеклянных браслетов и свинцовую пуговицу. Здесь же найден железный, инкрустированный серебром псалий (рис. 2, *3*) и грызла от удил (рис. 2, *7*), ключ (рис. 2, *22*), дверной завес, гвозди, часть дужки и оковки ведра, 13 шиферных пряслиц, 9 ножей и их обломков, 4 оселка из песчаника и один из сланца.

После снятия пахотного и культурного слоев и зачистки на всей площади раскопа на светлом материковом фоне (светло-желтая супесь) обнаружены темные пятна построек и ям. Центральная часть раскопа повреждена перекопом (траншея газопровода). Площадь раскопа ровная, с небольшим понижением (0,2 м) к востоку (рис. 1, В).

Всего исследовано остатки 22 хозяйственных построек и 10 ям, а также около 50 столбовых ям. В северо-восточной части раскопа расчищено семь объектов, которые по заполнению (светло-серая супесь) и по глубине (до 0,1 м) отличаются от всех остальных исследованных объектов на поселении. В заполнениях отсутствовали какие-либо культурные остатки, по-видимому, эти ямы не имеют отношения к поселению X–XIII вв.

© *Е.М.Веремейчик, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев. 1990

Следует отметить, что среди исследованных сооружений нет ни одного жилища. Все выявленные постройки углублены в материк на 0,3–1,0 м. Конструкция их стен остается неясной, так как верхняя часть разрушена систематической распашкой.

По функциональному назначению постройки данного поселения дифференцировать сейчас невозможно. Но они разделены по форме на следующие типы: овоидные; круглые; подквадратные.

Среди первых по размерам можно выделить две группы: сооружения в форме овала и вытянутые. К первой группе относятся постройки № 2, 3, 4, 9, 11, 13, 19, 21. Все постройки приблизительно одинаковые по форме и размерам. Шесть сооружений существовали в X–XI вв. и два в XII–XIII вв.

Постройка 3. Пятно темно-серой супеси с включениями печины и углей (2,10х х1,50 м) ориентировано длинной осью в направлении северо-запад – юго-восток. Слой супеси залегал линзообразно до глубины 0,45 м. Ниже шли слои светло-серой супеси (до 0,25 м) и глины. Котлован (2,40х1,50 м) углублен в материк на 0,5–0,55 м. В заполнении постройки встречена однотипная керамика. Она довольно толстостенная, большинство фрагментов темно-серого и черного цвета. В тесте есть крупные примеси. Здесь же найдены фрагмент пряслица с насечками и оселок из шифера, а также синяя пастовая бусина.

На основании керамического и вещевого материала данная постройка датируется X–XI вв.

Постройка 9. Заполнение постройки (темно-серая супесь с включениями углей) залегало линзообразно до глубины 0,35–0,4 м. Под ним в центральной части заполнения находился слой светло-серой супеси с углем, толщиной 0,08–0,15 м. Его подстилала темно-серая супесь. В южной части постройки залегала прослойка необожженной глины толщиной до 0,15 м. Котлован (2,30х1,75 м) ориентирован длинной осью в направлении север – юг, углублен в материк до 0,6 м. В заполнении обнаружены фрагменты кружальной керамики X–XI вв.

Постройка 11. Заполнение постройки – однородная темно-серая супесь. Котлован (2,25х1,55 м) углублен в материк до 0,3 м. В постройке найдены фрагменты кружальной керамики, характерной для конца X–XI в. Здесь же обнаружены костяная проколка, шиферное пряслице, нож, ключ от кубического замка (рис. 2, *19*), наконечник бронебойной стрелы (рис. 2, *2*). На основании керамического и вещевого материала постройка датируется концом X–XI в.

Постройка 13. Ориентирована длинной осью в направлении восток – запад. Ее размеры 2,20х1,30 м, углублена в материк на 0,45 м. В заполнении найдены фрагменты кружальной керамики конца X–XI в., наконечник стрелы (рис. 2, *1*), бронзовая булава (рис. 2, *8*), бронзовая накладка (рис. 2, *10*), шиферное пряслице, ключ (рис. 2, *20*). На основании керамического и вещевого материала постройка датируется X–XI вв.

Постройка 19 (2,50х1,60 м) ориентирована длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад. В заполнении встречены фрагменты кружальной керамики X – начала XI в., токарный резец (рис. 2, *30*), нож, оселки из шифера и песчаника. На основании керамического материала постройка датируется X – началом XI в.

Наиболее поздними в этой группе являются постройки 2 и 4. По форме и заполнению они аналогичны описанным. На основании керамического материала они датируются XII–XIII вв.

Вторая группа построек (№ 5,15, 16, 18) – вытянутой формы, длиной 3,50–3,80 м и шириной 1–1,75 м. Таких сооружений исследовано четыре (одно частично). Все они датируются концом X–XI вв.

Постройка 5. Частично уничтожена перекопом. Прослеженная длина 3,75 м, ширина 1,75 м. Заполнение – темно-серая супесь с редкими включениями печины, в которой обнаружены фрагменты керамики X–XI вв. и кремневая стрела (рис. 2, *16*).

Постройка 15. В заполнении под слоем темно-серой супеси с включениями печины и углей, залегавшем на глубину до 0,5 м, находился слой светло-серой супеси. Котлован (3,80х1,10–1,80 м) ориентирован длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад, углублен в материк на 0,4–0,5 м. В заполнении встречены фрагменты керамики XI в., два фрагмента стеклянных браслетов, бусина, обломок ножа, а также кости животных, куски жаровен, в том числе и бортики. Высота бортиков 6 см, толщина жаровен 3–4 см. На основании керамического материала постройка датируется XI в.

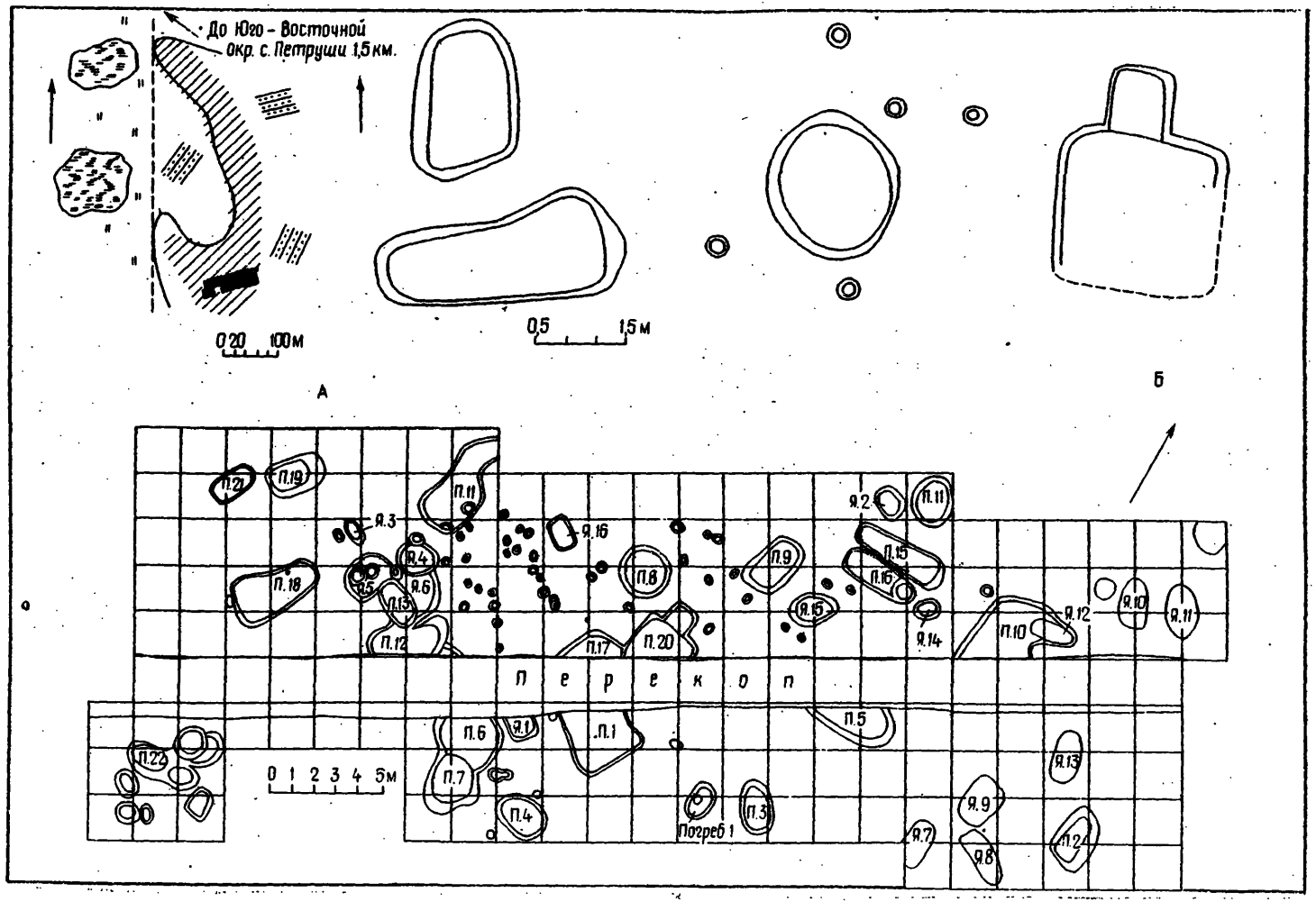

До Юго – Восточной
Окр. с. Петруши 1,5 км.
0 20 100м
0,5 1,5м
А
Б
П.21
П.19
П.11
Я.3
Я.16
Я.4
Я.5
Я.6
П.18
П.13
П.12
П.8
П.9
Я.2
П.11
П.15
П.16
Я.15
Я.14
П.10
Я.12
Я.10
Я.11
П.17
П.20
П е р е к о п
П.5
П.6
Я.1
П.1
П.22
0 1 2 3 4 5м
П.7
П.4
Погреб 1
П.3
Я.13
Я.9
Я.7
Я.8
П.24

Рис. 1. Поселение "Козарки" у с.Петрушп Репкинского р-на Черниговской обл.
А – схема-план, *Б* – типы построек, *В* – план раскопа I.

Постройка 16. Находится в непосредственной близости к постройке 15. В заполнении, в слое темно-серой супеси, залегавшей на глубину 0,5 м, расположены слои серо-желтой и ниже – белой супеси. Слои образовались, по-видимому, в результате замыва котлована. Ниже находился слой светло-серой супеси. Котлован (3,50х1 м) углублен в материк на 0,4–0,5 м. Постройка ориентирована длинной осью в направлении северо-восток – юго-запад. В заполнении обнаружены фрагменты керамики конца X–XI в., бронзовое кольцо (рис. 2, *12*) и обломок ножа.

Постройка 18. Заполнение – темно-серая супесь с включениями печины и углей. Котлован (3,70х1,5–2 м) ориентирован длинной осью в направлении северо-запад – юго-восток, углублен в материк до 0,35 м. В заполнении встречены обломки кружальной керамики конца X–XI в., кроме того здесь найдены долото (рис. 2. *33*), бронзовая пряжка (рис. 2, *9*), бронзовое кольцо (рис. 2, *13*) и оселки из шифера и песчаника. На основании керамического и вещевого материала постройка датируется концом X–XI в.

Ко второму типу построек (круглые по форме) можно отнести постройку 8. При ее разборке обнаружено в юго-западной части скопление керамики, а в северной части залегал плотный завал обожженной глины. Котлован постройки круглой формы диаметром 2,20 м и глубиной 0,25–0,3 м. Вокруг постройки на расстоянии 1,3–1,5 м расположены столбовые ямы диаметром 0,15–0,2 м и глубиной 0,3 м. На столбах, по-видимому, держался навес над постройкой. Керамический материал представлен обломками кружальной керамики XII–XIII вв. Среди находок обломки семи стеклянных браслетов, серебряный браслет (рис. 2, *15*), бронзовый перстень (рис. 2, *14*), шиферное пряслице, нож, игла, острога (рис. 2, *27*). На основании керамического и вещевого материала постройка датируется XII–XIII вв.

На поселении исследованы две постройки подквадратной формы (№ 1, 20). Обе частично повреждены перекопом.

Постройка 1. Заполнение – однородная темно-серая супесь с включениями печины и углей. Судя по сохранившейся части постройки, ее котлован был подквадратной формы (со стороной 2,60 м), углублен в материк на 0,2–0,25 м и ориентирован сторонами по сторонам света. В заполнении обнаружены фрагменты керамики XII–XIII вв. и целая крышка.

Постройка 20. Заполнение постройки – серая супесь с включениями печины и углей. В центральной части заполнения зафиксирована горелая прослойка мощностью до 0,15 м. Котлован (2,75х2,75 м) ориентирован по сторонам света; юго-восточная часть уничтожена перекопом. С северной стороны прослежен вход (1,20х1,20 м), углубленный в материк до 0,1 м. В заполнении найден развал корчаги диаметром 19 см и высотой горла 5 см. Сосуд толстостенный (1,2–2,5 см), орнаментирован волной. Рядом найдены фрагменты кружальных сосудов XII–XIII вв., два обломка серпов, шиферное пряслице, часть ножа.

Семь остальных построек не могут быть достоверно отнесены ни к одному типу, так как котлованы их были сильно повреждены современными и древними перекопами.

Из оставшихся построек интерес представляет сооружение 10. В его заполнении обнаружено скопление металлических предметов на площади 20х25 см. При разборке выяснилось, что здесь находились перекрестие сабли (рис. 2, *4*), остатки четырех замков: кубического (рис. 2, *18*), двух цилиндрических (рис. 2, *17*) и одного комбинированного, ключ (рис. 2, *25*), фрагмент ножа, четыре ушка от ведра, две скобы, металлические кольца и пряжки, ручки от сундучка. Здесь же найдено значительное количество металлических вещей и их обломков плохой сохранности. Под этим скоплением обнаружен древесный тлен. По-видимому, здесь находился деревянный сундучек, в котором и хранились металлические вещи. Судя по тому, что вещи разновременные, можно предположить, что хозяин сундучка собирал сломанные железные предметы, которые в дальнейшем использовал в качестве металлического сырья. В заполнении встречены и фрагменты керамики XII–XIII вв.

В южной части раскопа обнаружено грунтовое погребение плохой сохранности. Судя по расположению сохранившихся костей рук и ног, погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, а ноги слегка согнуты в коленях.

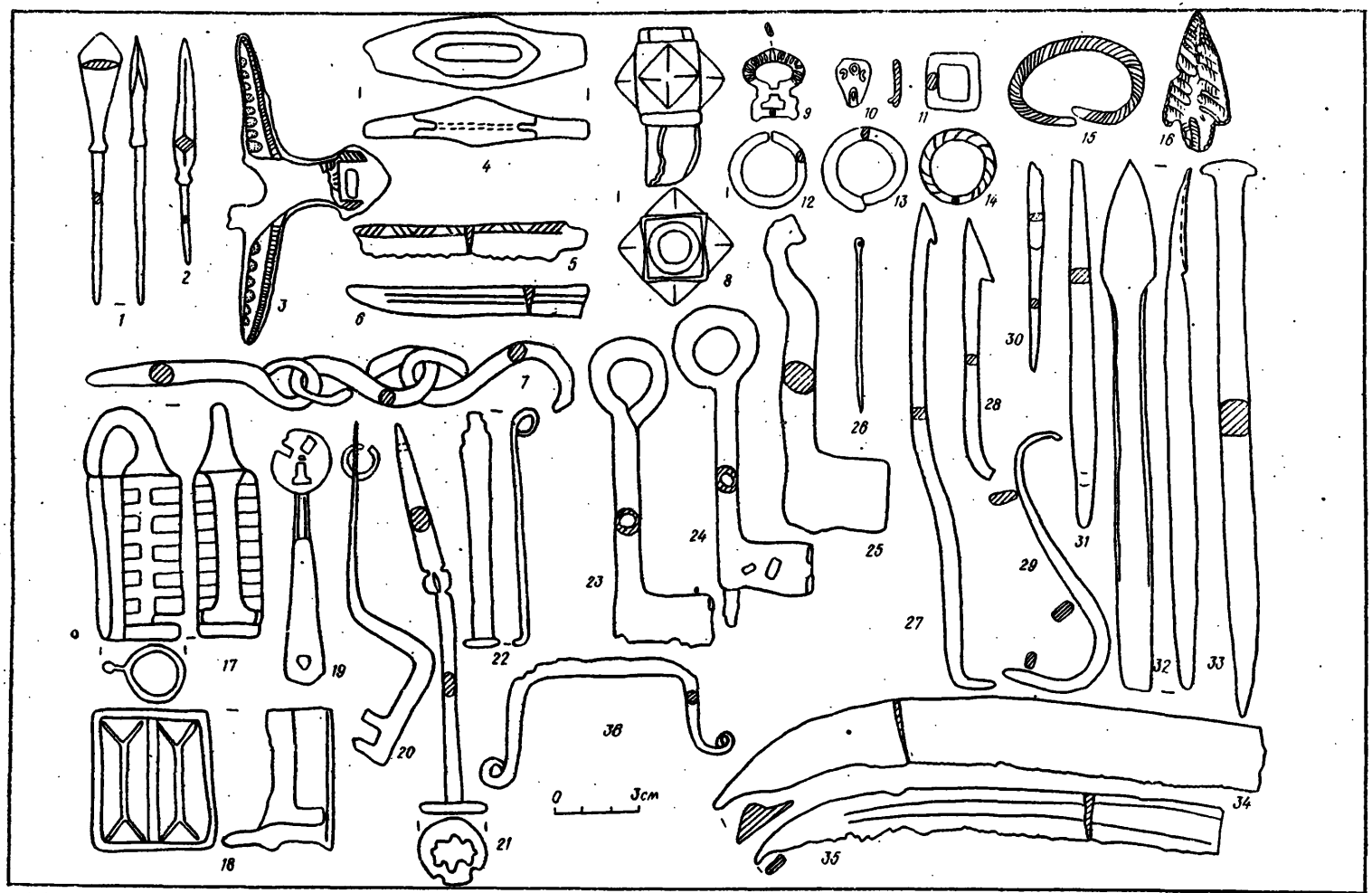

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
0
3cm

Рис. 2. Находки из раскопа I.
1–7, 17–36 – железо (*3, 5* – инкрустация серебром); *8–14* – бронза; *15* – серебро; *16* – кремень.

Находки можно разделить на несколько категорий. Сельскохозяйственные и промысловые орудия представлены тремя обломками серпов (рис. 2, *34, 35*), двумя острогами и коптильным крючком (рис. 2, *27–29*). Обнаружены также пять обломков туфовых жерновов и обломок шиферного. Из ремесленных инструментов найдены долото, два токарных резца и перовидное сверло (рис. 2, *30–33*).

Особо отметим серию предметов вооружения и снаряжения верхового коня. К ним относятся два черешковых наконечника стрел: бронебойный в виде кинжальчика с перехватом IX–XIV вв. (рис. 2, *2*; тип 97, по А.Ф.Медведеву) и ромбовидный с широким острием IX – первой половины XIII в. (рис. 2, *1*; тип 53). По мнению А.Ф.Медведева, стрелы последнего типа наиболее характерны для вооружения кочевников[2]. В сундучке из постройки 10 находилось перекрестие сабли – прямое с ромбическим расширением в средней части (тип II, по А.Н.Кирпичникову), датируемое X–XIII вв[3]. (рис. 2, *4*).

Интерес представляет навершие бронзовой булавы в форме куба с четырьмя крестообразно расположенными шипами из постройки 13 (тип I, по А.Н.Кирпичникову)[4]. В отличие от экземпляров первого типа, учтенных А.Н.Кирпичниковым, навершие из селища Козарки имеет бронзовую втулку (рис. 2, *8*). А.Н.Кирпичников отмечал, что географическое распределение находок указывает на южные пути проникновения булав рассматриваемого типа на Русь.

Найденный в культурном слое псалий относится к достаточно редкому на Руси типу "крылатых" (тип III, по А.Н.Кирпичникову) и имел серебряную с позолотой плакировку, остатки которой сохранились на крыльях и щитке (рис. 2, *3*). В собственно русских районах подобные экземпляры северо-причерноморского происхождения, датируются XI–XII вв. Как считает А.Н.Кирпичников, удила с такими псалиями получили распространение также у пруссов, литвы и волжских болгар[5]. Северное или северо-западное происхождение имеет и найденное здесь же грызло кольчатых удил с тремя подвижными звеньями (тип V, по А.Н.Кирпичникову), среднее звено которых оформлено в виде восьмерки. В русских районах такие удила крайне редки (в своде А.Н.Кирпичникова учтены лишь пять экземпляров) и датируются главным образом X–XI вв.[6] (рис. 2, *7*).

К деталям поясного набора можно отнести бронзовые лировидную и квадратной формы пряжки, два кольца и бляшку (рис. 2, *9–13*).

Как и на большинстве исследовавшихся поселений региона, на селище Козарки одной из массовых категорий находок являются обломки стеклянных браслетов (25 фрагментов). Здесь же найдены три пастовые бусины.

Из постройки 8 происходит бронзовый рубчатый перстень (рис. 2, *14*). Подобные перстни по новгородским аналогиям датируются концом XI–XIV в.[7] Здесь же обнаружен ложновитой серебряный браслет (первый вариант, по М.В.Седовой)[8], который датируется XI–XIV вв. (рис. 2, *15*).

Предметы быта представлены 20 пряслицами, 18 оселками из шифера и песчаника и 25 ножами и их обломками. Среди ножей следует отметить два экземпляра, обнаруженные при разборке культурного слоя раскопа. Один фрагмент (рис. 2, *5*) с остатками инкрустации серебром, а второй (рис. 2, *6*) стальной, с двумя продольными бороздками по лезвию.

На поселении обнаружены семь ключей и четыре замка. Замки представлены двумя целыми экземплярами (кубическим и цилиндрическим) и двумя обломками (от цилиндрического и комбинированного замка). Кубический и цилиндрический замки с продольной ключевой щелью (рис. 2, *17, 18*) происходят из сундучка постройки 10 и датируются X – первой половиной XIII в. (тип I, по Б.А.Колчину)[9]. К этому же типу относится и ключ, найденный в постройке 11 (рис. 2, *19*). В заполнении постройки 12 обнаружен ключ от цилиндрического замка с поперечной ключевой щелью (рис. 2, *21*). Подобные ключи датируются XII–XIV вв. (тип В, по Б.А.Колчину)[10]. К типу В относится обломок ключа[11] (рис. 2, *22*), обнаруженный при разборке культурного слоя. Три ключа (рис. 2, *23–25*) от комбинированного замка датируются XI – первой половиной XIII в. (тип 2, по Б.А.Колчину). Два из них (рис. 2, *23, 25*) обнаружены соответственно в культурном слое и в заполнении сундучка постройки 10, представляют первый вари-

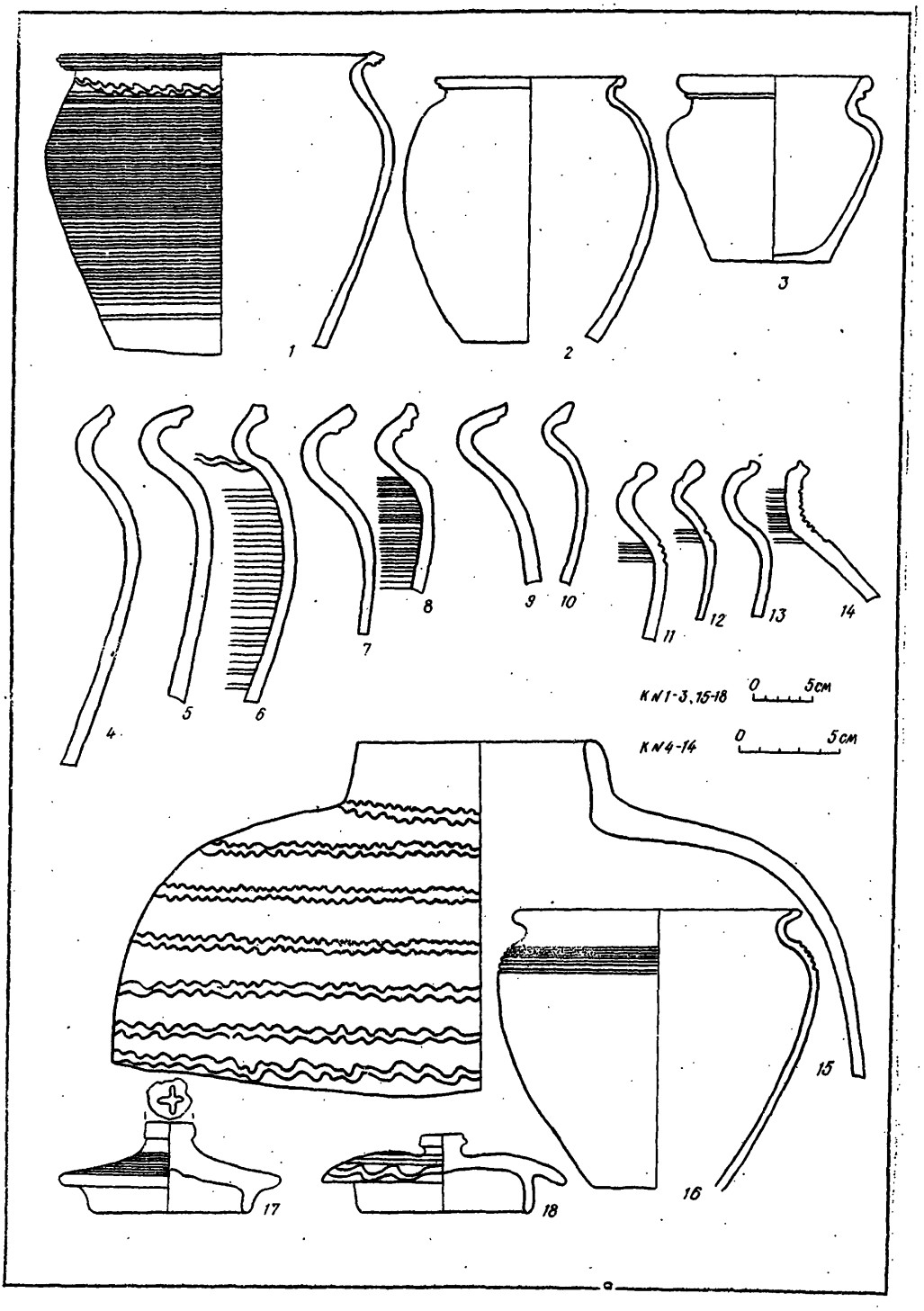

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
KW1-3, 15-18
0 5cm
KW4-14
0 5cm
15
16
17
18

Рис. 3. Керамика.
1 – постр. 12; *2, 4, 5* – постр. 11; *3* – яма 4; *6* – постр. 22; *7* – постр. 15; *8–10* – пахотный слой; *9* – постр. 6; *11–14* – постр. 8; *15* – постр. 21; *16* – постр. 10; *17* – постр. 1; *18* – постр. 3.

ант этого типа. Третий, наиболее интересный, происходит из постройки 14 (рис. 2, *24*). Во втульчатой части ключа находится меньший по диаметру и выступающий стержень. Возможно, это попытка переделать ключ во второй вариант типа 2[12]. Ключ от цельнодеревянного замка из постройки 13 датируется по новгородским находкам X – началом XIII в.[13] Керамический материал на поселении разнообразен: кружальные горшки и их многочисленные фрагменты, крышки, миски, фрагменты амфор, часть корчаги. Керамика датируется X – первой половиной XIII в. (рис. 3).

На основании анализа керамического и вещевого материала, можно утверждать, что поселение возникло в X в. и существовало до середины XIII в. Жилые постройки на исследованном участке поселения не обнаружены, что позволяет рассматривать его (учитывая расположение на периферии памятника) как участок хозяйственной застройки. Поселение в уроч. Козарки расположено в междуречьи Десны и Днепра, в нескольких километрах от водного пути Чернигов – Любеч, входившего в состав вотчины черниговских князей[14]. По-видимому, это и объясняет присутствие на поселении вещей, типичных для других регионов.

1 *Шекун А.В.* Отчет Черниговской археологической разведывательной экспедиции 1976 г. // Арх. ИА АН УССР. – 1976/53.
2 *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // САИ. – 1966. – Е 1-36. – С.85, 71.
3 *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Т.1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // Там же. – С.69.
4 *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Т.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Там же. – С.48.
5 *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – 1979. Вып. Е 1-36. – С.16.
6 Там же. – С.17.
7 *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981. – С.122.
8 Там же. – С.98.
9 *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1985. – С.160.
10 Там же.
11 Там же.
12 Там же. – С.161.
13 Там же.
14 *Коваленко В.П., Шекун А.В.* Летописный Листвен (к вопросу о локализации) // СА. – 1984. – № 4. – С.72.

Г.А.ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНЕРУССКИХ НОЖЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Установлены основные технологические схемы изготовления ножей: цельножелезные и цельностальные клинки, клинки с наварными лезвиями, клинки с цементированным лезвием и из пакетного металла, ножи с дамаскированным клинком и наварным стальным лезвием. Применение простых технологических схем кузнецами Изяславля отражает не только древнюю производственную традицию, но и особенности небольшого городка, в котором большинство населения составляли воины-профессионалы, тесно связанные с сельским хозяйством.

Массовое металлографическое изучение кузнечной продукции из городских центров Древней Руси в последние годы позволило исследователям говорить о том, что в кузнечном производстве городов русского Севера и южнорусских вполне определенно выступает своеобразие технологических традиций.

В кузнечном ремесле южнорусских земель сохраняются древние технологические традиции вплоть до татаро-монгольского нашествия. Общая тенденция к простоте технологических решений выражается прежде всего в значительной доле цельножелезных и

© *Г.А.Вознесенская, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

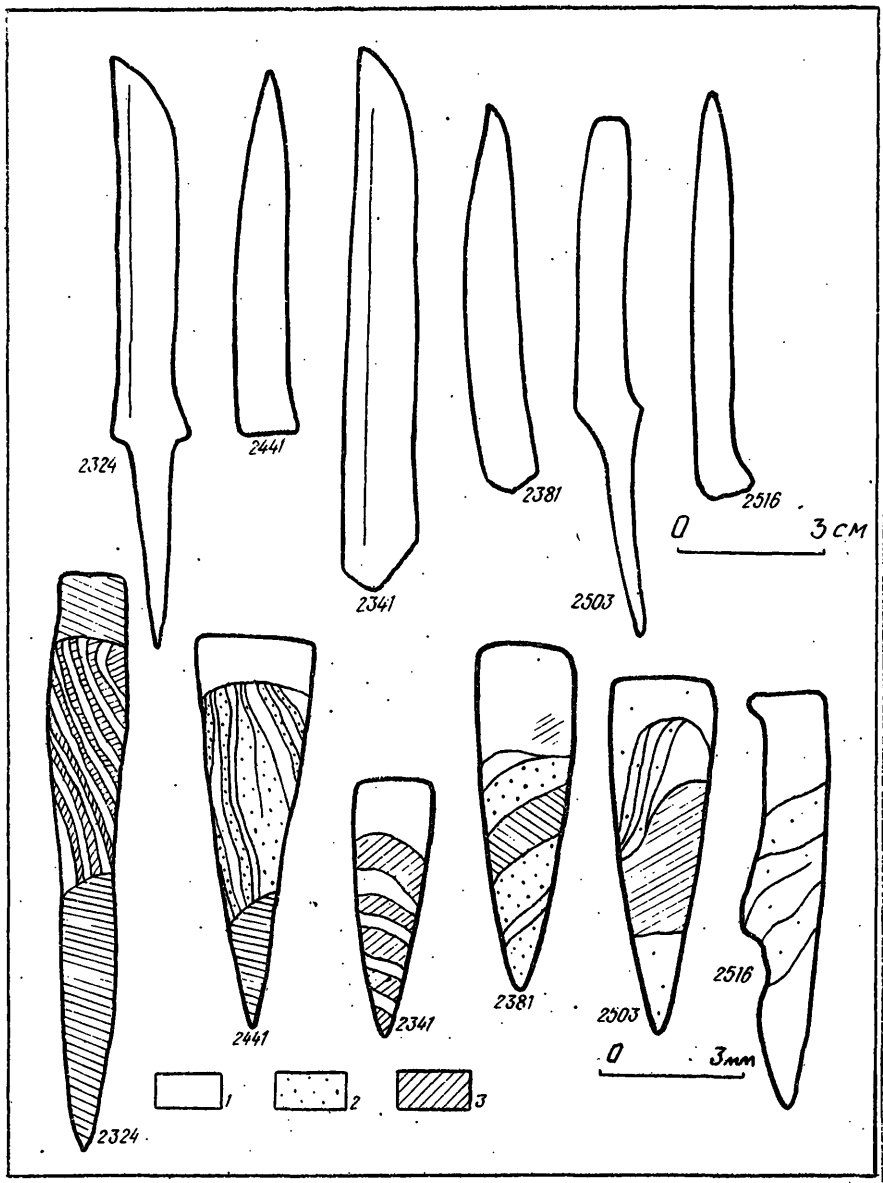


Рис. 1. Технологическая схема изготовления ножей с клинком из сварочного дамаска.
1 – железо, *2* – мягкая сталь, *3* – закаленная сталь.

цельностальных изделий. В качестве основных технологических приемов, направленных на улучшение рабочих качеств орудий труда, сохраняет свое значение цементация и закалка, используется наварка стальных лезвий. Своеобразие технологических традиций в кузнечном производстве северо-западных земель выражается в широком освоении сварочных конструкций из железа и стали и в значительной доле среди них трехслойного пакета.

Чтобы степень достоверности технологической характеристики кузнечной продукции для определенных регионов и хронологических периодов могла приблизиться к новгородской, которая до настоящего времени служит эталоном, важно иметь представительную коллекцию изделий для технологического изучения, по возможности узко датированную. В этом отношении богатейшая коллекция железных изделий из раскопок в с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл. (памятник известен в литературе как древнерусский город Изяславль) исключительно благоприятна для изучения[1]. Здесь имеются все виды кузнечной продукции, встречаемые в древнерусских городах:

все категории вещей представлены многочисленными устойчивыми сериями. Время существования города очень непродолжительно – первая половина XIII в.[2]

Настоящая работа представляет итоги технологического изучения коллекции хозяйственных ножей. Металлографически исследованы 225 экземпляров из 1358 сохранившихся к настоящему времени клинков. Шлиф приготовлялся на полном поперечном сечении клинка. Микроскопическое исследование проб проводилось на металломикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости – на микротвердомере ПМТ-3 с нагрузкой 100 г.

Установлено, что изяславльские ножи изготовлены с применением шести технологических схем: цельножелезные и цельностальные клинки, клинки с наварными лезвиями, клинки с цементированным лезвием и из пакетного металла, ножи с дамаскированным клинком и наварным стальным лезвием. Предлагаем их технологическую характеристику (рис. 1).

НОЖИ С ЦЕЛЬНОЖЕЛЕЗНЫМИ КЛИНКАМИ – 72 ЭКЗ.

Клинки ножей откованы целиком из кричного железа, содержащего шлаковые включения, нередко со следами незначительной науглероженности. Микротвердость феррита колеблется в значительных пределах, иногда даже на одном клинке. В этой группе 13 клинков имеют микротвердость феррита от 170 до 206 кг/мм^2, 29 – от 206 до 254 кг/мм^2, 30 – от 254 до 322 – 350 кг/мм^2. В клинке ножа (ан. 2326) отмечены включения длинных игл нитридов.

На цельножелезных клинках отсутствуют технологические операции, которые ведут к повышению рабочих качеств орудий труда.

НОЖИ С ЦЕЛЬНОСТАЛЬНЫМИ КЛИНКАМИ – 69 ЭКЗ.

Эту группу можно разбить на три подгруппы.

Первая: 16 ножей откованы из мягкой сырцовой стали с неравномерным содержанием и распределением углерода. Микроструктура этих клинков ферритная или феррито-перлитная, содержание углерода колеблется от 0,1–0,2 до 0,4–0,5 %. Они или не термообработаны, или не восприняли термообработку.

Вторая: 33 ножа – откованы из сырцовой стали с неравномерным содержанием и распределением углерода и термообработаны (закалены или закалены с отпуском). Отпуск иногда высокий, однако трудно сказать, целенаправленный он или случайный (в огне пожара?). Микроструктура клинков неоднородна: зоны, наиболее богатые углеродом мартенситные, мартенсито-трооститные (микротвердость колеблется в пределах 350–824 мг/мм^2), мелкодисперсные феррито-перлитные (микротвердость 254–350 кг/мм^2). Есть участки феррита, феррита со следами перлита (микротвердость 170/297 кг/мм^2).

Третья: 20 ножей откованы целиком из высокоуглеродистой стали более однородного строения. Все изделия термообработаны: как правило закалены на мартенсит (микроструктуры мартенсита, мартенсита с троститом). Микротвердость структур закалки в большинстве клинков от 464 до 642 кг/мм^2, в некоторых – достигает 724–946 кг/мм^2. Один нож имеет структуру высокого отпуска (глобулярный перлит) – ан. 2498.

НОЖИ С ЦЕМЕНТИРОВАННЫМИ КЛИНКАМИ – 7 ЭКЗ.

Лезвие клинков подвергалось химико-термической обработке – цементации (науглероживанию) – для получения стальной режущей кромки. У шести ножей (ан. 2339, 2385, 2390, 2391, 2470) цементированные клинки закалены на мартенсит. В этом случае целенаправленную цементацию лезвия устанавливают по целесообразному расположению науглероженных зон и по убыванию микротвердости мартенсита от острия лезвия к центру или обушку клинка: от 946 до 420 (ан. 2470), от 514 до 420 (ан. 2391), от 1530 до 350 (ан. 2390). В одном случае (ан.2476) клинок не имеет следов термообработки, на острие содержание углерода 0,7–0,8, к середине клинка постепенно убывает до чистого феррита.

НОЖИ С НАВАРНЫМ ЛЕЗВИЕМ – 66 ЭКЗ.

Ножи, клинки которых откованы из кричного железа и имеют стальное наварное лезвие, демонстрируют высокое качество конструкционной сварки железа со сталью. При микроскопическом исследовании сварочные швы прослеживаются очень четко в виде тонкой и чистой белой полоски. Всего три клинка имеют не четко выраженный сварочный шов, который прослеживается по цепочке шлаковых включений (ан. 2430, 2447, 2455). Практически все клинки со стальными лезвиями, наваренными вторец на железную основу. Только в двух случаях (ан. 2360, 2366) можно говорить о косой боковой наварке стального лезвия. Как правило, стальная наварка-лезвие располагается на самом острие клинка или занимает 1/6 – 1/4 ширины клинка. Но иногда наварка занимает 1/2 (ан. 2316, 2331, 2337, 2364, 2430, 2434, 2455, 2461, 2468, 2493, 2512) ширины клинка. Несколько экземпляров ножей имеют У-образную форму сварочного шва (ан. 2322, 2365, 2367, 2383, 2490, 2518).

Основа клинка ножей ковалась, как правило, из кричного железа. Микротвердость феррита обычно колеблется в пределах 160–193 кг/мм^2, 206–254–274 кг/мм^2. Иногда встречаются клинки, где микротвердость феррита превышает 300 ед.: 322–350 кг/мм^2 (ан. 2320, 2343, 2355, 2384, 2412, 2489, 2434, 2400).

Наварные полосы-лезвия из высокоуглеродистой цементированной стали. Практически все клинки закалены на мартенсит. Микротвердость мартенситных структур в пределах 420–724 кг/мм^2, иногда достигает 946–1100 кг/мм^2. Изредка значительные колебания микротвердости встречаются и на одном клинке, что, несомненно, свидетельствует о неравномерности содержания углерода в стальной полосе. Всего несколько ножей (ан. 2315, 2360, 2400, 2417, 2461, 2488) имеют структуру отжига или высокого отпуска: феррито-перлитную с глобулярным строением перлита.

НОЖИ С КЛИНКОМ ИЗ ПАКЕТНОГО МЕТАЛЛА – 5 ЭКЗ.

Ножи откованы из заготовок, полученных пакетированием исходного металла. Слоистые пакетные структуры этих заготовок – результат специальной обработки сырья ковкой и сваркой металла. В рассматриваемой коллекции два клинка (ан. 2382, 2502) двухслойной структуры: полоса-заготовка скована из двух полос – железной и стальной. На лезвие выходит сталь. Клинки термообработаны.

Два клинка (ан. 2388, 2481) откованы из пакетированной заготовки, где чередуются полосы кричного железа и малоуглеродистой стали. В клинке (ан. 2388) с одного бока идет полоса высокоуглеродистой стали, этот нож закален.

Нож (ан. 2333) имеет клинок из пакетированной стальной заготовки. Сталь высокоуглеродистая, клинок закален.

НОЖИ С ДАМАСКИРОВАННЫМ КЛИНКОМ И НАВАРНЫМ СТАЛЬНЫМ ЛЕЗВИЕМ – 6 ЭКЗ.

Это группа ножей представлена первоклассными изделиями и демонстрирует совершенное владение техникой кузнечной сварки. Полоса сварочной стали идет обычно вдоль клинка в срединной его части.

По мнению исследователей, сварочный дамаск является попыткой имитации булатной стали путем подбора в блок стальных и железных полос, кузнечной сварки их в монолит и специальной пластической обработки (скручивания, сплетения и т.п.) для получения различных видов узора (Б.Нойманн, А.Франс Ланор, Р.Плейнер, А.Антейн, Е.Пясковский и др.).

В исследованной группе ножей с дамаскированным клинком из Изяславля четыре экземпляра представляют простой строчечный узор (ан. 2341, 2381, 2503, 2516). Спинка клинка (ан. 2341) из высокофосфористого железа, микротвердость 322–383 кг/мм^2. Далее идет дамаскированная вставка из железной и стальной полосок, перевитых и сваренных. Железо высокофосфористое, микротвердость 350–383 кг/мм^2, сталь среднеуглеродистая. Структура мартенсита, перлита сорбитообразного, микротвердость 350–

420 кг/мм^2. На острие – стальная наварка-лезвие (мартенсит, микротвердость 420 кг/мм^2). Все сварные соединения прочные: сварочные швы тонкие, чистые. Клинок закален.

Клинок (ан. 2381) аналогичной схемы. Спинка – из обычного кричного железа со следами слабой науглероженности, большим количеством мелких включений шлаков, микротвердость 206 кг/мм^2. Далее идет дамаскированная вставка из железных и стальных полосок, перевитых и сваренных. Железо высокофосфористое, микротвердость 297–322 кг/мм^2. Полоски стали с разным содержанием углерода: одна с мелкодисперсной феррито-перлитной структурой, микротвердость 322 кг/мм^2, другая – с мартенсито-трооститной структурой, микротвердость 572 кг/мм^2. Стальное наварное лезвие имеет мелкодисперсную феррито-перлитную структуру, микротвердость 221–254 кг/мм^2. Сварочные швы четкие, тонкие и чистые. Клинок закален.

Клинок (ан. 2503) имеет спинку из обычного кричного железа, слабонауглероженного, микротвердость 193–206 кг/мм^2. Далее дамаскированная вставка из полосок обычного кричного железа и среднеуглеродистой стали, сваренных и перевитых. Структура стальной полосы – крупноигольчатый мартенсит, микротвердость 322–350 кг/мм^2. Лезвие, приваренное к дамаскированной вставке, из слабонауглероженного кричного железа, микротвердость 193 кг/мм^2. Сварочные швы четкие, чистые. Клинок закален.

Клинок (ан. 2516) имеет спинку из обычного кричного мелкозернистого железа, микротвердость 221 кг/мм^2. Дамаскированная вставка представляет собой сваренные и перевитые полосы слабонауглероженного железа, микротвердость 206–236 кг/мм^2 с большим количеством шлаковых включений. Лезвие, приваренное вторец к дамаскированной полосе, из высокофосфористого железа, микротвердость 254–274 кг/мм^2.

Два ножа (ан. 2324, 2441) той же в принципе технологической схемы, но с более сложным строением дамаскированной вставки, что должно привести и к более сложному узору на поверхности.

Клинок (ан. 2324): спинка из высокоуглеродистой стали, структура мартенсита, микротвердость 464–572 кг/мм^2. Далее дамаскированная вставка из сваренных и перевитых железных и стальных полосок, строго чередующихся. Железо высокофосфористое, микротвердость 274–322 кг/мм^2. Стальные полоски: структура мартенсита, микротвердость 383–464 кг/мм^2. Вторец к дамаскированной вставке приварена полоса – лезвие из высокоуглеродистой стали, структура мартенсита, микротвердость 514–572 кг/мм^2. Сварочные швы четкие, тонкие, чистые. Клинок закален.

Клинок (ан. 2441): спинка из высокофосфористого железа, микротвердость 350 кг/мм^2. Далее дамаскированная вставка из сваренных и перевитых железных и стальных полосок, строго чередующихся. Железо высокофосфористое, микротвердость 350 кг/мм^2. Сталь мягкая, структура мелкодисперсная феррито-перлитная, микротвердость 236–254 кг/мм^2. Вторец к дамаскированной вставке приварена стальная полоса-лезвие, микроструктура мелкоигольчатого мартенсита, микротвердость 724 кг/мм^2.

Процентное соотношение технологических схем в группе изученных ножей таково: цельножелезных клинков – 32, цельностальных клинков – 31, с наварным стальным лезвием – 29,5, с цементированным клинком – 3, клинки из пакетного металла – 2, ножи с узорчатым дамаскированным клинком – 2,5. Как видим, более половины клинков простейшей технологии изготовления, третья часть представлена наиболее прогрессивной технологической схемой. Заметна доля инструментов, выполненных с применением архаичных технологических приемов (цементации, пакетирования сырья).

Технологическая характеристика ножей Изяславля вполне соотносится с предложенной технологической характеристикой кузнечной продукции южнорусских городских центров, о своеобразии которой говорилось выше. С некоторыми различиями, вызванными функциональным назначением инструмента, этой характеристике в целом соответствует также исследованная коллекция жатвенных орудий труда (серпов и кос) из Изяславля (материал опубл.: Археология. – 1989. – Вип. 3).

Ножи – наиболее массовая категория изделий среди кузнечной продукции. Их качество и технология изготовления наилучшим образом свидетельствуют о технологическом уровне развития кузнечного ремесла в целом и об определенной организации этого производства. На материалах Новгородской коллекции Б.Колчин установил хронологическую последовательность в изменении технологии изготовления древнерусских ножей. Он показал, что изменения в первую очередь связаны с экономическими причина-

ми. Развитие экономики и расширение рынка сбыта ремесленной продукции вело к удешевлению изделия путем упрощения технологии изготовления[3]. Дальнейшее изучение технологии производства ножей в Новгороде подтвердило общую схему сменяемости технологии, уточнив ее в деталях[4].

Кузнечная продукция Изяславля отражает только один этап в динамике технологического развития, когда в древнерусском кузнечестве преобладает технология наварки стального лезвия на железный клинок.

Для XII–XIII вв. эта прогрессивная технология безусловно господствует при изготовлении ножей в Новгороде[5], Белоозере[6], Изборске[7]. Богатый аналитический материал, хорошо представленный М.Ф.Гуриным в его монографии о кузнечном ремесле Полоцкой Земли[8], показывает, что более 70 % хозяйственных ножей XII–XIII вв. с наварными стальными лезвиями. Следовательно, развитие кузнечной технологии в этом регионе шло в традициях, характерных для кузнечного производства северорусских земель.

Наиболее реальное соотношение технологических схем в кузнечном производстве южнорусских земель конца XII – первой половины XIII в. отражают аналитические данные по Изяславлю, где кузнецы-ножевщики изготовляли 1/3 клинков с наварными стальными лезвиями (29,5 %). В XI–XIII вв. наблюдается довольно близкая картина в Киеве – ножей с наварными лезвиями среди клинков около 24 %[9], а также в Старой Рязани, где для ножей XI–XIII вв. доля клинков с наварными лезвиями (наварка торцовая и косая) составляет 27 %[10].

По мнению Л.С.Розановой, металлографически изучившей 30 кузнечных изделий XII–XIII вв. из Смоленска, технологическая традиция кузнечного производства "обнаруживает преемственность с кузнечной обработкой южнорусских земель"[11].

Технологическая характеристика кузнечной продукции Чернигово-Северской земли отражает общие тенденции южнорусского кузнечного производства, но среди ножей XI–XIII вв. доля клинков с наварными лезвиями возрастает до 40 %[12]. В древнерусском Серенске, на крайнем северо-востоке Черниговского княжества, ножи с наварным лезвием составляли 37 % от всех исследованных древнерусских (XII–XIII вв.)[13]. На городище Слободка, другом древнерусском городе земли вятичей, технология кузнечного ремесла развивалась в традициях, сложившихся в южнорусских землях[14]. Л.С.Розанова отмечает, что при изготовлении ножей преобладает технология наварки – 2/3 от исследованных клинков[15].

Кузнецы древнего Изяславля использовали при изготовлении ножей простые технологические схемы. В этом отражается не только древняя производственная традиция, но и особенности именно этого небольшого города, в котором большинство населения составляли воины-профессионалы, тесно связанные с сельским хозяйством. Усилия местных ремесленников направлены прежде всего на обеспечение жителей крепости орудиями труда и предметами повседневного быта. А.А.Пескова отмечает отдельные черты вотчинного ремесла в местном ювелирном производстве, а ремесло в целом, считает она, характеризуется сочетанием работы на заказ и серийностью производства изделий массового спроса[16]. Условия крупного торгово-ремесленного города, каким был Новгород в XII–XIII вв., диктуют применение подвижной и рациональной технологии, направленной на постоянный рост массового производства для широкого рынка сбыта. Это предполагает социальную организацию производства, где преобладает дифференцированное и специализированное свободное городское ремесло.

Вершина ручной кузнечной техники – клинки из сварочного дамаска. Впервые техника дамаскирования выявлена на клинках римских мечей I–II вв. н.э. Полоса дамасского узора обнаруживается вдоль всей длины клинка, в той части, где проходит дол. Весь клинок целиком, как и лезвие, никогда из дамасской стали не изготовлялся. Полосу дамасского узора образуют прутки стали и железа, определенным образом сваренные и скрученные. Эта полоса имеет прежде всего декоративное назначение. Своего расцвета изготовление таких мечей достигло в эпоху Каролингов, а в XI в. они почти полностью исчезли. По мнению многих исследователей, мечи с клинками из сварочной дамасской стали изготовлялись в производственных центрах Рейнской области, где богатые традиции римского времени непрерывно продолжались в средневековье[17].

Ножи, клинки которых имеют узорчатую полосу сварочного дамаска изготовлялись таким же способом, как и клинки мечей. Р.Плейнер полагает, что временем появления подобных ножей можно считать конец VII – начало VIII в. Во всяком случае, два

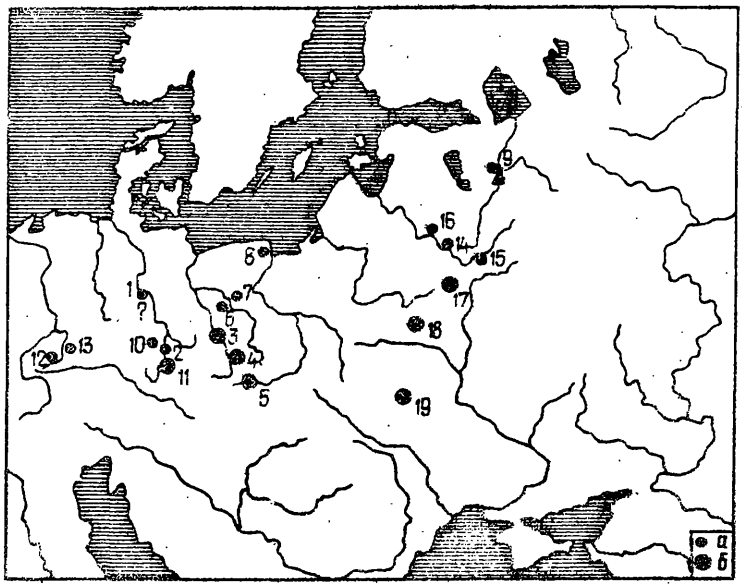


Рис. 4. Распространение средневековых ножей с клинком из сварочного дамаска (1–13, по Р.Плейнеру).
1 – Дессау-Мозигкау, *2* – Лаховице, *3* – Вроцлав, *4* – Ополе, *5* – Краков, *6* – Познань, *7* – Бискупин, *8* – Гданьск, *9* – Новгород, *10* – Мутеевице, *11* – Градиштко-Секанка, *12* – Зиндельфинген, *13* – Унтеррегенбах, *14* – Полоцк, *15* – Витебск, *16* – Масковичи, *17* – Лукомль, *18* – Минск, *19* – Изяславль.
а – один нож, *б* – несколько ножей.

клинка из славянского поселения Дессау – Мозигкау в Германии он относится к такой категории клинков[18].

Разбирая вопрос о появлении ножей со сварочным дамаском в Европе, Р.Плейнер к моменту публикации своей работы в 1979 г. насчитал их 35 экземпляров: на территории Силезии, Чехии, Польши и один далеко на северо-востоке, в Новгороде Великом. Наиболее ранний из них – нож из Лаховиц X в. Известны ножи XI–XII вв., но классическим временем их производство следует считать XIII в.[19]

При металлографическом изучении огромной серии древнерусских ножей (455 экз.) из Полоцкой земли М.Ф.Гурин выявил среди них восемь клинком со сварочным дамаском: в Полоцке и Витебске по одному экземпляру, в Минске – три, Лукомле – два, Масковичах – один. Из них четыре клинка датируются XII в., четыре – XIII в.[20]

И, наконец, описанная нами серия ножей (6 экз.) из Изяславля, узко датированная (как и сам памятник) рубежом XII–XIII вв. – 1240 г.

Среди продукции кузнецов-ножевщиков клинки со сварочным дамаском – самые редкостные и дорогие экземпляры. Их производство технически очень сложное и трудоемкое. Мастер должен иметь соответствующие материалы – мягкую и твердую углеродистую сталь, мягкое и твердое (богатое фосфором) железо, – знать и уметь определять их качество. Приготовление собственно узорчатой части требовало высококвалифицированной работы по сварке в пруток (брусок) пучка перевитых железных и стальных полос. Р.Плейнер считает, что при изготовлении классического трехчастного дамаскированного ножа использовалось до 20 операций, т.е. в три-четыре раза больше, чем при изготовлении обычного клинка[21]. Если же мастер использовал добавочные прокладки высокофосфористого железа или сдваивал дамаскированную часть, примером тому служат ножи из Вроцлава, то изготовление ножа было еще более трудоемким[22]. Вероятно, такой вид изделий ножевщики могли изготовлять на заказ[23]. К такого рода клинкам, несомненно, можно отнести два ножа из Изяславля (ан. 2324, 2441), нож из Витебска, нож из Минска, датируемые XIII в.

Наименее ясен вопрос о центрах изготовления ножей с дамаскированным клинком, хотя каждый исследователь не исключает местного производства в тех пунктах, где таких клинков найдено по несколько штук.

А.Мазур и Э.Носек, исследуя семь дамаскированных ножей из Вроцлава (XIII в.), указывают на возможность местного производства высококвалифицированными кузнецами-ножевщиками. Однако в отношении двух клинков из этой коллекции они полагают, что для их изготовления использована привозная сталь либо сами ножи импортированы в готовом виде. Основа для такого предположения – спектральный анализ, показавший высокий процент содержания никеля – 0,11 и 0,12 %. Третий, предположительно импортированный клинок, имеет оригинальный внешний вид и технику изготовления, а сталь отличается повышенным содержанием меди и цинка[24].

Е.Пясковский исследовал шесть ножей с дамаскированным клинком из замка Вавель в Кракове (XII–XIII вв.), из Гданьска (XIII–XIV вв.), из Бискупина (XII–XIII вв.) и пришел к выводу, что вавельские и гданьские ножи изготовлены вне территории Польши[25].

Р.Плейнер считает, что местонахождение производственных центров, где изготовлялись ножи со сварочным дамаском, остается неизвестным. Но допускает возможность местного производства в монастырском городке Hradištka–Šekánka (XIII в.) с ярко выраженной кузнечной деятельностью, где найдено семь дамаскированных клинков. Это вполне справедливо, пишет он, если принять во внимание сведения некоторых письменных документов XIV в. о высоком уровне чешского производства ножей[26].

Теперь постараемся разобраться с восточноевропейскими находками. М.Ф.Гурин считает, что кузнецы Полоцкой земли владели технологией изготовления изделий из узорчатого сварочного дамаска. "Их местное производство подтверждается находками аналогичных экземпляров с незавершенным циклом обработки"[27]. Однако "незавершенные" ножи представлены всего одним экземпляром из Минска, с весьма невыразительной узорчатой частью, и сам автор называет предмет полуфабрикатом, основу которого составляет всевдопакетная заготовка. Это единственное "доказательство" изготовления дамаскированных клинков местными кузнецами. М.Ф.Гуриным проведена интересная работа по изучению трехполосных ножей из Полоцкой земли на основе рентгеноспектрального анализа, где особое внимание было сосредоточено на установлении концентрации никеля и марганца в железных и стальных полосах пакетов. Автор достаточно убедительно обосновал мнение об использовании в Полоцкой земле привозной стали, возможно, из Скандинавии и Центральной Европы. Разрабатывая вопрос о торговых связях Полоцкой земли, М.Ф.Гурин обращает внимание на устойчивые торговые связи Полоцка с Ригой, Любеком, о-вом Готланд*, в частности на импорт на территорию княжества металлического сырья[28]. К сожалению, М.Ф.Гурин не счел возможным проработать версию о привозном характере ножей с клинком из узорчатой стали. Может быть, этому мешала ошибочная посылка автора о "широком внедрении узорчатых схем"[29] в технику кузнечного дела? Еще раз напомним, что эти изделия редкие, дорогие, исполнявшиеся скорее всего на заказ ("авторские", говоря современным языком). В Центральной и Восточной Европе их известно всего около 50 экземпляров на многие тысячи средневековых ножей[30].

Что касается группы изяславльских ножей с клинком из сварочного дамаска, то нет прямых доказательств ни местного, ни привозного их происхождения, поэтому можно принять во внимание только соображения общего порядка. Существенно, что основную массу населения этого городка составляли воины-профессионалы, занимавшиеся сельским хозяйством. Ни одного производственного комплекса на памятнике не открыто, поэтому причислить его к ремесленным центрам, подобно упоминавшему Hradištka–Šekanka в Средней Богемии, нельзя. Местные кузнецы обеспечивали, вероятно, потребности только крепости и окрестного населения[31]. При том, что 2/3 кузнечных изделий Изяславля изготовлены по простейшей технологии, нельзя говорить о высокой квалификации и специализации в кузнечном производстве. То же самое, на основании качества изделий местных ювелиров, заключает А.А.Пескова относительно ювелирного дела. При такой общей характеристике поселения и его ремесленного производства практически исключается возможность местного изготовления дамаскированных клинков.

В то же время, нельзя не отметить, что в обширнейшей коллекции находок в Изяславле заметное место занимают импортные вещи, в том числе произведения романского художественного ремесла. В.П.Даркевич, картографируя предметы импорта XII–

* Уместно вспомнить, что о-в Готланд, по мнению М.Эберта, А.Антейна и др. исследователей, считается одним из центров изготовления наконечников копий из дамасской стали.

XIII вв., установил основные направления торговых путей, пересекавших Европу с запада на восток. Изяславль он называет в числе городов, через которые шел один из торговых путей из Западной Европы через Владимир-Волынский на Киев[32]. Этими путями, вероятно, попадали на Русь ножи с узорчатыми лезвиями — прекрасные произведения кузнечного искусства.

1 *Вознесенская Г.А., Толочко П.П.* Кузнечное ремесло // Новое в археологии Киева. – Киев, 1981. – С.267–284; *Вознесенская Г.А., Коваленко В.П.* О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в XI–XIII вв. – Киев, 1985. – С.95–109; *Вознесенская Г.А.* Технология кузнечного производства на древнерусском поселении в с.Шестовица // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Тез. док. – Чернигов, 1988. – С.55–57; *Розанова Л.С.* Технологические особенности в кузнечном производстве северо- и южнорусских городов // Там же. – С.57–59.

2 *Пескова А.А.* Древний Изяславль // КСИА. – 1980. – Вып. 164. – С.66–73; *Миролюбов М.А.* Древнерусский город Изяславль. – Л., 1983. – С.63; *Пескова А.А.* Древнерусский город Изяславль XII–XIII в.: Автореф. ... канд. ист. наук. – Л., 1988. – С.12–17.

3 *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. – МИА. – 1959. – № 65. – С.54–55.

4 *Розанова Л.С., Завьялов В.И.* Предварительные итоги изучения технологии производства ножей в Новгороде // Культура и история средневековой Руси : Тез. конф., посвящ. 85-летию А.В.Арциховского. – М., 1987. – С.38–40.

5 *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло... – С.50–55.

6 *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере в X–XIII вв. – М., 1973. – С.124.

7 *Хомутова Л.С.* Первые итоги технологического исследования кузнечной продукции Изборского городища // Археология и история Пскова и Псковской земли : Тез. докл. – Псков, 1983. – С.30–31.

8 *Гурин М.Ф.* Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. – Минск, 1987. – С.26–55.

9 *Вознесенская Г.А., Толочко П.П.* Указ. соч. – С.267–284.

10 *Толмачева М.М.* Технология кузнечного ремесла Старой Рязани. – СА. – 1983. – № 1. – С.250–251.

11 *Розанова Л.С.* Технологические особенности... – С.59.

12 *Вознесенская Г.А., Коваленко В.П.* О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли... – С.95–109.

13 *Хомутова Л.С.* Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Сереиске. – СА. – 1973. – № 2. – С.217.

14 *Розанова Л.С.* Изучение технологии железных изделий // *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. – М., 1987. – С.152–161.

15 Там же. – С.155.

16 *Пескова А.А.* Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. – С.14–17.

17 *Pleiner R.* Stare evropské kovavstvi. – Praha, 1962. – S.234, 279–280; *Антейн А.К.* Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. – Рига, 1973. – С.21–22; *Pleiner R.* Eisenschmiede im frümittelalterlichen Zentraleuropa // Frühmittelalterforschung der Universität Münster. – Berlin; New-York, 1975. Bd 9. – S.79–92.

18 *Pleiner R.* Metallkundliche Untersuchungen der Messerklingen von der frühslawischen Siedlung in Dessau – Mosigkau // Deuntsche Academie der Wissenschaften zu Berlin: Schriften der Sektion für vor– und Fruhgeschichte. – Dessau–Mosigkau. Berlin, 1967. – Bd 22. – S.175–189; *Pleiner R.* K vyvoji slovanské nožírské techniky v Čechah // Archeologiché rozgledy. – 1973. – 21, 3. – S.249–254.

19 *Pleiner R.* K vyvoji slovanské nožírské techniky... S.249–251.

20 *Гурин М.Ф.* Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. – С.29–31.

21 *Pleiner R.* K vyvoji slovanské nožívské techniky v Čechah. – S.253.

22 *Mazur A., Nosek E.* Wczesnosredniowieczne noże dziewerowane z Wroclawia // Kwartalnik Histori Nauki i techniki. – Rok XVII. – N 2. – Warszawa, 1972. – S.291–303.

23 *Pleiner R.* K vyvoji slovanské nožírské tehniky v Gechah. – 253.

24 *Mazur A., Nosek E.* Wczesnosredniowieczne noże dziewerowane... – S.302–303.

25 *Piaskowsky J.* The manufacture of medieval damascened Knives // Journal of the Iron and Steel Institute. – Juli, 1964. – P.561–568.

26 *Pleiner R.* K vyvoli slovanske nožírské techniky v Cechah. – S.359–360; *Pleiner R.* Die techik des Schmiedehandwerks im 13 Yahrhundert im Dort und in der Stadt // Geschichtswissenschaft und Archäologie : Vorträge und Forschungen. – 1979. – 22. – S.393–402.

27 *Гурин М.Ф.* Исследование трехполосных ножей Полоцкой земли // Slovenska archeologia. – 1984. – 32(2); – S. 311–326. *Гурин М.Ф.* Кузнечное ремесло... С.105–106.

28 Там же. – С.100.

29 Там же. – С.99.

30 *Антейн А.К.* Наконечники ножей из сварочной узорчатой (дамасской) стали в древней Прибалтике. – СА. – 1963. – № 4. – С.167–178.

31 *Пескова А.А.* Древнерусский город Изяславль XV–XIII вв. – С.14.

32 Древняя Русь : город, замок, село. – М., 1985. – С.397.

Л.С.РОЗАНОВА

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕХНОЛОГИИ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЮЖНОЙ И СЕВЕРНОЙ РУСИ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Изучение кузнечной продукции из многочисленных пунктов ряда древнерусских земель позволяет судить об определенном своеобразии технологий производства на юге и севере Руси. Для южнорусских земель характерно использование простых технологий: целиком из железа и разных сортов стали. На северорусских землях пользовались предпочтительно сварными конструкциями, сочетая железо и сталь, с выходом последней на рабочую часть орудия.

Среди разнообразных ремесел, зафиксированных в археологических материалах Древней Руси, важнейшим, несомненно, являлось кузнечное. Эту мысль высказывали и А.В.Арциховский[1], и Б.А.Рыбаков[2], исследуя орудия и процессы труда, производственные сооружения древнерусского периода. Источниками для выводов им служили скудные известия летописей, немногочисленные данные археологических изысканий и довольно обильные, но более поздние (XVI в.) сведения писцовых книг.

С использованием в археологии методов естественнотехнических наук, в частности металлографии, в изучении древнерусского кузнечного дела наступил качественно новый период, позволивший получать технико-технологические характеристики, которые традиционно археологическими методами оказывались вне рассмотрения.

Начало целенаправленного изучения древнерусской кузнечной техники и технологии связано с именем Б.А.Колчина, который применив методы металлографического анализа к массовым древнерусским кузнечным изделиям, впервые получил конкретные сведения о приемах изготовления и технике их выполнения[3]. Так, при изучении 286 изделий с 32 археологических памятников, относящихся ко времени IX–XIII вв. и равномерно распределенных по территории Древней Руси, он пришел, в частности, к выводу, что техника обработки черных металлов была общерусской и в одинаковой степени развитой как в городах Среднего Поднепровья, так и в районах Верхнего Поволжья, Чудского озера и других окраинах[4].

Впоследствии комплексный подход к изучению кузнечной продукции Великого Новгорода – крупнейшего центра на севере Руси – позволил Б.А.Колчину проследить на отдельных категориях эволюцию технологий, проявившуюся наиболее ярко на ножах: от трехслойного пакета в X–XI вв. к вварке стального лезвия в железную основу клинка в XII в., а затем к торцовой наварке стального лезвия в XIII в. и косой боковой в XIV–XV вв.[5] С тех пор, вот уже более тридцати лет, металлографический метод успешно применяется, обретя статус традиционного.

Сегодня мы располагаем значительными сериями металлографических анализов разнообразного железного инвентаря из многих памятников древнерусских земель, датируемого временем от IX до XVI в. включительно. Общее количество аналитического фонда составляет более 2 тыс. анализов.

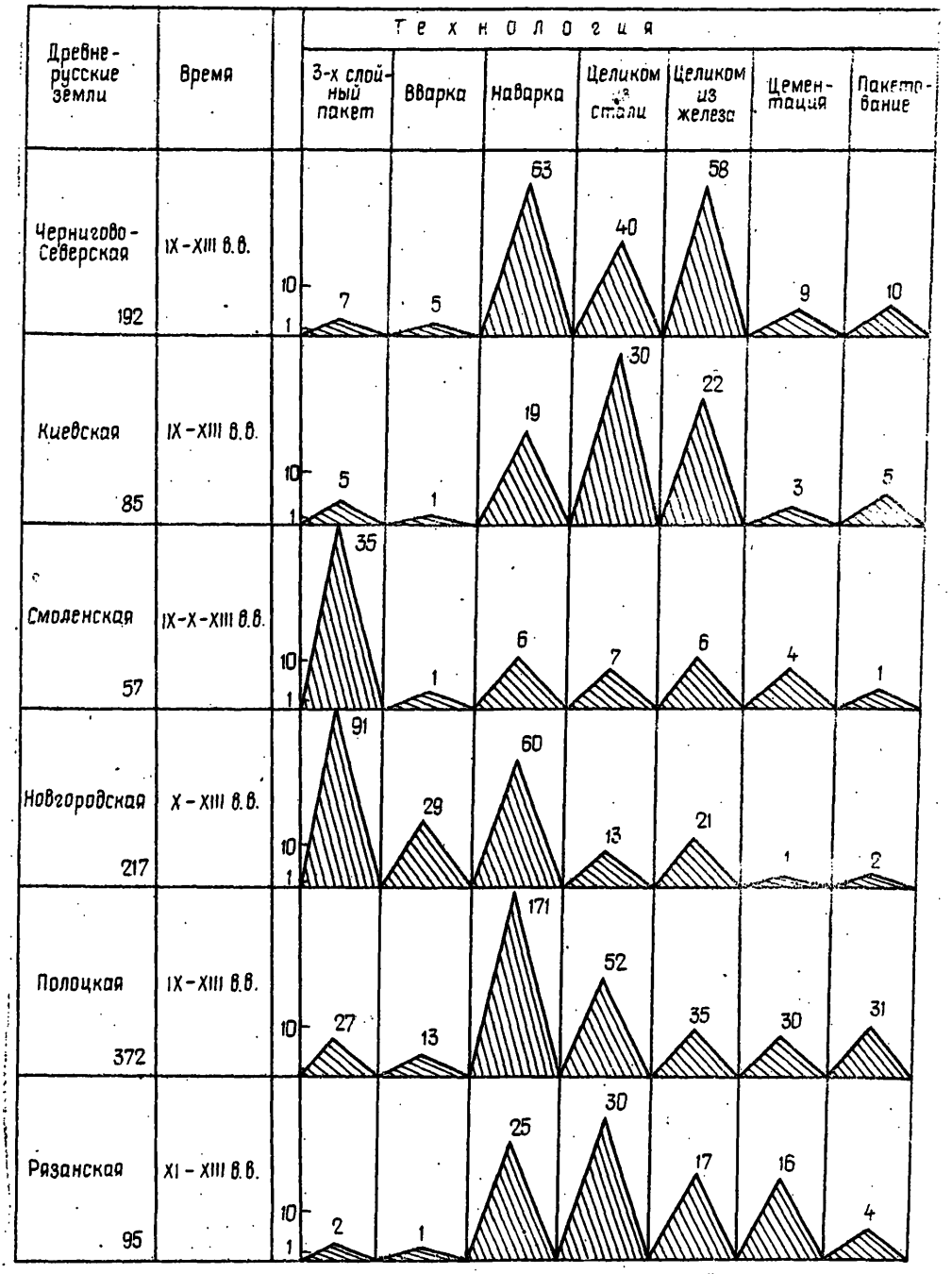
На основании полученной информации в сфере технологических навыков в отдельных древнерусских центрах в домогольский период обнаруживается тенденция различия, открывающая ряд перспективных направлений изучения древнерусского кузнечного дела, в число которых входит проблема поисков истоков и сложения производственных традиций в ремесле Киевской Руси, включая вопрос о технологических особенностях в железообработке Южной и Северной Руси.

В докладе проводится сравнительный анализ технологических приемов изготовления кузнечных изделий из памятников Чернигово-Северской земли и сопредельных с ней территорий: Киевской, Смоленской, Полоцкой, Новгородской, Рязанской. Объектом исследования с помощью металлографического метода послужили ножи, относящиеся по условиям стратиграфии залегания в культурном слое ко времени IX–XIII вв. Являясь наиболее массовой находкой среди изделий из черных металлов, эти универсальные орудия в силу своей специфики обладают подвижной технологией, быстро реагирующей на изменения в экономике древнего общества.

Аналитические материалы (192 экз.), собранные в разных пунктах Чернигово-Северской земли[6], свидетельствуют, что основная масса продукции – технически несложные изделия. Большая часть ножей (51 %) изготовлена из железа и разных сортов стали.

© *Л.С.Розанова, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990



Соотношение технологических схем, применяемых в производстве ножей в ряде древнерусских земель.

Среди сварных технологических конструкций преобладает наварка стального лезвия на железную основу (32,8 %). Трехслойный пакет и вварка на памятниках, как правило, малочисленны, а в материалах многих памятников отсутствуют и вовсе[7]. Операция цементации не характерна. Случаи использования пакетного металла (вторсырье) редки (рисунок).

На основании данных (85 экз.)[8] производство ножей Киевской земли можно характеризовать следующими показателями: преимущественное использование ножей с цельностальными и цельножелезными клинками (61,1 %). Сварные технологические конструкции представлены в основном в виде наварки (22,3 %). Практически в памятниках отсутствуют трехслойный пакет и вварка. Исключение составляет лишь Киев, но и здесь

эти технологические схемы не являются ведущими[9]. Приемы цементации не характерны. Вторсырье и отходы производства (пакетный металл) используются редко (см. рис.).

Технологическая характеристика условно Смоленской земли составлена на основе коллекций ножей (57 экз.) из двух памятников – Гнездова и Смоленска, каждый из которых являлся в свое время крупным торгово-ремесленным центром.

В целом для производства ножей Смоленской земли[10] характерны разнообразные технологии: изготовление изделий целиком из железа и стали, цементация клинка, вварка и наварка стального лезвия, трехслойный пакет (см. рис.).

Сравнительный анализ технологических показателей не обнаружил в ремесленной продукции древнего Смоленска таких сварных технологических схем, как вварка и трехслойный пакет. В своей практике смоленские мастера использовали цельностальную и цельножелезную конструкции изделий, сварку в виде наварной технологии. В Гнездове доминирующее положение занимает технология трехслойного пакета, составляющая среди исследованной продукции примерно 85 %. Все технологические схемы, зафиксированные в материалах Смоленска, представлены в Гнездове одним-двумя экземплярами.

География аналитических данных по Новгородской земле расширилась в последнее время за счет включения материалов из таких памятников, как Старая Ладога – крупнейший центр на северо-западе Руси, Тиверск и Паасо – поселения древней корелы, курганы на р.Оять, принадлежавшие приладожской веси, поселение у дер.Городище (Крутик), расположенное на территории белозерской веси[11].

Обобщение показателей по производственной технологии ножей (217 экз.) позволяет заключить, что в рассматриваемый период в Новгородской земле наибольшее применение имели сварные технологические конструкции, основанные на сочетании железа со сталью (см. рис.). Зарегистрированы в основном три схемы сварных технологий: трехслойный пакет, вварка, наварка. Они составляют около 83 % от общего числа исследованных орудий. Причем в характеристике кузнечной продукции X–XI вв. ведущая роль принадлежит вварной технологии, в частности трехслойному пакету, составляющему на отдельных памятниках (поселение у дер.Городище, Старая Ладога, Новгород) 80 % и более. В последующие столетия господствующим способом становится наварка стального лезвия на железную основу клинка.

Различные приемы цементации почти не применяются на всем протяжении рассматриваемого периода. Не характерна также отковка клинка из вторметалла и отходов производства. Доля цельностальных и цельножелезных орудий немногочисленна. В процентном выражении она составляет 6 и 9,7 % соответственно (см. рис.).

С территории Полоцкой земли серия анализов (372 экз.) по технологии изготовления ножей, относящихся к IX–XIII вв., самая представительная[12]. Обобщение данных позволяет говорить, что технология наварного стального лезвия в материалах коллекции превалирует, составляя 46 % от общего числа исследованных металлографически ножей (см. рис.). Доля остальных технологий представлена более низкими по сравнению с наварной схемой показателями. Максимальным значением (16 %) характеризуется технология цельностального клинка, минимальным (3,5 %) – технология вварки стального лезвия.

Однако соотнесение изученных изделий со стратиграфией поселений обнаруживает незначительность применения наварной технологии (всего в восьми случаях) в X–XI вв. В качестве ведущих выделяются такие, как сварка в схеме трехслойного пакета (25 экз.) и изготовление клинка из цельностальной заготовки (29 экз.). Отковка изделий из цельножелезных заготовок и сварных из вторметалла представлена несколько меньшим числом (21 и 22 соответственно). Приемов по улучшению рабочих качеств лезвия у этих ножей не обнаружено. Достаточно часто используется цементация клинка готового изделия (15 экз.).

В последующие столетия (XII–XIII вв.) в производстве ножей Полоцкой земли преобладает уже технология наварного стального лезвия (163 экз., что составляет около 65 %). Доля применения других технологических схем таких, как целиком из железа и стали, цементация, сварка из трех полос, вварка по сравнению с наваркой, весьма незначительна. Наибольший процент среди них имеет технология изготовления цельностального (12 %) и цементированного клинка (8 %). Показатели применения технологии вварки, целиком из железа и пакетования (вторметалл) между собой очень близки (4–5 %). Выполнение по трехслойной технологии составляет менее 1 %.

Технологическими данными по Рязанской земле мы располагаем, имея пока мате-

риалы лишь одного памятника – Старой Рязани, крупнейшего города на востоке Руси, датируемого в основном XI–XIII вв. Достаточная репрезентативность изученной коллекции ножей (95 экз.)[13] позволяет заключить, что для их производства характерно использование заготовок целиком из железа и стали (более половины от числа исследованных ножей), высокий процент поковок, изготовленных способом цементации (16,8%). Среди сварных конструкций лидирует наварная технология. Технологические схемы в виде вварки и трехслойного пакета представляют исключительную редкость (соответственно 1 и 2 экз.) (см. рис.).

Итак, мы рассмотрели технологию производства ножей из многочисленных пунктов ряда древнерусских земель. Но прежде чем суммировать полученные результаты аналитического изучения, следует подчеркнуть, что вычисления по показателям основных технологических характеристик не являются абсолютными, и по мере поступления новых материалов они будут корректироваться. Однако тенденция ясна уже и сейчас.

Для продукции южнорусских земель (Киевская и Чернигово-Северская) характерно использование простых технологий: целиком из железа и разных сортов стали. Однако при общем стремлении к простоте технологических решений среди кузнечных изделий довольно часто встречаются первоклассные экземпляры.

Технологическое своеобразие северорусских земель (Новгородская) выражается в предпочтительном использовании сварных конструкций, основанных на сочетании железа и стали с выходом последней на рабочую часть. В качестве основных технологических схем выделяются трехслойный пакет и наварка. Причем, первая является доминантой для X–XI вв., вторая – для последующих столетий. Примечателен факт длительного существования в Новгородской земле технологии трехслойного пакета, о чем свидетельствуют материалы из древнекарельских памятников, где ножи, выполненные в такой технологии, бытуют вплоть до XIV в.[14] Устойчивость традиции изготовлений по трехслойной технологии в тех местах следует искать, видимо, в характере самого ремесла, мало подверженного изменениям, связанным с работой на рынок. Появление трехслойного пакета в древнерусском ремесле также связано с Северной Русью. Наиболее ранние изделия, представленные ножами, отмечены в древнейшем горизонте Старой Ладоги (горизонт $Е_3$), датируемом дендрохронологическим методом 60-и VIII – 30-и годами IX в.[15]

Сравнительный анализ технологических характеристик изделий из памятников Смоленской земли показывает, что по количественному выражению и соотношению основных показателей кузнечная обработка Гнездова и Смоленска развивалась в разных традициях: в ремесле Смоленска обнаруживается преемственность с кузнечной обработкой Южной Руси, а в Гнездове она идентична технике железообработки Северной Руси.

Коллекция ножей из Старой Рязани по технико-технологическим показателям, характеризующим продукцию рязанских мастеров, весьма близка южнорусским материалам. В технологии железообработки Полоцкой земли вполне определенно прослеживаются черты сходства с продукцией железообрабатывающих центров как Южной, так и Северной Руси.

Вопрос об истоках производственных традиций в кузнечном ремесле Древней Руси является одним из наиболее сложных в проблеме истории черной металлообработки. Особенно это касается Русского Севера, где памятники носят смешанный характер (присутствие славянского, финно-угорского, балтского компонентов). Известны, кроме того, широкие связи городов Северной Руси со Скандинавией и другими странами.

При решении задачи о сложении традиций нельзя не учитывать и такого фактора, как социальное положение кузнеца. Так, различного рода зависимые ремесленники не были заинтересованы в поисках новых технологических решений, а использовали в своей практике хорошо отработанные технологические схемы. Их главная цель: высокое качество выполняемых работ (вотчинный ремесленник) и наибольшее разнообразие продукции (деревенский кузнец). Труд свободных ремесленников, цель которых не получение прибыли, а добывание средств к существованию в условиях конкуренции мобилизовывался иными факторами: он должен был опираться на наиболее экономичные средства и способы производства, предполагающие постоянный поиск оптимальных технологических режимов.

[1] *Арциховский А.В.* Новгородские ремесла // Ремесла и промыслы IX–XVIII вв. – М., 1937. – С.27–58.

2 *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. – М., 1948. – С.250–278.

3 *Колчин Ю.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. – 1953. – № 32. – 159 С.

4 *Там же.* – С.207.

5 *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – 1959. – № 65. – С.51–54.

6 *Вознесенская Г.А., Коваленко В.П.* О технике кузнечного производства в городах Черниговo-Северской земли // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. – Киев, 1985. – С.95–109; *Хомутова Л.С.* Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске // СА. – 1973. – № 2. – С.216–225; *Розанова Л.С.* Изучение технологии железных изделий // Прил.: *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. – М., 1987. – С.153–156.

7 *Вознесенская Г.А., Коваленко В.П.* Указ. соч. – С.96–106.

8 *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. – С.74–80; *Мезенцева Г.Г., Гопак В.Д.* Залізні вироби з стародавнього Белгорода // Археологія. – 1974. – Вип.14. – С. 73–81; Новое в археологии Киева. – Киев, 1981. – С.273; *Блажевич М.В., Недопако Д.П., Пролеева Я.Н.* К вопросу о кузнечном производстве на городищах Иван и Чучин // Земли Южной Руси в IX–XIII вв. – С.109–118; *Гопак В.Д., Хавлюк П.И.* Про технологію обробки заліза в уличів // Археологія. – 1973. – Вип. 12. – С.34–35; *Пачкова С.П., Гопак В.Д.* Залізообробне ремесло на городищі Гринчук // Там же. – 1981. – Вип. 36. – С.55–60.

9 Новое в археологии Киева. – С.273.

10 *Асташова Н.И., Пушкина Т.А., Розакова Л.С.* Сравнительный анализ технологии железообработки Гнездова и Смоленска // Археология и история Пскова и Псковской земли : Краткие тез. докл. науч.-практ. конф. – Псков, 1985. – С.55–56.

11 *Хомутова Л.С.* Кузнечная техника на земле древней веси в X в. // СА. – 1984. – № 4. – С.199–209; *Хомутова Л.С.* Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Прил.: *Кочкуркина С.И.* Древняя корела. – Л., 1982. – С.188–208; *Хомутова Л.С.* Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Прил.: *Кочкуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси. – Петрозаводск, 1985. – С.207–217.

12 *Гурик М.Ф.* Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. – Минск, 1987. – С.27–54.

13 *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. – С.74–80; *Толмачева М.М.* Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // СА. – 1983. – № 1. – С.246–250.

14 *Кочкуркина С.И., Розакова Л.С.* Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы // КСИА. – 1987. – № 190. – С.92.

15 *Хомутова Л.С.* Кузнечная техника на земле древней веси в X в. – С.208.

Л.И.ВИНОГРОДСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ КЕРАМИКИ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII–XV в.

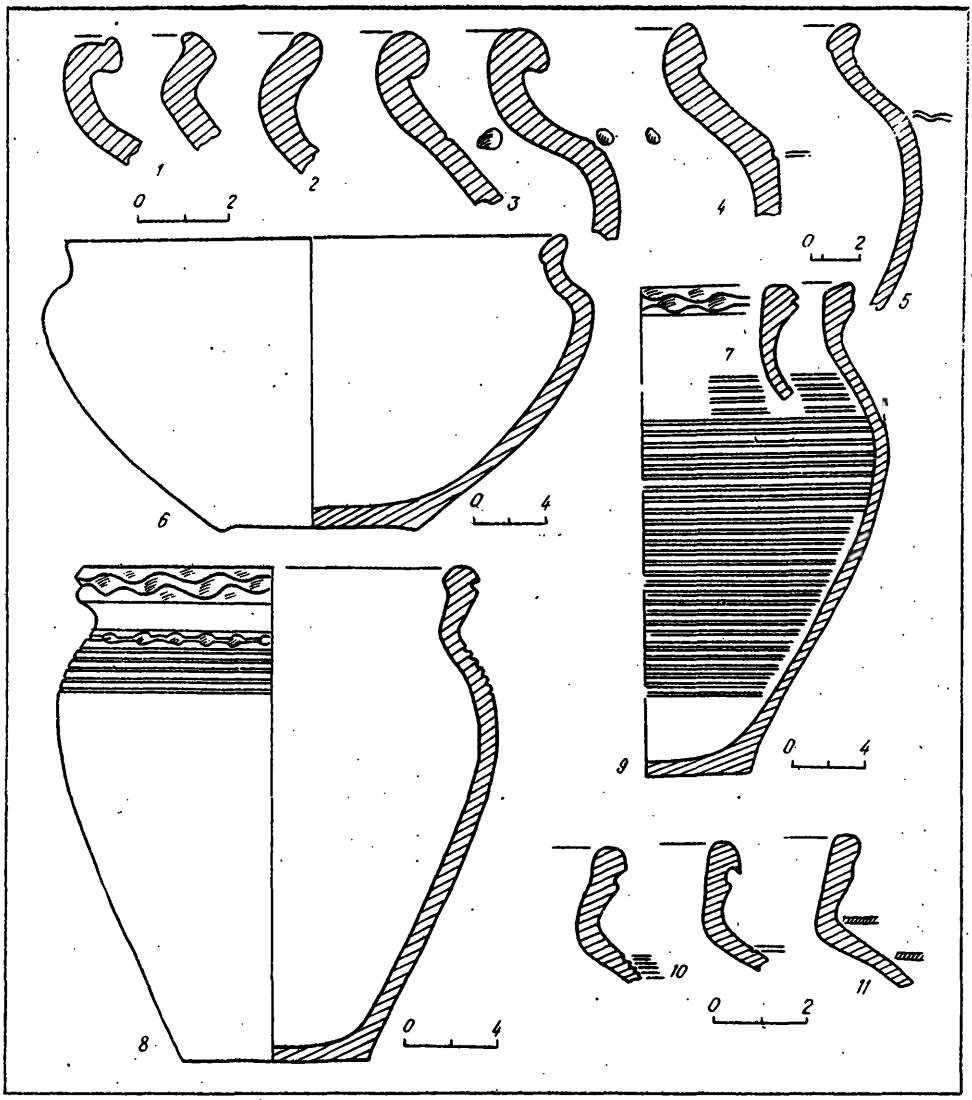
Предпринята попытка определить происхождение некоторых типов позднесредневековой керамики северо-восточных областей Чернигово-Северской земли. Установлено, что один из выделенных типов горшков имеет небольшой ареал распространения и связан с проникновением русской керамики (XIV–XVI вв.), второй принесен в XIV в. литовцами и затем вытесняется другими типами, третий распространен в XIV–XV вв. по всему Среднему Поднепровью.

Как известно, керамика – наиболее многочисленный археологический источник и наименее изменяющаяся во времени категория материальной культуры. Она более других категорий следует традициям, и смена ее типов зависит от многих факторов, в том числе и от изменения состава населения в данном регионе, появления новых гончарных традиций. Керамика активно изучается археологами. Тем не менее остается много невыясненных вопросов, связанных с возникновением новых типов, периодами их распространения и бытования в отдельных регионах. В равной степени это относится и к керамике второй половины XIII–XV в.

При исследовании археологического материала Новогорода-Северского выяснилось, что керамика второй половины XIII в. в большинстве своем (хотя ее в слое немного) продолжает традиции древнерусской керамики. Не изменяется ни состав теста, ни техника изготовления. Некоторые незначительные изменения прослеживаются в конфигурации венчика, более скромным становится орнамент, превращаясь в одну волнистую или несколько прямых горизонтальных линий по плечику (рис., *1, 2*). Но уже с конца XIII–XIV в. появляются новые типы керамики[1]. Один из них, с утолщенным снаружи венчиком в виде козырька или валика с различными его модификациями, был широко

© *Л.И.Виноградская, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990



Керамика XIII–XV вв.

распространен на территории Среднего Поднепровья в XIV–XV вв. и описан С.А.Беляевой[2]. Известен он и на смежных территориях, в Белоруссии[3], Румынии[4]. Подробно рассматриваться этот тип горшка не будет, так как для выяснения его происхождения собрано недоотаточно материала (рис., *3, 4*).

Другой тип появился в XIV в. В слоях XIV–XVI вв. он существует наравне с керамикой первого типа, преобладая в слое XVI в. Это горшок приземистой формы с широким горлом и утолщенным изнутри венчиком в виде треугольника. Тесто не отличается от древнерусского по составу, красно-или сероглиняное с примесью дресвы или крупнозернистого песка (рис. *5, 6*). Иногда встречаются экземпляры, покрытые белым ангобом. Орнаментирована такая керамика, как и первый тип, вдавливаниями палочкой по плечам, иногда двойной волной. Попадаются горшки и без орнамента. Данный тип в большом количестве зафиксирован в позднесредневековых слоях Путивля[5]. В других регионах Среднего Поднепровья подобная керамика не встречается, что позволяет ограничить ее распространение северо-восточной частью северских земель. Наиболее близкие аналоги этому типу находим в керамике XII–XV вв. древнерусского города вятичей Болдыж и в московской керамике, где она фиксируется с XII в. и продолжает существовать и в XVII в.[6] Подобное оформление венчика с небольшой вариацией из-

вестно в русской керамике Болгара XIII–XIV вв.[7] Историческая судьба северских земель, порубежных, как в древнерусское, так и в позднесредневековое время, тесно связана с соседней вятичской землей. В древнерусское время часть вятичских земель, включая Болдыж, входила в состав Черниговского княжества и являлась волостью Новгорода-Северского[8]. После татаро-монгольского нашествия эти земли находились под властью баскаков Золотой орды и платили ей дань. Возможно, жизнь в северских землях была несколько легче и свободней в силу территориальной удаленности, что послужило поводом для эмиграции части жителей вятичских поселений в северские земли. Этим можно объяснить появление нового типа керамики на этой территории. Следует обратить внимание еще на одну особенность керамики: приземистость и широкогорлость, черту, позволяющую предположить наличие в ней болгаро-татарских элементов. Недостаточная изученность позднесредневековой керамики не дает возможности более подробно рассмотреть этот вопрос, но вероятность косвенного влияния форм этой посуды на развитие левобережной украинской керамики допускается. Ведь она существует на этой территории вплоть до XVII в., когда появился новый единый тип горшка, распространившийся по всей Украине и ставший общеукраинским вплоть до XX в. (рис., *10, 11*).

Третий тип керамики отличается от первых двух по многим признакам (рис., *7–9*). Изделия этого типа изготовлены из белой глины с примесью мелкозернистого песка, тонкостенные, стройных пропорций с ярко выраженным утолщением с внешней стороны венчика, часто с пальцевыми защипами по утолщению. Тесто слоистое, изнутри они обычно покрыты зеленой поливой. Орнаментированы прямыми горизонтальными рифлениями от плеч по всему корпусу или только по плечам. Керамика изготовлена на быстро вращающемся гончарном круге, днище срезано ниткой. В отличие от остальной керамики, изготовленной по древнерусским традициям ленточным способом по РФК-4, она изготовлена способом вытягивания из одного куска по РФК-6. Фиксируется керамика в Новгороде-Северском в слое XIV в. в очень небольшом количестве (единичные экземпляры). В слое и постройках XIV–XV вв. фрагменты и целые формы таких горшков встречаются практически по всей территории Среднего Поднепровья. Появляется она на Среднем Поднепровье с вторжением в южнорусские земли Литвы и отличается от остальной керамики и технологией изготовления, и манерой декорирования. Качеством исполнения и высоким уровнем внешнего оформления она стояла выше остальной керамики этого периода. Если в Новгороде-Северском, Чернигове, Белой Церкви[9] она практически идентична, отличаясь несколько пропорциями, то в Киеве наряду с такой керамикой встречается и более грубо выполненная сероглиняная, по-видимому, местного изготовления. Привлекает внимание горшок из материалов раскопок у с. Григоровка Черкасской обл.[10], найденный в слое XIII–XV вв. Сероглиняный, с довольно толстыми стенками, по всей вероятности, местного подражания описанному выше типу, он имеет добавочное украшение в виде полосы защипов по плечам (рис., *6*).

Третий тип керамики северо-восточных областей Чернигово-Северской земли особенно интересен для изучения развития украинской керамики, так как именно он явился прототипом керамики XVII в. И не только по конфигурации венчика, манере декорирования, но и по технологии изготовления. На данном этапе изучения украинской керамики мы не можем проследить, развивался ли этот тип, занесенный на территорию Украины литовскими феодалами и имеющий аналоги в Литве и Польше XIV–XV вв., на протяжении веков вплоть до XVII в., или был занесен вновь во время польской экспансии в XVII в. Можно только сказать, что в северских землях он встречается в слое XIV в., а затем исчезает, появляясь на новом этапе развития уже в слое XVII в.

Таким образом, исследование позднесредневековой керамики северских земель позволило выделить несколько типов горшков различного происхождения. Один из них имеет небольшой ареал распространения, охватывая только северские земли, и связан с проникновением русской керамики. Появляется он в конце XIII–XIV вв. и существует вплоть до начала XVII в. Другой принесен в XIV в. литовским населением и бытует здесь недолго, вытесненный другими типами. По-видимому, отток литовского населения повлек за собой его исчезновение. Керамика с утолщенным снаружи венчиком, распространенная в XIV–XV вв. по всему Среднему Поднепровью, требует специального изучения, так же, как и керамика второй половины XIII в.

1 *Виногородська Л.І.* До питання про хронологію середньовічної кераміки з Новгорода-Сіверського // Археологія. – 1988. – Вип. 61. – С.47–53.

2 *Беляева С.А.* Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV вв. – Киев, 1982. – С.76.

3 *Левко О.Н.* Профилировка и орнаментика керамики XII–XV вв. Северо-Восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. – Минск, 1983. – С.80. – Рис. 18; *Загорульский Э.М.* Возникновение Минска. – Минск, 1982. – С.242.

4 *Mircea D.* Matei, Emil I. Emandt. Cetatea de Scau sin Curtea domneasca din Suceava. – Bucureşti, 1988. – XLIII.

5 *Сухобоков О.В.* Отчет Левобережной славяно-русской экспедиции за 1979–1981 гг. // НА ИА УССР. – 1981/2.

6 *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. – М., 1987. – С.177. – Рис. 84. – Тип. XI, XII.

7 *Хлебникова Т.А.* Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – Рис. 51, *4*.

8 *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. – С.147.

9 *Іванченко Л.І., Орлов Р.С.* Про локалізацію літописного Юр'єва // Археологія. – 1988. – Вип. 53. – С.5. – Рис. 3.

10 *Петрашенко В.А., Бобровский Т.А.* Отчет Днепровско-древнерусской экспедиции за 1986 г. // НА ИА АН УССР. – 1987.

А.П.МОЦЯ

СРУБНЫЕ ГРОБНИЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ

Имеющиеся материалы позволяют рассматривать срубные гробницы на могильниках южнорусских земель как один из вариантов погребального обряда представителей правящих слоев древнерусского общества. Ритуал этот отображает те же характерные черты, что и весь комплекс дружинной культуры на Руси: формирование и развитие явления в целом на местной восточнославянской основе, но в контактах с другими этносами средневекового мира.

Захоронения дружинников первых веков существования Древнерусского государства постоянно привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей при решении тех или иных вопросов средневековой истории восточных славян. Среди дружинных древностей особое место занимают так называемые срубные гробницы – подкурганные захоронения по обряду трупоположения, в которых стенки могильных ям обложены деревом. Единственное обобщающее исследование по этой группе захоронений осуществлено более 40 лет тому назад Д.И.Блифельдом[1].

Однако его труд не потерял значения и сегодня. Его широко используют многие исследователи, изучающие погребальный обряд населения Среднего Поднепровья рубежа I–II тыс. н.э., а также других смежных территорий. Но все же повторное обращение к данной теме необходимо. Дело в том, что исследователь рассматривал проблему срубных гробниц как элемент всего погребального обряда дружинной культуры на Руси. И это было вполне правомерно на том этапе исследований. Такой подход позволил проследить иерархическую градацию господствующего класса в том виде, каком она отразилась в канонах погребального обряда. В то же время Д.И.Блифельд для своих построений использовал ряд захоронений, где дерево при устройстве могильных камер не использовалось. Не сделана также подробная сводка упомянутых захоронений, недостаточно полно проанализированы элементы погребального ритуала – описания комплексов давались в целом, суммарно. Кроме того, исследования последних десятилетий пополнили количество срубных гробниц, известных на некрополях южнорусской территории. А это, в свою очередь, вызвало необходимость вновь обратиться к группе древнерусских захоронений.

Термин "срубные гробницы" мы понимаем условно – в связи с его постоянным применением в отечественной научной литературе. Как будет показано ниже, помимо собственно срубов в южнорусских могилах применялась и столбовая конструкция. В ряде случаев отмечались только следы деревянных обшивок стен могильных ям, тлен дерева на полу могилы и остатки перекрытий. В данной работе мы не учитывали многие обширные по размерам гробницы-камеры, где не зафиксированы остатки дерева в конструкциях могил, хотя можно полагать, что какая-то часть из них принадлежала к срубным (деревянная обшивка не сохранилась в связи с климатическими условиями).

На южнорусской территории к настоящему времени известно около 60 срубных

© *А.П.Моця, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

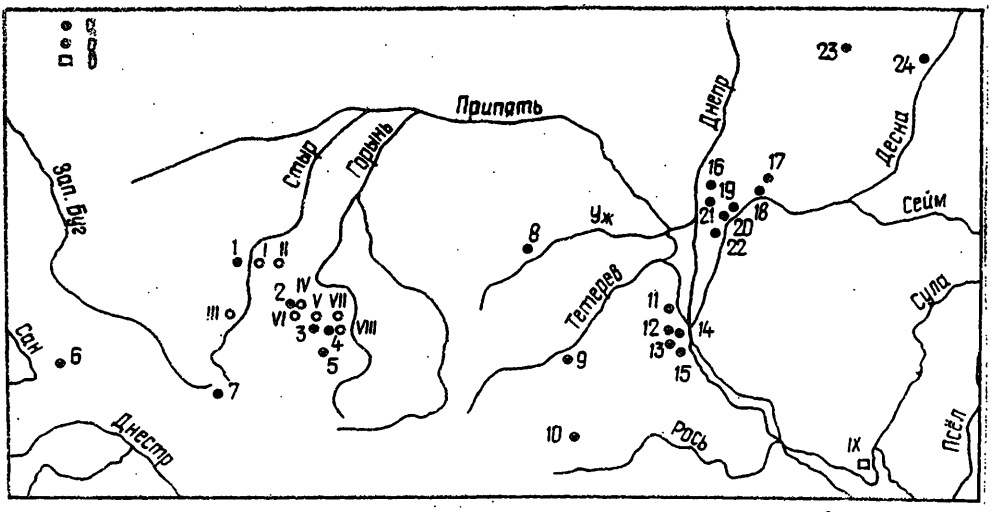


Рис. 1. Срубные гробницы и "склепы" на южнорусских могильниках.
Гробницы в курганах: *1* – Городище, *2* – Пересопница, *3* – Белев, *4* – Старожуков, *5* – Понебель, *6* – Судовая Вишня, *7* – Подгорцы, *8* – Коростень, *9* – Ленино, *10* – Ягнятин, *11* – Вышгород, *12* – Совки, *13* – Жуляны, *14* – Киев, *15* – Китаев, *16* – Клонов, *17* – Седнев, *18* – Толстолес, *19* – Табаевка, *20* – Чернигов, *21* – Гущин, *22* – Шестовица, *23* – Левинки, *24* – Кветунь.
"Склепы": I – Теремно, II – Ставок, III – Новоселки, IV – Пересопница, V – Белев, VI – Басов Кут, VII – Колоденка, VIII – Старожуков. Сруб в грунтовой могиле: IX – Жовнино.
а – срубные гробницы под курганной насыпью; *б* – склепы; *в* – сруб в грунтовой могиле.

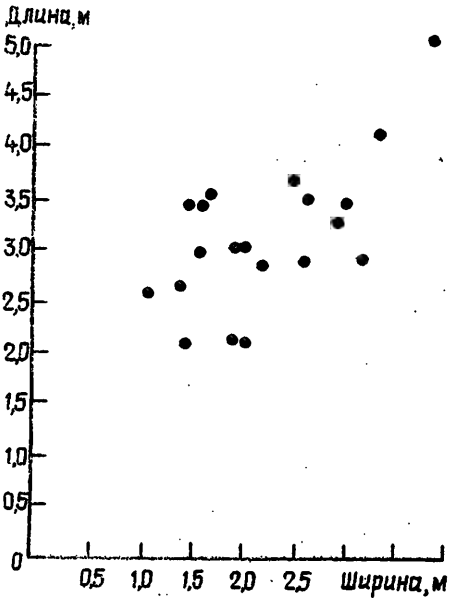
гробниц (рис. 1). Из них наиболее изучена группа захоронений Днепро-Деснянского междуречья, интерес к которым возник еще со времен работы Д.Я.Самоквасова. Есть сведения о 23 комплексах на могильниках Клонов, Седнев, Толстолес, Табаевка, Чернигов, Гущин, Шестовица, Левинки, Кветунь. Что касается конструкции деревянной камеры, то лишь в шести захоронениях Шестовицкого некрополя зафиксированы следы от столбов. В остальных случаях их отсутствие или следы сруба предполагают горизонтальное расположение бревен или плах, из которых состояла конструкция.

Вторая группа срубных гробниц – захоронения Киева и его округи. Здесь выявлено более 20 погребений со следами деревянной облицовки могильных ям. Еще Д.И.Блифельд отмечал, что киевские захоронения дошли до нас в поврежденном состоянии, а некоторые из них обнаружены случайно и археологически не исследованы. Тем не менее известно, что только в одном случае в Киеве зафиксирована столбовая конструкция камеры.

Совершенно не учитывались в предыдущих исследованиях срубные гробницы на территории Волыни, где на могильниках Городище, Пересопница, Белев, Старожуков, Понебель, Судовая Вишня, Подгорцы, Коростень, Ленино отмечено свыше 10 захоронений со следами дерева на стенках могильных ям. Столбовая конструкция камер в этом регионе не зафиксирована вообще. Срубные гробницы обнаружены под курганными насыпями. Еще в одной грунтовой могиле жовнинского некрополя зафиксированы остатки сруба с безынвентарным захоронением внутри.

Кроме деревянных конструкций, в могильных ямах на ряде некрополей Волыни выявлены также срубы, поставленные на уровне древнего горизонта, которые описала Е.Н.Мельник[2]. Она четко отделила их от гробовищ, изготовленных из толстых досок, и назвала "склепами". Всего зафиксировано 10 погребений с остатками склепов на таких могильниках, как Теремное, Ставок, Новоселки, Пересопница, Белев, Басов Кут, Колоденка, Старожуков. Размеры склепов колеблются: по длине от 3,1 до 2 м, по ширине от 2,4 до 0,7 м. Отличаются они от гробовищ и по высоте – от 0,6 до 1 м (высота гробов менее 0,5 м).

Что касается "классических" срубных гробниц, то их размеры в днепро-деснянской, киевской и волынской группах приблизительно одинаковы. В первом случае длина камеры колеблется от 5 до 2,1 м, ширина от 3,8 до 1,2 м; во втором – от 5,5 до 1,8 м и от 5,5 до 0,9 м; в третьем – от 4 до 2 м и от 3 до 0,9 м (рис. 2–4). Глубина могильных ям различна – от 0,3 до 3,75 м.



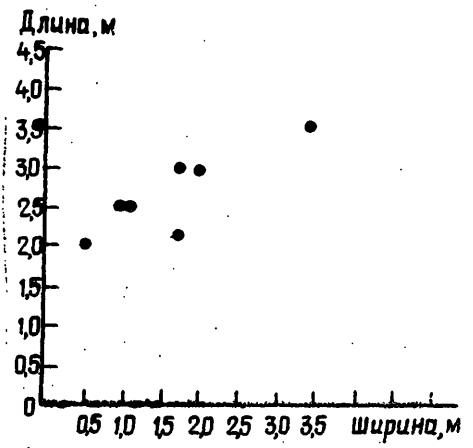


Рис. 2. Размеры могильных ям Днепро-Деснянского междуречья.

Рис. 3. Размеры могильных ям в Киевской округе.

Ориентировка умерших в подавляющем большинстве совершена по линии запад — восток (головой на запад). Только в двух захоронениях киевского некрополя выявлены погребения в меридиальном направлении (один раз головой на юг, второй — на север), а еще в одном — головой на восток. В двух могилах шестовицкого некрополя зафиксированы захоронения в сидячем положении, еще в двух — в скорченном. Остальные умершие лежали вытянуто на спине.

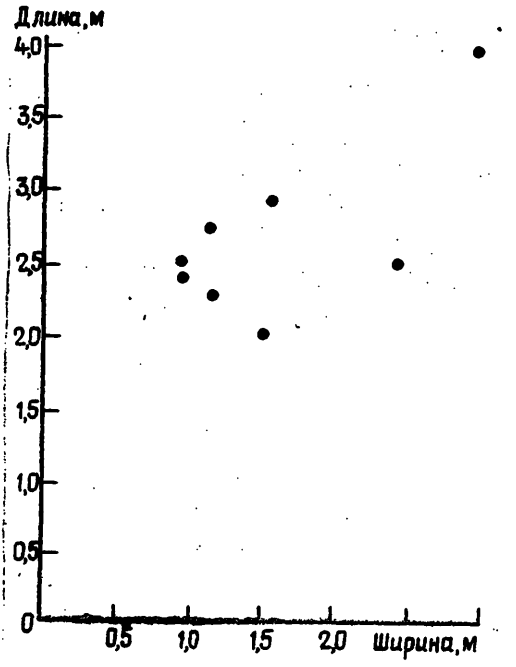


Рис. 4. Размеры могильных ям волынской группы.

В рассматриваемых комплексах неоднократно отмечались такие элементы погребального обряда, как групповые погребения, угли и пепел, остатки фауны и флоры, наличие гробов и бересты. Из этих сведений следует, что характерным для погребальных комплексов со срубными гробницами являются одиночные захоронения: 65 % всех гробниц Днепро-Деснянского междуречья, 77 % гробниц Киева и округи, 86 % погребений волынской группы. В наземных склепах Волыни групповые захоронения умерших вообще отсутствуют. Наблюдаются пережитки обряда кремации: пепел и угли в курганной насыпи (17 % погребений в междуречье Днепра и Десны, 9 % — в киевской группе, 7 % — в волынских срубных гробницах и 10 % в склепах этой территории), а также у покойника (соответственно 4, 9, 21, 60 %). Зафиксированы остатки фауны в курганной насыпи (9 % могил Днепро-Деснянского региона, 5 % — киевского) и около умершего (48 % в первом случае, 18 % — во втором, 7 % — в волынской группе срубных могил). Отмечались находки костей свиньи, барана, птицы, других зверей. Чаще всего фиксировалась лошадь (целые остовы или фрагменты). В одном случае в Шестовице

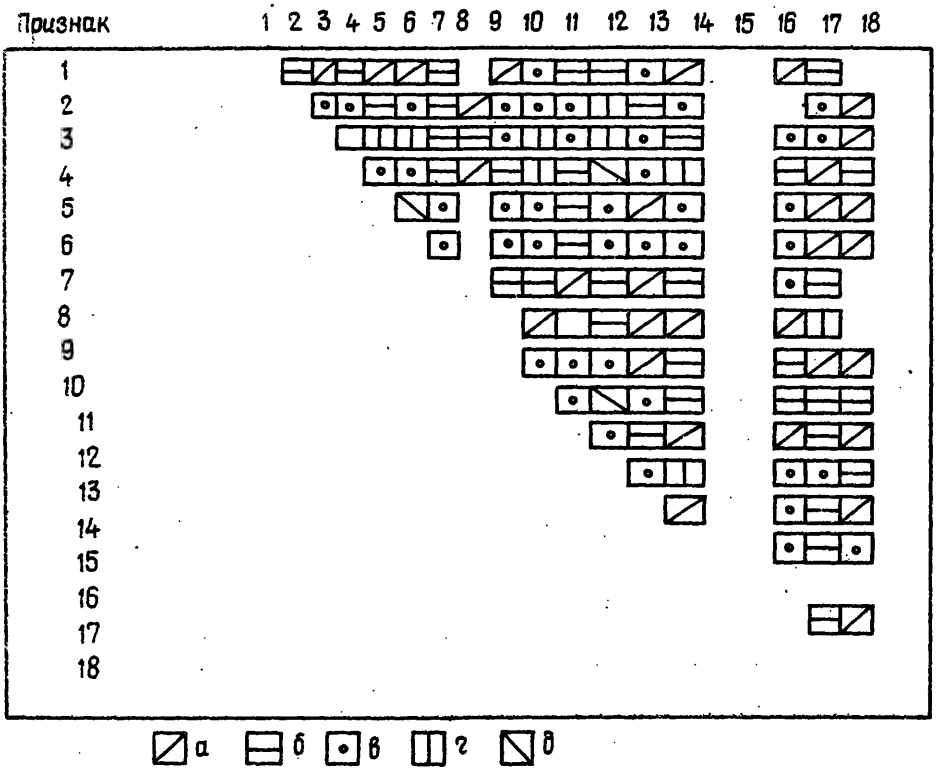


Рис. 5. Взаимосвязь категорий погребального инвентаря в срубных гробницах междуречья Днепра и Десны.
Признаки: 1 – керамика в насыпи; 2 – керамика в могиле; 3 – другие емкости; 4 – ножи; 5 – кресала и кремни; 6 – оселки; 7 – гирьки и весы; 8 – ларцы; 9 – орудия труда; 10 – оружие и доспехи; 11 – снаряжение коня; 12 – элементы костюма; 13 – украшения; 14 – туалетные принадлежности; 15 – принадлежности для игр; 16 – амулеты и кресты; 17 – монеты; 18 – сумки.
а – менее 0,1; *б* – 0,1–0,2; *в* – 0,3–0,4; *г* – 0,5–0,6; *д* – более 0,6.

обнаружено меморативное сооружение с конскими останками; 13 % гробниц междуречья Днепра и Десны содержали остатки флоры (в основном скорлупу ореха).

Характерная черта захоронений в срубных гробницах и склепах – отсутствие гроба. К ним относится подавляющее число комплексов междуречья Днепра и Десны, 45 % всех захоронений киевской группы, 36 – волынской, 60 % – склепов Волыни. Относительно невелико число безынвентарных захоронений (9 % – в Днепро-Деснянском междуречье, 14 – в киевской группе, 36 – в волынском регионе, 10 – в склепах Волыни). Перечисленные элементы погребального обряда указывают на его связь с языческим ритуалом, с погребальным обрядом восточных славян более раннего времени.

Разнообразен и выявленный в погребениях инвентарь: более богатый, чем в массе ординарных захоронений этого времени. Находки группируются в следующие категории: керамика (в насыпи и около умершего), другие емкости (деревянные ведра и в двух случаях кубки из турьих рогов), ножи, кресала и кремни к ним, оселки, гирьки и весы, ларцы, орудия труда (прясла, шило, ножницы, серпы, шипцы, штампы для изготовления украшений, наковальня, молоток), оружие и доспехи (топоры, мечи, луки и стрелы, колчаны, сабля, скрамасаксы, кинжалы, шлем, щит), снаряжение коня (удила, стремена, остатки седел, наременные украшения, пряжки от подпруги), элементы костюма (кольце-, подково- и черепаховидные фибулы, пуговки, лиро- и кольцевидные пряжки, остатки тканей и кожи), украшения (кольца, бусы, серьги, привески), туалетные принадлежности (костяные гребни, бронзовый пинцет), принадлежности для игр (астрагалы), амулеты (круглые подвески, лунницы, костяное изогнутое острие с вырезанной мордой животного, просверленные клыки медведя и кабана, дирхем с выцарапанным крестом, ложечка, миниатюрный топорик, деревянный предмет в форме пти-

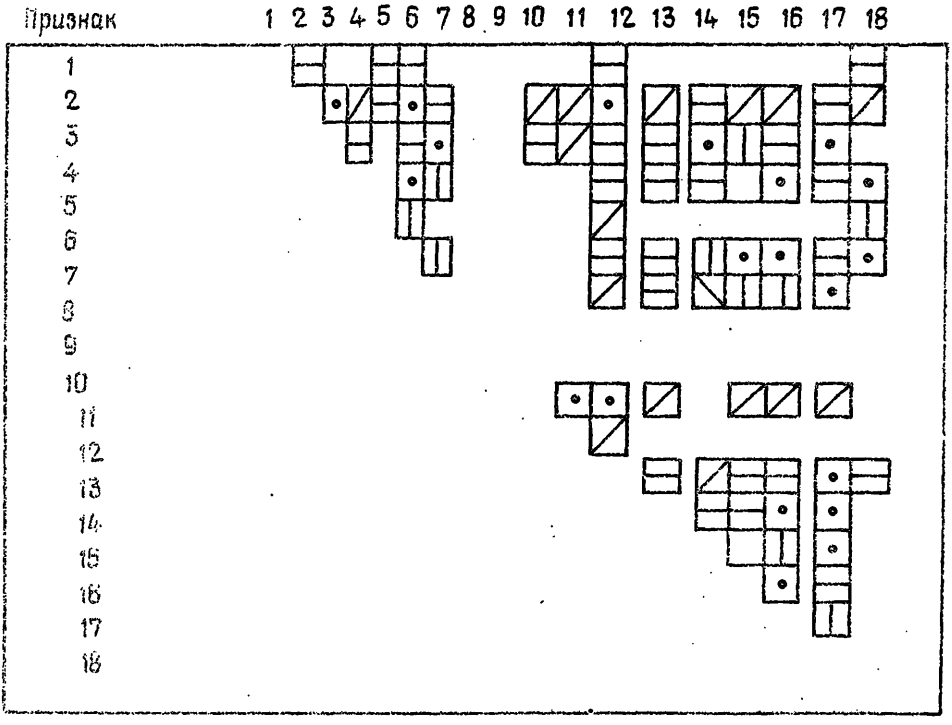


Рис. 6. Взаимосвязь категорий погребального инвентаря в срубных гробницах Киева и округи.(Нумерацию признаков и условные обозначения см. на рис. 5.)

ды с орлиным клювом) и крестики, монеты, кожаные сумки. Кроме того, в единичных случаях найдены кусочек воска (Шестовица), кусочки смолы (Киев, Седнев), кремневые отщепы (Колоденка, Старожуков), ключ (Пересопница); миниатюрные железные тесло, клещи, молоточек, наковаленка, лопаточка (Шестовица).

Проследим, как взаимосвязаны упомянутые группы вещественного инвентаря в могилах каждого из рассматриваемых регионов. Для этой цели воспользуемся широко применяемой формулой $F = \frac{S^2}{KL}$, где F показатель сходства, K, L – число случаев наличия каждого из двух признаков для выделения степени корреляции в тех или иных археологических комплексах, а S – число случаев сочетания обоих признаков в отдельных комплексах[3].

Наиболее полную картину в связи с качеством фиксации, в первую очередь, представляют находки в курганах междуречья Днепра и Десны (рис. 5). Здесь достаточно высокая взаимосвязь прослеживается среди некоторых категорий инвентаря (оружие, ножи, элементы костюма). В целом корреляция имеет место практически среди всех выделенных групп вещей. В то же время в срубных гробницах Днепро-Деснянского междуречья совершенно отсутствуют принадлежности для игр. Близкая картина наблюдается в Киевском регионе (рис. 6), хотя в ряде случаев сведения о раскопанных захоронениях фрагментарны, о чем уже говорилось. Нужно отметить, что в этом районе Южной Руси в захоронениях с деревянными обкладками стен могильных ям нет находок орудий труда и ларчиков. Очень слабо взаимосвязаны элементы немногочисленного инвентаря в срубных гробницах волынской группы (рис. 7), но намного сильнее в склепах (рис. 8). В последнем случае все же не отмечены находки кресал, снаряжения коня, принадлежностей для игр, монет и сумок.

Проанализированные материалы позволяют перейти к вопросам хронологии, происхождения обряда срубных гробниц, этнической принадлежности погребенных в них. Целый ряд исследованных комплексов можно отнести к X в., исходя из находок в них предметов вооружения, снаряжения коня того времени. Датировку многих могил X в. подтверждают и находки монет, костяных гребней, некоторых типов фибул и украшений[4]. Это курганы № 21, 36, 42, 61, 78, 110, 145 шестовицкого некрополя, № 11, 17 – черниговского, № 7 – табаевского, № 16 – клоновского, большой курган гущинского,

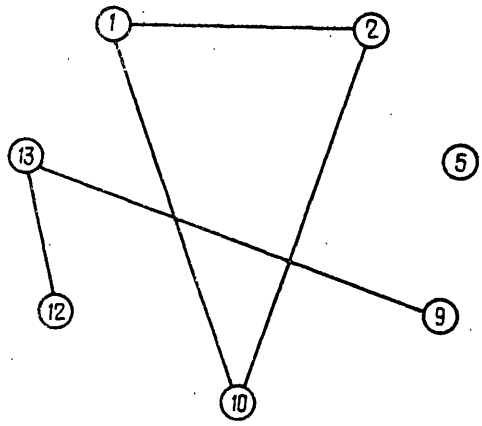


Рис. 7. Взаимосвязь категорий погребального инвентаря в срубных гробницах Волыни. (Нумерацию признаков см. на рис. 5.)

№ 109, 110, 112–114, 117, 123 – киевского, № 1, 3 – китаевского, а также захоронения в склепах в курганах № 5 старожуковского, № 32 – белевского, № 29 – пересопницкого могильников. Появление перечисленных комплексов в X в., как и многих других, отличающихся только отсутствием деревянных обкладок стен могильных ям, можно объяснить тем, что в то время идеология класса феодалов окончательно сформировались в четкую систему взглядов и идей, а это, в свою очередь, привело к значительным изменениям в погребальном обряде представителей господствующей верхушки.

Однако захоронения в срубных гробницах известны и несколько позднее: после введения на Руси христианства. Так, X–XI вв. можно датировать курган № 1 толстолесовского некрополя (керамика), № 2 – китаевского (лировидная пряжка, керамика), № 36 – белевского (калачевидное кресало), № 1 – в Судовой Вишне (бусы). К XI в. относятся курганы № 3, 6 в Кветуни и № 12 в Старожукове (бусы, подвеска), № 9 в Совках (железная кольцевидная пряжка), а к XI–XII вв. – № 1 в Китаеве (витой перстень) и № 12 в Белеве (S-видное кольцо). Вероятно, началом II тыс. н.э. следует датировать и многие безынвентарные захоронения киевской и волынской групп срубных гробниц. Косвенно подтверждает это срубное захоронение на могильнике у с. Жовнино на Суле, появившееся после создания на Левобережье Днепра оборонительной линии при Владимире Святославиче.

Рассматривая проблему происхождения срубных гробниц древнерусского времени, напомним, что между советскими и зарубежными исследователями существуют противоположные взгляды: первые считают их славянскими, вторые – скандинавскими, занесенными на Русь викингами[5]. Кроме того, необходимым условием эффективного определения этнической принадлежности той или иной группы памятников является выяснение их генетической связи с предшествующим временем. В данном случае, по нашему мнению, связь между рассматриваемыми погребениями и восточнославянским погребальным обрядом более раннего времени существует. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи фиксации в славянских курганах (и не только на территории Восточной Европы) второй половины I тыс. н.э. прямоугольных в плане деревянных конструкций[6]. На Руси в конце I тыс. н.э., во времена окончательного разделения общества на классы, размеры погребального сооружения, как и инвентарь, служили выражением степени значимости при жизни той или иной личности. Пример тому – знаменитый черниговский курган Черная Могила. При переходе к обряду ингумации эта языческая социальная символика, вероятно, сохранилась, что привело к возникновению деревянных склепов на рассматриваемой территории Волыни. Известны аналогичные деревянные сооружения и на территории других восточнославянских племен[7]. В Среднем Поднепровье, куда, по сведениям письменных источников в конце I тыс. н.э., активно проникала христианская религия, срубные гробницы устанавливались в могильные ямы, как это было и на севере Европы, в частности в Бирке[8]. В процессе христианизации Руси инвентарь постепенно исчезает из срубных гробниц, что особенно заметно в ямных захоронениях с деревянными обкладками стен на Волыни (вероятно, сменивших здесь погребения в наземных склепах) и в некоторых комплексах киевской округи (Совки, Жуляны, Китаево). Создается впечатление, что на Левобережье Днепра обряд погребения в срубных гробницах пришлый, и появился он во времена великокняжеских дружин на Черниговщине. Об этом говорят хотя бы факты устойчивого применения в данном районе обряда кремации различными слоями автохтонного населения вплоть до 988 г.[9], а также более быстрое прекращение использования срубных гробниц после упомянутого года.

Приведенные материалы позволяют предполагать самостоятельное появление обря-

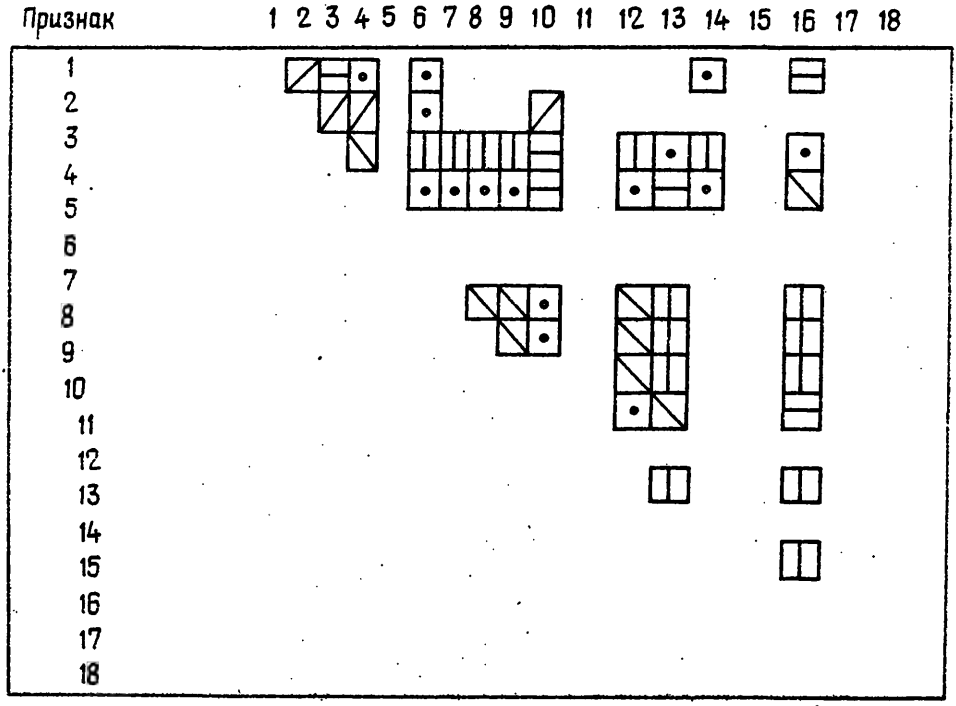


Рис. 8. Взаимосвязь категорий погребального инвентаря в "склепах" Волыни. (Нумерацию признаков и условные обозначения см. на рис. 5.)

да захоронения в срубных гробницах в восточнославянском мире. В целом следует отметить, что споры по поводу места появления этого обряда в Европе и его последующего распространения до последнего времени велись в основном в одном хронологическом срезе – вторая половина I тыс. н.э. В то же время деревянные обкладки стен могильных ям известны у разных народов Евроазийского материка еще с III тыс. до н.э. В эпоху меди – бронзы они присутствуют в древностях кемиобинской и срубной культур на территории Северного Причерноморья, в могильнике Синташта в Южном Зауралье[10]. Большим числом данный элемент погребальной обрядности представлен в различных археологических культурах I тыс. до н.э.[11] Использовалась обкладка стен деревом и многими этническими общностями I тыс. н.э.[12] При этом, в частности, следует заметить, что значительные отличия в камерных гробницах меровингской эпохи от более поздних на территории Скандинавии не позволяют усматривать генетическую связь между ними[13]. Вероятнее всего, рассматриваемую деталь погребального обряда многих народов древности можно связать с интернациональной идеей дома, который отделил человека от космоса, вырос между ними и вследствие с этим приобрел характерные черты медиационного комплекса[14]. Истоки этой интернациональной идеи индоевропейского пласта, отложились в идеологии разных этносов более позднего времени. Говоря об автохтонности таких представлений в восточнославянской среде, можно отметить хотя бы стабильное наличие во многих русских сказках такой известной детали, как избушка на краю сказочного леса – царства мертвых, которая служила входом в загробный мир[15]. Рассматриваемые срубные гробницы вполне вписываются в блок таких представлений.

Но это, конечно, не значит, что само по себе существование срубной гробницы в средние века на территории Восточной Европы, в частности на южнорусских землях, определяет автоматически этническую (в данном случае восточнославянскую) принадлежность погребенного в ней. Некоторые элементы обряда отдельных комплексов позволяют предполагать, что здесь захоронены выходцы из других земель. Так, возможно, переселенцами из финно-угорской среды являлись погребенные в могилах № 105 и 123 в Киеве, ориентированные меридионально, что характерно для погребального обряда населения северо-восточных и северных областей Восточной Европы[16]. В то же время не-

характерная для славян восточная ориентировка в погребении № 113 того же некрополя в сочетании с остатками коня, упряжи, колчана со стрелами дает основание видеть в умершем выходца из южнорусских степей. К северным поселенцам необходимо относить и обряд погребения сидя в шестовицких курганах № 42 и 110 – обряд часто применявшийся в северорусских областях[17]. Несколько комплексов на левобережных некрополях следует интерпретировать как захоронения скандинавов. Это, в первую очередь, курганы № 11, 17 в Чернигове и № 36 в Шестовице, где остовы оседланных коней находились за пределами деревянной камеры или на земляных уступах в ногах умерших. Полный аналог этим деталям обряда имеется в Бирке[18]. Кроме того, в кургане № 36, о чем уже говорилось, найден набор кузнечных инструментов таких миниатюрных размеров, что ими нельзя было выковать и стрелы[19]. Этот символический инструментарий можно объяснить как пережиток погребального обряда вендельского периода, для которого характерно размещение в богатых мужских погребениях кузнечных инструментов. Скандинавскими, вероятно, являются и захоронения в курганах № 61 (погребение 4) и 78 упомянутого некрополя в Шестовицах. Умершие находились в скорченном состоянии – положении, составляющем 91 % всех хорошо сохранившихся скелетов в камерных гробницах Бирки[20]. К тому же в первом случае обнаружена изогнутая сабля (обычай порчи оружия характерен для скандинавов), а во втором – черепаховидные фибулы (характерная деталь скандинавского женского костюма). Возможно, что к викинговым относится и погребение дружинника в кургане № 10 в Табаевке – на его правой руке выявлен браслет-наручень. Подобные украшения известны и в воинских захоронениях Прибалтики, но ориентация мужских погребений там совершена не в западном, а в восточном направлении[21].

Мы сознательно ограничились при этническом определении той или иной могилы перечисленными находками вещественного инвентаря, а не всем комплексом находок. Нетрудно заметить, что многие из вещей известны и в других регионах, в первую очередь на европейском севере. Они не являются характерной чертой обрядности исключительно срубных гробниц на юге Руси. Исследования погребального обряда населения южнорусской территории позволяют говорить о наличии этих категорий вещей во многих захоронениях Среднего Поднепровья. Это можно понимать двояко: как усложнение обрядности из-за постоянных контактов с населением Североевропейского региона, или же наличие этих признаков обряда связано с расположением Среднеднепровского региона на главной торговой магистрали Руси. Торгово-экономические связи в бассейне Днепра, как и в южных районах Скандинавии и на Русском Севере, могли повлиять на определенное усложнение набора элементов погребального инвентаря самостоятельно, без обязательного этнического влияния извне в конкретный регион. Конечно, воздействие причин базисного порядка было не прямым, а опосредованным – через идеологию, изменения которой во многом зависели от перемен в реальной жизни[22].

Возвращаясь к срубным гробницам, отметим, что скандинавские захоронения не подтвердили возможность использования конструкции деревянной камеры как четкого этнического индикатора: сруб – славянин, столбовая конструкция – скандинав[23]. Только в одном случае (курган № 61 в Шестовице) выявлены ямки от столбов. Очевидно, на Руси скандинавы часто использовали при возведении "избы смерти" именно срубы. Поэтому можно предполагать, что и в кургане № 11 в уроч. Плакун под Старой Ладогой на могильнике, где хоронили выходцев из Скандинавии, подкурганная яма была обвалившейся срубной конструкцией, а не заваленной бревнами[24].

Все материалы позволяют рассматривать срубные гробницы на могильниках южнорусских земель как один из вариантов погребального обряда представителей правящих слоев древнерусского общества первых веков существования государства восточных славян. Ритуал отображает те же характерные черты, что и весь комплекс дружинной культуры на Руси: формирование и развитие явления в целом на местной восточнославянской основе, но в контактах с другими этносами средневекового мира.

1 *Блифельд Д.И.* К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX–X вв. // СА. – 1954. – № 20. – С.148–162.

2 *Мельник Е.Н.* Раскопки в земле вятичей, произведенные в 1897 и 1898 гг. // Тр. XI Археолог. съезда. – 1901. – Т. 1. – С.479–576.

3 *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер А.Я.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М., 1975.

4 *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие // САИ. – 1966. – Вып. Е1-36. – № 1, 2; *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси // САИ. – 1973. – Вып. Е1-36; *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). – Киев, 1987 г.

5 *Шакольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. – Л., 1965. – С.168–179; Graslund A.S. Birka IV. The Burial Customs. – Stockolm, 1980. – S.45–46.

6 *Zoll-Adamikowa H.* Tury konstrukcji drewnianych w slowianskich kurhanach cialopalnych // Acta Archaeologica Carpatica. – 1977. – 17. – S.73–119.

7 *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. – Археология СССР. – М., 1982. – С.118.

8 *Лебедев Г.С.* Социальная топография могильника "эпохи викингов" в Бирке // Скандинавский сб. – 1977. – Т. 22. – С.118.

9 *Рыбаков Б.А.* Древности Чернигова // МИА. – 1949. – № 11. – С.7–102; *Ширинский С.С.* Курганы X в. у дер. Пересаж // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып. 120. – С.100–106.

10 Археология Украинской ССР. – Киев, 1985. – Т.1. – С.333, 336, 466; *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. – 1977. – № 4. – С.57.

11 *Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. – Киев, 1984. – С.50–51, 57–58; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. – Киев., 1983. – С.232. 336; *Смирнов К.Ф.* Савроматы (ранняя история и культура сарматов). – М., 1964. – С.85; *Biel J.* Ein Fürstenorabhügel der spaten Hallstattzeil dei Eberdingen-Hochdort, Kr. Ludwigsburg (Baden-Wurttemberg)// Germania. – 1982. – 60. – S.68–69.

12 *Arbman H.* The Vikings. – London, 1962. – S.33; *Lankuhn H.* Halthabu. Ein Handelsplats der Wikingerzeit – Neumünster, 1963. – S.143; *Roosen H., Alenus-Lecere J.* Sepultures merovinginnes an "Vieux cimetiere" d'arlon // archaeologia Belgica. – 1965., *88; Dostal B.* Slovanska pohrebiste ze sredni doby hradistni na Morave. – Praha, 1966. – S.21; *Рафалович И.А.* Данчены: Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. – Кишинев, 1986. – С.63–64, 76–77.

13 *Steuer H.* Aur ethnischen Gliederung der Bevölkerung von Halthabu an hand der Gräbertel der // Otta. – 1984. – 41. – S.202–203.

14 *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – С.11.

15 *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – С.58, 59.

16 *Седов В.В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. – 1961. – № 2. – С.103.

17 *Лесман Ю.М.* О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // КСИА АН СССР. – 1981. – Вып. 164. – С.52–58.

18 *Лебедев Г.С.* Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С.181; *Arbman H.* Birka, Sveriges aldsta handelstad. – Stockholm, 1939. – S. 76.

19 *Бліфельд Д.І.* До питання про ремесло та ремісників у Київській Русі // Археологія. – 1954. – Т. 9. – С.38.

20 *Graslund A.S.* Birka IV. – S.77.

21 *Шноре Э.Д., Зейд Т.Я.* Нушкинский могильник // МИА Латв. ССР. – 1957. – Т. 1. – С.20, 28.

22 *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – С.149.

23 *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. – Л., 1978. – С.12; *Назаренко В.А.* Могильник в уроч. Плакун // Средневековая Ладога : Новые археологические открытия и исследования. – Л., 1985. – С.162, 168.

В.Н.ГУРЬЯНОВ, Е.А.ШИНАКОВ

КУРГАНЫ СТАРОДУБСКОГО ОПОЛЬЯ

Кратко рассматриваются некоторые результаты последних исследований древнерусских курганов Стародубского ополья, расположенного в контактной зоне между летописными северянами и радимичами. Анализ деталей погребального обряда и остатков украшений, имеющих этноопределяющую окраску, позволяет предположить, что граница между ними проходила по водоразделу рек Титвы и Бабинца.

Стародубское ополье – реальный исторический и сельскохозяйственный район на стыке Черниговской и Брянской областей[1], который в XI–XII вв. составлял северную окраину "Сновской тысячи" Черниговской земли[2]. К этому времени относится наиболее интенсивное хозяйственное освоение ополья.

Расположенное между летописными территориями северян ("сели по Десне") и радимичей ("сели на Соже")[3], в этнически неопределенном промежутке, протянувшемся от северянской Кветуни до радимичских поселений за р.Титвой (60–80 км), оно представляет значительный интерес в этнокультурном плане.

Район – традиционно один из плодородных, а, следовательно, и наиболее распахиваемых районов Брянщины, поэтому курганных групп известно здесь довольно мало по сравнению с лесистыми западными и восточными территориями.

© *В.Н.Гурьянов, Е.А.Шинаков, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

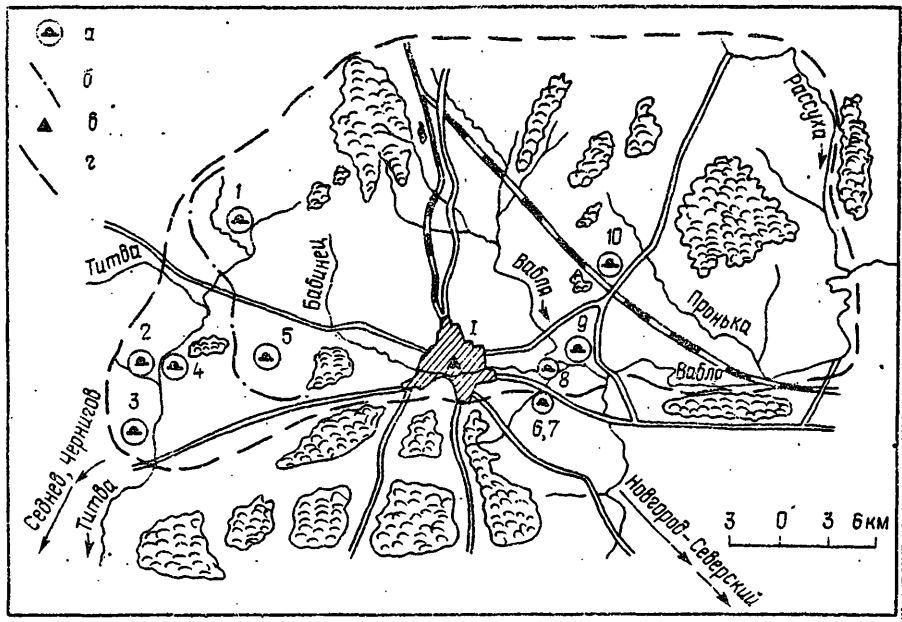


Рис. 1. План размещения исследованных курганных групп древнерусского времени в Стародубском ополье.

а – курганные группы, *б* – предполагаемая граница радимичей и северян, *в* – городище г.Стародуба "Солдатская гора", *г* – современные границы ополья.

1 – Рябцево 1, 2; *2* – Медведово – Титвин; *3* – Нижнемедведово; *4* – Белоусово; *5* – Крюково; *6–8* – Мереновка; *9* – Левенка; *10* – Суховерхово.

2 – раскопки П.М.Еременко; 6–9 – раскопки Д.Я.Самоквасова; 1 – раскопки А.П.Моци и Е.А.Шинакова; 4, 5, 10 – раскопки Е.А.Шинакова и В.Н.Гурьянова; 3 – Раскопки П.М.Еременко (?) и В.Н.Гурьянова.

2, 6, 8, 9 – уничтожены распашкой; *1а, 4, 5, 10* – группы на кладбищах; *1б, 7* – уничтожены земляными работами.

Раскопки курганов проводились здесь только в 1874 г. Д.Я.Самоквасовым[4], в 1981 г. А.П.Моцей и Е.А.Шинаковым[5] и в 1987–1988 гг. Стародубским отрядом Деснинской экспедиции (Е.А.Шинаков, В.Н.Гурьянов) (рис. 1).

Курганы, исследованные Д.Я.Самоквасовым, располагались в центре Стародубского ополья у сел Левенка и Мереновка (не сохранились). В обеих группах присутствовали погребения как по обряду кремации (на горизонте и в неглубоких ямах), так и ингумации (в камерах). Камерные гробницы содержали типичный дружинный инвентарь русов средней степени богатства (конца X – начала XI в.)[6], в Мереновке встречены погребения и с общерусским инвентарем, и с кривичскими височными кольцами.

На северо-западе ополья исследовалась курганная группа у с.Рябцево (бассейн р.Титвы, раскопки 1981 г.). Захоронение в единственном нетронутом кургане совершено уже по христианскому обряду (начало XII в., по керамике в насыпи) – в узкой глубокой яме. В районе уничтоженного могильника на южной окраине села обнаружено спиралевидное височное кольцо, а в единственной уцелевшей могильной яме в области черепа и плеч – перстнеобразные серебряные височные кольца, разноцветный бисер, сердоликовые призматические и хрустальные бипирамидальные бусы, бронзовые бусы. Захоронение датировано концом X – началом XI в. по дирхему 952 г.[7]

В течение полевого сезона 1987–1988 гг. Стародубским отрядом Деснинской экспедиции исследован ряд курганных групп в центре и на юго-западной окраине ополья.

Курганная группа у с.Суховерхово (в 7 км к северо-востоку от Левенки) насчитывает 13–15 насыпей, расположена она в 1,5 км к юго-западу от села, на поле. Курганы небольшие, диаметром 5–6 м и высотой 0,5 м. Раскопаны два кургана, давшие общерусский инвентарь. Курган № 1 на северо-западной окраине группы содержал захоронение в яме размерами 320x100x80 см. Скелет очень плохо сохранился, в ногах и в головах – деревянные плахи (в головах – обгоревшая). Обнаружено перстнеобразное брон-

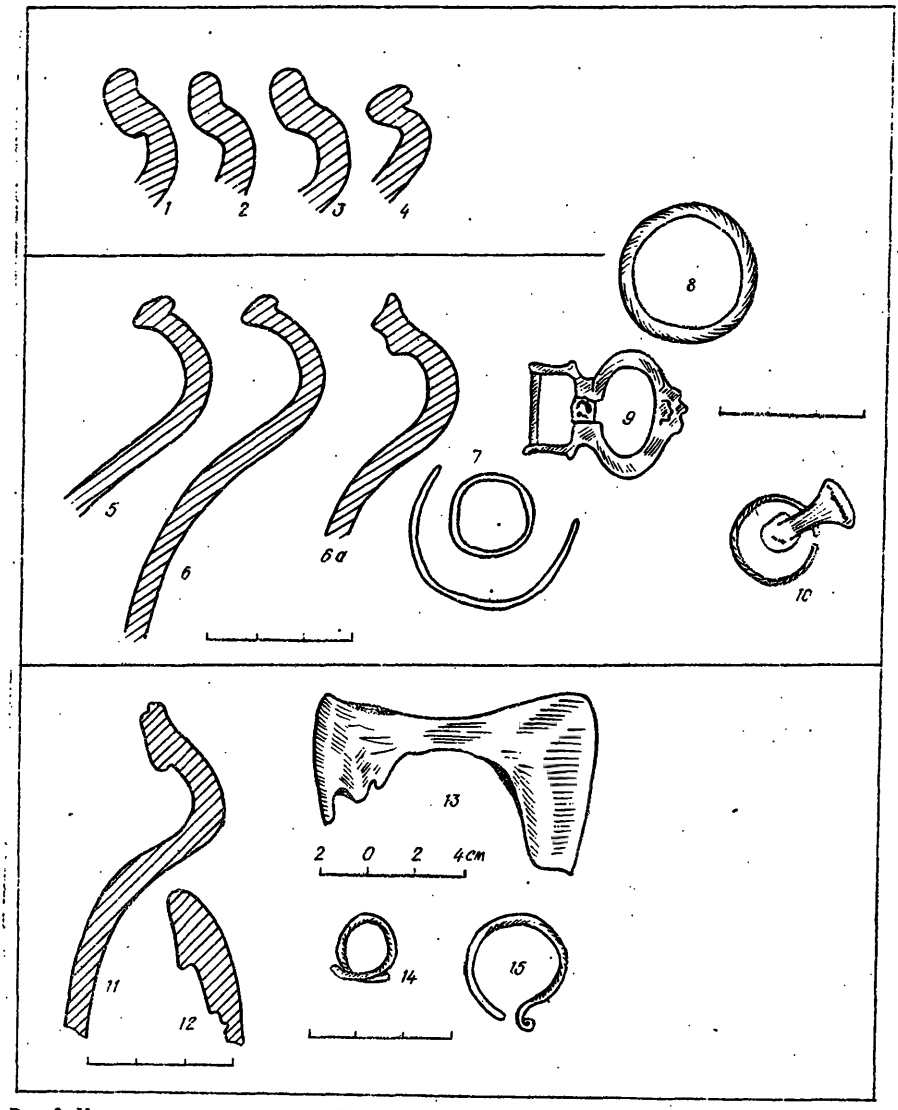


Рис. 2. Инвентарь из курганов у с.Белоусово.
1–4 – курган 1, насыпь; *5–7* – курган 2, заполнение юго-западной части ровика; *6а* – курган 2, погребение; *8–10* – курган 2, погребение; *11, 12* – курган 3, зольный слой насыпи; *14* – курган 3, погребение 1; *13, 15* – курган 3, погребение 2.
7 – прорись клейма на дне сосуда; *8, 9* – бронза; *10, 14, 15* – биллон (?).

зовое височное кольцо с заходящими концами на остатках головного убора (?) (сильно корродированная кожа, дерево).

В кургане № 2 находились позднесредневековые захоронения в двух могильных ямах: в яме № 1 (500x140x85 см) – два взрослых скелета и один детский в гробу-колоде; в яме № 2 (400x160x95 см) в верхнем слое – два детских скелета, в нижнем – два взрослых в гробах, у одного из них руки вытянуты вдоль тела. Вероятно, столь массовый характер захоронения связан с какой-либо эпидемией.

Гораздо больший интерес представляют курганы в с.Крюково, примерно в 10 км от юго-западной границы ополья. Курганная группа из 9-11 насыпей расположена в центре села, на "Старом кладбище". В 1987 г. раскопаны два кургана.

Курган № 1 содержал мужское захоронение в яме по христианскому обряду. В засыпке ямы обнаружено значительное количество углей, особенно в районе груди. Видимо, это пережитки обряда кремации.

Курган № 2 содержал потревоженное в середине XVIII в. (деньга 1734 г.) женское

погребение XI – начала XII в. Сохранились лишь череп и верхняя часть скелета (до пояса). Обнаружена бронзовая литая пуговка от воротника и перстнеобразное височное кольцо. Но что наиболее важно – полоса синего порошка на лбу: остатки серебряного пластинчатого очелья шириной около 2 см. Подобная деталь характерна для северянского женского головного убора. Следовательно, для более раннего времени (X в.) Крюково было памятником северян.

В течение полевого сезона 1988 г. продолжены исследования курганов на юго-западной окраине Стародубского ополья. Особый интерес представляет расположенная в 4 км к западу от Крюково курганная группа у с.Белоусово.

Группа расположена западнее села у дороги Белоусово – Логоватое; насчитывает 19 насыпей. Курганы хорошо задернованы, практически на каждой насыпи растут березы. Диаметр курганов от 5 до 15 м, высота от 0,5–0,7 до 1,5 м. Сразу за курганами начинается заболоченная пойма р.Титвы (ее левый берег). Раскопаны три насыпи (рис.2).

Курган № 1 расположен на северной окраине группы, у края болота. Диаметр кургана 7 м, высота 0,6 м. Курган содержал два захоронения. Погребение № 1 находилось в неглубокой (до 0,4 м) яме в центре кургана. Скелет ориентирован на юго-запад, сохранность его хорошая. Руки полусогнуты, касаются таза. Обнаружены железная ременная пряжка и железное кольцо, вероятно, от поясного набора. В насыпи кургана многочисленные фрагменты гончарной керамики, позволяющие датировать погребение первой половиной XII в.

Погребение № 2 находилось в яме под северной полой кургана, практически в болоте. Ориентировано на юг – запад, глубина ямы до 0,25 м. Сохранность скелета плохая, захоронение безынвентарное. Вероятно, это впускное погребение.

Курган № 2, наиболее интересный по обряду захоронения, расположен в 10 м восточнее кургана № 1. Его диаметр 11 м, высота 0,6–0,8 м. Хорошо прослеживался кольцевой ровик вокруг кургана. Ровики не сплошные, довольно глубокие (до 1,4 м). Погребение совершено на кострище – "огненном круге", характерном для радимичских погребений. Диаметр кострища 4,6 м, толщина в центре 0,3, по краям 0,6 м. Скелет ориентирован на запад, погребенный лежал на животе, череп лицом к югу. Верхняя часть скелета (до таза) переотложена, кости занимают не свойственное им положение. Среди костей найдены четыре кованых гвоздя в разных местах (у плеча, на позвоночнике, между ног), следы древесного тлена (остатков гроба) не обнаружены. В головах покойного находились развалы двух гончарных сосудов шестовицкого типа, датированные XI в., из вещевого материала – лировидная бронзовая пряжка, бронзовое кольцо от поясного набора и серебряный перстенек из проволоки (между коленями). Курган датируется XI в. и представляет собой радимичское погребение с общерусским инвентарем.

Необычное положение покойника объясняется, по-видимому, тем, что курган был разграблен в течение некоторого времени после захоронения, о чем позволяют судить некоторые особенности структуры насыпи.

Курган № 3 располагался на западной окраине группы. Его диаметр 13 м, высота 1,0–1,4 м. Погребение нарушено двумя могилами 30-х годов XX в. Остатки погребения позволяют сравнить обряд захоронения с обрядом в кургане № 2. Захоронение совершено на кострище диаметром более 4 м и толщиной 0,2 м. От скелета сохранились правая нога с частью таза и пятка левой ноги. У правого бедра найден боевой топор типа IV, по А.Н.Кирпичникову. По сочетанию ранних (щекавицы) и поздних (мысообразный выступ с тыльной стороны обуха) признаков он может датироваться второй половиной XI – началом XII в. Под коленом обнаружено биллоновое загнуто-конечное височное кольцо. В южной поле кургана найдено скопление детских костей и остатки черепа, при них – перстнеобразное височное кольцо с заходящими концами. Вероятно, оно выброшено из основного захоронения при рытье современных могил. Старожилы утверждают, что либо в этом, либо в соседнем кургане при рытье могил был обнаружен меч.

В целом, особенностью курганов Стародубского ополья является стабильность мест захоронения с XI в. вплоть до современности (восточнее с.Белоусово известен курган на кладбище, где захоронение совершено в 70-е годы).

В 1988 г. исследована курганная группа у с.Нижнее, по правому берегу р.Титвы. Группа из 12 насыпей расположена в 1,8 км севернее с.Нижнее по дороге к с.Медведово, на коренном берегу в 1,2 км от реки. Курганы заросли молодым смешанным лесом, все насыпи раскопаны. Ямы подпрямоугольной формы ориентированы по сторонам

света. Раскопаны два кургана на северо-восточной и юго-западной окраинах группы. Курган № 1 дал лишь два фрагмента керамики; курган № 2 содержал несколько разбросанных человеческих костей и еще одну яму, в которой находился скелет собаки, завернутый в клеенку. Оба кургана имели ровики, преимущественно с северо-восточной стороны, глубиной до 1,9 м.

По фрагментам керамики курганы датируются XI–XII вв.; они синхронны расположенному в 600 м к северо-западу древнерусскому селищу.

Даже немногочисленные исследованные курганы свидетельствуют о преобладании в начале XI в. общерусского материала, что подтверждает гипотезу о прохождении по Снови – Вабле – Судости ответвления пути "большого полюдья"[8]. В пользу этой гипотезы говорят и инородные здесь кривичские украшения.

Что касается племенных центров радимичей и северян, то их, очевидно, в данном районе не было. И все же детали обряда и остатки этноопределимых украшений позволяют предполагать границу между радимичами и северянами по водоразделу рек Титвы и Бабинца (приток р.Вабли) – по гребню между селами Белоусово (радимичи?) и Крюково (северяне ?).

Дальнейшие исследования курганов Стародубского ополья, несомненно, дадут дополнительный материал, который поможет воссоздать более детально развитие исторического процесса на древнерусских землях.

1 *Ахромеев Л.М.* Топология, генезис и ландшафтная структура ополий Центральной России : Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Киев, 1986. – С.16.
2 *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С.81–88.
3 ПВЛ. – М.; Л., 1950. – Ч.1. – С.206–208.
4 *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. – М., 1908. – С.208–210.
5 *Шинаков Е.А.* Охранные раскопки в с.Рябцево // АО 1981 г. – М., 1983. – С.103.
6 *Алешковский М.Х.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. – 1960. – № 1. – С.82.
7 *Шинаков Е.А.* Указ. соч. – С.103.
8 *Шинаков Е.А.* Брянский участок пути "Большого полюдья" X в. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. – М., 1986. – С.78.

В.И.КУЛАКОВ

ИРЗЕКАПИПИС И ШЕСТОВИЦЫ

Пересматриваются традиционные взгляды на контакты между Прибалтикой и Киевской Русью как на преимущественно торговые. Введение в научный оборот новых материалов, полученных при исследовании памятников пруссов, позволяет интерпретировать это взаимодействие иначе: культурные связи посредством этнических контактов. Это подтверждается, в частности, анализом погребального инвентаря из кургана № 42 на Шестовицком могильнике.

Проблема контактов балтов и населения Среднего Поднепровья в X–XI вв. привлекла внимание исследователей только в послевоенное время. Основываясь на анализе однотипных находок в обоих регионах (шлемы, мечи, шиферные пряслица, украшения), Е.Антоневич[1], Э.С.Мугуревич[2], О.Кунцене[3] и В.Н.Зоценко[4] пришли к общему выводу: отношения между Прибалтикой и Киевской Русью сводились в основном к торговле (высокохудожественные украшения и оружие в обмен на янтарь). Введение в научный оборот новых прусских материалов позволило автору интерпретировать взаимодействие жителей Прибалтики и Руси иначе: культурные связи посредством этнических контактов[5].

Оба мнения базируются на анализе отдельных реалий материальной культуры. Следующим этапом исследования проблемы должно стать изучение артефактов в их совокупности в пределах археологических комплексов. Если справедлива первая точка зрения (торговые контакты), то культурно чуждые находки в комплексах на территории Прибалтики или Руси будут единичны. Обратный результат покажет правомерность тезиса о непосредственных, достаточно долговременных этнических контактах между балтами и восточными славянами в X–XI вв.

Подобный опыт можно произвести на материалах раскопок курганного могильни-

© *В.И.Кулаков, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

ка Шестовицы. Для этого выбран курган 42 (раскопки 1925 г., курган X), информация о котором достаточно полная[6]. Курган под насыпью содержал камерную гробницу. В ней захоронение мужчины в сидячем положении, ориентированного лицом на северо-запад. Слева лежал женский скелет. В ногах скелетов, в юго-восточной части ямы, найден скелет коня с подогнутыми ногами. По обряду данное захоронение относится (по схеме могильника Бирки) к типу F. Подобные комплексы для Скандинавии вполне аргументированно связываются с представителями высшего слоя дружины X в.[7] В настоящее время укрепилось мнение о возникновении этого обряда именно в X в. у славян Среднего Поднепровья[8]. Появление камерных захоронений на севере Европы – результат его использования дружинниками, возвратившимися после службы русским князьям на родину. Элементы довольно редкого варианта встречены в земле пруссов, в кургане 163 могильника Кауп (раскопки 1934 г.)[9]: центральное трупосожжение в камере, окруженное захоронениями людей (в том числе в сидячем положении) и коней. По славянской серебряной луннице с зернью комплекс датируется первым десятилетием XI в.

Инвентарь – основной объект исследования в данной статье – располагался в кургане 42 могильника Шестовицы следующим образом. Погребенный воин был одет в шелковую рубаху, покрыт шерстяным плащом, украшенным накладками, перепоясан роскошным поясом с притороченной сумкой-ташкой. В головах скелета – меч типа X (по Я.Петерсену, ранний вариант – середина X в.)[10] с бронзовым навершием и рукоятью и наконечником ножен с композицией "Один и вороны". Ближе к центру ямы среди прочих находок – лук и сагайдак с 18 стрелами. Между (?) обеими группами предметов найдены две изготовленные из лопатки животного накладки. Их длина 24 и 21 см. Последний параметр реконструирован, ибо накладка обломана в древности и носит следы починки (отверстия для крепления, повторно сделанные в ее правой части). Отверстия в срединной, верхней, части накладок соединены желобом, в котором проходил ременный крепеж (в отверстиях остатки тонких кожаных ремней).

Обращает на себя внимание наличие в кургане второй пары стремян, одно из которых принадлежит редкому для Руси типу II (в Восточной Европе – 7 экз.)[11]. Такие стремена первоначально возникают в раннемадьярской среде[12] и впервые в Балтийском субрегионе распространяются в земле пруссов. Наиболее ранние экземпляры этих предметов встречены в погребении 6 достаточно полно раскопанного могильника Ирзекапинис (Калининградская обл. Зеленоградского р-на), оставленного прусскими дружинниками[13], и датируются IX – серединой X в.[14] Наличие среди инвентаря кургана прусского стремени (рис. 2, *8, 9*) дает предпосылку для дальнейшего сравнения находок этого комплекса с древностями западных балтов, что применимо и в случае с первой парой стремян (рис. 2, *10, 11*).

В Восточной Европе основное число мечей X – начала XI в. с бронзовыми деталями рукоятий обнаружено в приморской полосе балтского мира, в том числе в земле пруссов (Витланд – Самбия), где найдено пять таких мечей[15]. Последние происходят из могильников Кауп и Коврово, которые наряду с Ирзекапинисом входили в дружинный комплекс северо-востока Самбии[16]. Подобные мечи, балтское оформление рукоятей которых считается признанным[17], по вполне объективным причинам не являлись боевым оружием. Показательно, что на низкокачественных клинках этих мечей отсутствуют клейма, что еще раз указывает на их парадное, скорее ритуальное значение.

Соответствующий мечу из Шестовиц наконечник ножен имеет архетип в западнославянских древностях X в.[18], повторенный в Поднепровье (рис. 1, *3*). Хотя В.Кобленц и считает наконечник из Нимпютца киевским импортом, присутствие иконографической схемы "Один и вороны", восходящей в Центральной Европе к древностям франков V в.[19], не только на деталях ножен мечей, но и на украшениях из ареала западных славян[20], позволяет считать родиной этих предметов Западное Поморье. Деградированная схема изображения на предмете из Шестовиц, как и на одноотипных находках из Прибалтики (рис. 1, *4–6*), показывает их явную вторичность относительно западноморского архетипа и наконечника из "Игоревой могилы". Редкая встречаемость и сложность изготовления наконечников со схемой "Один и вороны" указывают на высокое социальное положение их владельцев.

Наконец, находка, проблематично относимая к предметам вооружения из шестовицкого кургана 42, пары костяных накладок с резным орнаментом, выполненном в датско-норвежском стиле "Маммен". То, что эти накладки изготовлены мастером, работав-

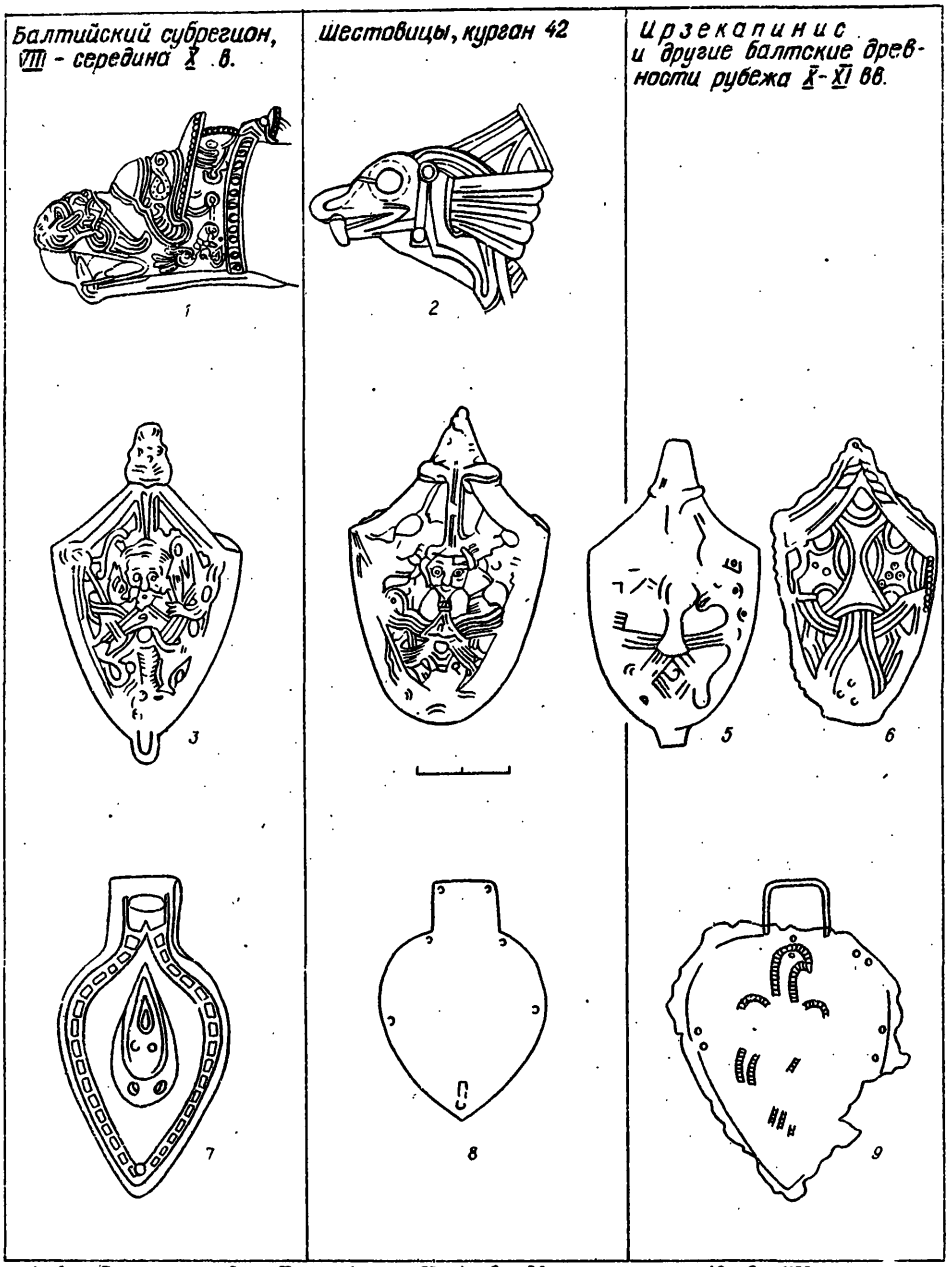


Рис. 1. *1* – Соллестед, о.Фин, Дания (конец X в.); *2* – Шестовицы, кург. 42; *3* – "Игорева могила", г.Коростень Житомирской обл.; *4* – Шестовицы; *5* – Кристапиньс, погр. 280, Прельский р-н, ЛатвССР (около 1000 г.); *6* – Ирзекапинис, погр. 117 (вторая половина X в.); *7* – Туггун, кург. 1 (1981 г.), Калмыцкая АССР (VIII–IX вв.); *8* – Шестовицы; *9* – Ирзекапинис, погр. 96 (вторая половина X в.).

шим в скандинавских традициях, общепризнано[21]. Срединные выступы накладок в одном случае изображают головку орла (ворона), в другом – профиль округлой морды животного с клыком в верхней челюсти. Последнее изображение явно принадлежит моржу. Охота на этих животных издавна велась на Западном побережье Скандинавии и в бассейне Балтики. Наиболее полно набор соответствующих гарпунов представлен в прусской культуре XI–XIII вв. (в том числе и в инвентаре могильника Ирзекапинис). Изображения головок моржей известны пока только в норвежском и датском материалах (рис. 1, *1*). С западом Скандинавии, видимо, следует связать самого мастера шестовицких накладок или, по меньшей мере, использованные им архетипы. Вслед за А.Ф.Мед-

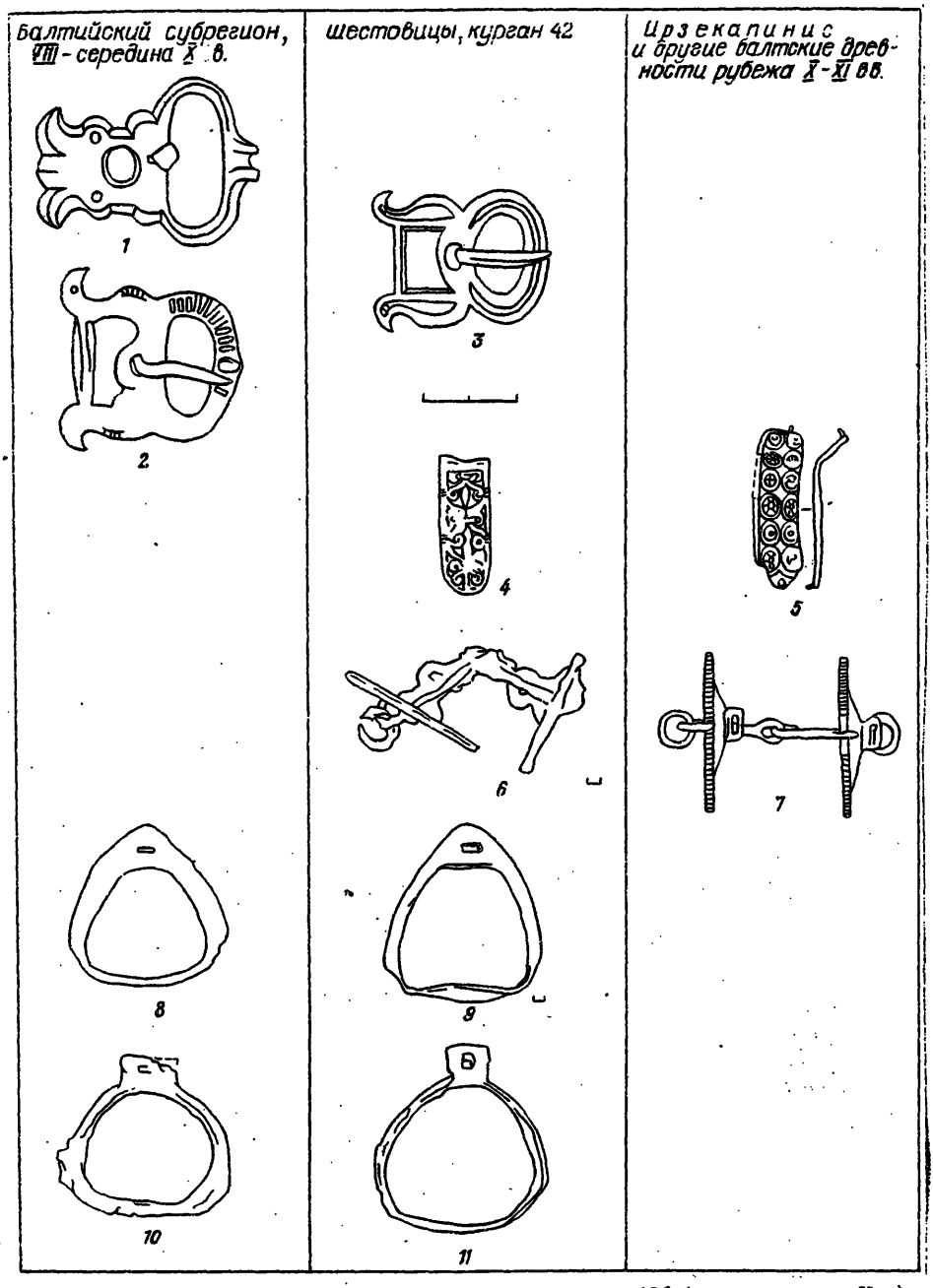


Рис. 2. *1* – Пятигорск (VIII–IX вв.); *2* – Ирзекалниис, погр. 106 (первая половина X в.); *3, 4* – Шестовицы, кург. 42; *5* – Ирзекалниис, раскоп 1, случайная находка; *6* – Шестовицы; *7* – Диджюляй, Шальчининский р-н, ЛитССР (рубеж X–XI вв.); *8* – Ирзекалниис, погр. 56 (конец X в.); *9* – Шестовицы; *10* – Ирзекалниис, погр. 42 (конец X в.); *11* – Шестовицы.

ведевым и К.Себастьеном, А.Н.Кирпичников относит шестовицкие пластины к украшениям луки седла[22]. Правда, in situ остатки седла обнаружены в стороне от накладок[23]. Сходные по параметрам и очертаниям костяные накладки применялись кочевниками южнорусских степей в X–XI вв. при скреплении футляров луков (?) и колчанов[24]. Костяные накладки соответствовали берестяным конструкциям. Не исключено, что лук из кургана 42 имел такой же футляр в могиле в стороне от него. На бересте продолжался орнамент, начатый скандинавским мастером на костяных накладках. Некоторую неуверенность в нанесении орнамента, отмеченную А.Н.Кирпичниковым, можно объяснить

тем, что для скандинава, работавшего на Днепровском Левобережье, характер его продукции – футляр для лука – был непривычен. И береста, и костяные накладки, крепившиеся ремешками (для луки седла такой крепеж нелогичен), способствовали облегчению веса личного снаряжения всадника, погребенного в шестовицком кургане.

Украшением сумки-ташки служила сердцевидная накладка, архетип которой – подвески конского снаряжения кочевого мира южнорусских степей VIII–IX вв.[25] (рис.1, *7*). Аналогичные по форме подвески – своеобразный феномен в балтском мире – появляются в конце X в. в земле пруссов. В отличие от поднепровских подвесок, украшенных растительным орнаментом, однотипные прусские находки (Ирзекапинис, Вольное) на лицевой стороне имеют изображение ворона. Такие подвески в Самбии являлись социальными индикаторами дружинников конца X–XI в.[26]

Также в кочевых древностях VIII в. (Северный Кавказ)[27] находится прототип пряжке с двумя вороньими головками, скреплявшей пояс воина, погребенного в кургане 42. Характерно, что подобная пряжка обнаружена в погребении 106 могильника Ирзекапинис (западная дружинная группа могильника, первая половина X в.)[28] (рис.2, *1–3*). Шестовицкая пряжка – конечный вариант развития застежек с парными головками воронов – предшествует по форме лировидным пряжкам XI в.

Напротив, наконечник ремня из Ирзекапиниса вторичен аналогичному предмету из шестовицкого комплекса (рис. 2, *4, 5*). То же можно сказать и об удилах со стержневидными псалиями, появляющихся у западных балтов не ранее первой половины XI в.[29] (рис. 2, *6, 7*).

В результате сравнительно-типологического анализа выясняется, что часть находок в кургане 42 имеет прототипы в основном на берегах Балтики (позднейшие – наконечник ножен меча и пряжка первой половины – середины X в.). Другая часть шестовицких находок, в свою очередь, послужила образцами для изготовления деталей снаряжения коней западнобалтских дружинников первой половины XI в. Единственную непрерывную линию развития дает наконечник ножен меча (рис. 1, *3–6*). В типологическом развитии он включает ранний, западнопоморский вариант, затем – срединный (Шестовицы). Деградированный вариант наконечника (однолезвийного меча) встречен на Ирзекапинисе.

Этнокультурная интерпретация находок в кургане 42, предложенная нами и сделанная на основе конкретного анализа артефактов на различных этапах их типологического развития, не соответствует существовавшему ранее мнению[30]. Неадекватная их трактовка не позволила до настоящего времени установить этнос воина, погребенного в кургане 42[31].

Хотя сравнительный анализ деталей инвентаря этого комплекса и находок на Ирзекапинисе и других памятниках бассейна Балтики не дал полного соответствия (что и невозможно), все же можно с определенной долей уверенности сделать следующие выводы.

1. Основная часть инвентаря кургана 42 имеет прототипы в материальной культуре дружин Балтийского субрегиона (из восьми анализировавшихся предметов три в древностях пруссов первой половины – середины X в.).

2. Предметы, которые продолжают типологические ряды шестовицких находок, отмечены в более узком относительно пункта 1 регионе – земле пруссов (Ирзекапинис) и прилегающих ареалах балтских племен. Дата этих предметов – первая половина XI в.

3. Таким образом, хиатус между этими датами – вторая половина X в. – рубеж X–XI вв. – соответствует времени сооружения кургана 42. Этому не противоречит весь его вещевой комплекс в целом и в деталях (ланцетовидное копье, поясные накладки, детали лука – предметы, уже не имевшие в это время в пределах Балтийского субрегиона конкретной этнокультурной привязки).

4. Происхождение прототипов и наследников традиций находок из кургана 42 позволяет выдвинуть гипотезу о происхождении погребенного здесь воина. Он прибыл на Днепровское Левобережье, видимо, с берегов Балтики или из земли пруссов. Самбия уже с начала VIII в. имела полиэтническую дружину, включавшую представителей балтов, скандинавов и тюрок-кочевников[32].

Судя по ритуальному мечу с бронзовыми деталями рукояти и с нетрадиционным для рядовых дружинников наконечником ножен, воин был вождем-жрецом, что соот-

ветствует скандинавскому социальному термину "хевдинг". Курган 42 отвечает всем признакам дружинной триады (отличный от прежних родовых традиций обряд, иноэтничное относительно автохтонов происхождение погребенного, образовавшийся на стыке различных культур орнаментальный стиль инвентаря[33]) и соответствует окончательно сложившейся княжеской дружине.

5. Оставшиеся в живых соплеменники воина, окончив службу на восточных рубежах Руси, могли частично вернуться на родину. Этим и объясняется появление на западной окраине балтского мира не только реплик шестовицких находок, но и целого ряда прочих предметов обширной номенклатуры продукции мастерских Киевской Руси эпохи князя Владимира Святославича.

1 *Antoniewicz J.* Niektore dowody kontaktow sowiansko-pruskich w okresie wczesnosredniowiecznym w swietle zrodel archeologicznych // Wiadomosci archeologiczne. – Warszawa, 1955. – 22. – Z. 3/4. – S.271, 272.

2 *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. – Рига, 1965. – С.115.

3 *Kunciene O.* Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais // Lietuvos gyventoju prekybiniai ryšiai I–XIIIa. – Vilnius, 1972. – P.203.

4 *Зоценко В.М.* Експорт зброї Києва в Південно-Східну Прибалтику // Археологія. – 1983. – Вип. 44. – С.57, 58.

5 *Кулаков В.И.* Пруссы и восточные славяне // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. – М., 1987. – Т.3. – Вып. 1а. – С.122.

6 *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. – К., 1977. – С.138–141. – Рис. 20; 21. – Табл. XI, XII.

7 *Лебедев Г.С.* Социальная топография могильника "эпохи викингов" в Бирке // Скандинавский сб. – 1977. – Т. 13. – С.147, 156.

8 *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. – Киев, 1987. – С.85.

9 *Gaerte W.* Neue Grabungsergebnisse auf den Wikingerfriedhofe von Wiskiauten in Ostpreuben // Nechrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. 2. – Jahring. 1935. – H. 2. – S.40, 41.

10 *Petersen J.* De norske vikingersverd // Videnskappsels kapets Skripter P. Hist. – Filos. Kl. Kristiania, 1919. – P.167.

11 *Кирпичникое А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – 1973. – Вып. Е1-36. – С. 47, 48.

12 *Dienes I.* A honfoglalo magyarok fakengycie // Folia archeologica. – 1958. – 10. – P.132–137.

13 *Кулаков В.И.* Ирзеканиис : Погребальный обряд // Религиозные представления в первобытном обществе. – М., 1987. – С.226.

14 *Кулаков В.И.* Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С.144.

15 *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreuben // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. – Bonn. – 1975. – N 9. – Taf. 13, *1, 2*; 37, *1*; 39, *4*; 43, *16*.

16 *Кулаков В.И.* Памятники археологии древней Самбии // Археологические памятники европейской части РСФСР. – М., 1985. – С.90–92.

17 *Кирпичников А.Н.* Мечи куршей // Древности Белоруссии. – Минск, 1966. – С.300.

18 *Coblenz W.* Zur Handelsausstrahlung des Ostens in das Gebiet westlic der Ober im Frühen Mittelalter // Zeitschrift für Archëologie. – 122. – 1978. – S.112, Abb. 1.

19 *Böhme H.W.* Zum Beginn des germanischen Tierstils auf dem Kontinent // Studien zur vor–und frühgeschichtliche Archëologie. Festschrift für J.Werner. – 2. – München, 1974. – S. 307. – Abb. 9, *1*.

20 *Zak J.* "Importy" skandynawskie na ziemiach zachodniosowianskich od IX do XI wieku. – Poznan, 1963. – Ryc. 25.

21 *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника... – С.36.

22 Там же.

23 *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки... – С.140.

24 *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы : Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1981. – С.215. – Рис. 82, *53*.

25 Рисунок любезно предоставлен Е.В.Цукиным.

26 *Кулаков В.И.* Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. – 1988. – № 3. – С.108.

27 *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв.: Пряжки // САИ. – 1979. – Вып. Е1-2. – С.30. – Табл. XIII, *6*.

28 *Кулаков В.И.* Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI в. // Археологические памятники европейской части РСФСР : Погребальные памятники. – М., 1988. – С.123.

29 *Volkaitė-Kulikaiskienė R.* Lietuvio kario žirgas // Acta Historica Lituanica. – Vilnius, 1971. – 7. – P. 17.

30 *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки... – С.106.

31 *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья... – С.119.

32 *Кулаков В.И.* Торки и западные балты // Проблемы археологии Степной Евразии. – Кемерово, 1987. – С.154, 155.

33 *Кулаков В.И.* Ирзеканиис : Результаты раскопок 1977–1984 гг. // Всесоюз. археолог. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке". – Баку, 1985. – С.205.

В.А.БУЛКИН, В.Н.ЗОЩЕНКО

СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ И НЕМАНСКО-ДНЕПРОВСКИЙ ПУТЬ IX–XI вв.

Основное внимание уделяется географии неманско-березинско-днепровского пути по материалам археологии IX–XI вв. и общей периодизации истории его существования. Как свидетельствуют рассматриваемые материалы, путь этот в связях Киева с Балтикой является более древним, чем путь из "варяг в греки". Контакты Киева с землями Юго-Восточной Прибалтики вполне ощутимы в материалах средневековой археологии столицы Руси.

Проблема историко-культурных контактов населения Среднего Поднепровья и Юго-Восточной Прибалтики обозначается как весьма перспективная в работах историков, археологов и лингвистов. Представления об исконной разобщенности этих земель выглядят анахронизмом, основательно подорванным специалистами в области языкознания (Топоров, Трубачев), но который поддерживается, по-прежнему, скорее традицией, нежели современными представлениями о судьбах восточноевропейских народов на рубеже варварства и цивилизации. Тот факт, что Среднее Поднепровье, а точнее, прилегающие к Киеву земли, являлись временами южной окраиной расселения древних балтов, обычно отчуждается от историко-археологической проблематики периода образования Древнерусского государства, как и в общем от вопросов славянского расселения. Рискнем высказаться более откровенно: судьбы западных земель Руси в послемонгольский период в своих исторических рамках, может быть, обусловлены былой причастностью к общебалтийскому (в широком понимании) миру.

При всей дискуссионности проблемы полагаем, что доминирование балтоязычного населения в области Верхнего Поднепровья (для первой половины I тыс. н.э. это не вызывает выше возражений) сформировало достаточно определенную систему взаимосвязей между родственным населением, в частности центра и периферии, которые в новых условиях славянского расселения могли быть потревожены, но все же не нарушены, в силу традиционной тысячелетней притягательности Балтики и Черноморско-Каспийского междуморья. Образование Киевской Руси и новая ситуация в Восточной Европе меняют местами "центр" и "периферию" на полтысячелетия (до образования Великого княжества Литовского), но каналы связи между ними в основном остаются прежними.

Историография этого конкретного вопроса невелика. Сближение рек днепровского правобережного бассейна и юго-восточной акватории Балтики определяет соответствующие направления передвижений и культурных контактов, о которых писали З.Ходаковский, Л.В.Алексеев, Б.П.Даркевич, Я.Г.Зверуго и др. Важность этих направлений для судеб славянства подчеркивали Ф.Д.Гуревич, Д.А.Мачинский. Независимо друг от друга той же теме посвящали свои работы и авторы данной статьи.

Привлекая еще раз внимание специалистов к этому направлению связей между Средним Поднепровьем и Балтикой, мы в данном случае сосредоточились на географии речного пути (IX–XI вв.).

Период IX–XI вв. выбран не случайно: эпоха викингов в Европе и активность арабского Востока фиксируются в восточноевропейской археологии многочисленными и разнообразными проявлениями, обозначающими весьма отчетливо речные трассы путей. То же время для истории Руси соответствует становлению единого государственного образования с центром в Киеве, а также системы городских поселений, размещение которых не в последнюю очередь было подчинено направлениям культурных контактов, а следовательно, тем же речным путям.

Источник работы – археологические комплексы, состоящие частично или полностью из предметов иноземного происхождения (восточного, западно- и североевропейского адреса), а также отдельные находки – случайные или в слое и с аналогичными типо-хронологическими характеристиками. В сводку включены комплексы и вещи из исторических областей Юго-Восточной Прибалтики. Таким образом в работе учтены: клады монет – восточных, западноевропейских и византийских – 65 ед.; погребения с предметами импорта – 112; поселения с находками привозных вещей – 60; отдельные (случайные) находки – 78. Адреса импорта: Скандинавия – 72 случая; Западная Евро-

© *Б.А.Булкин, В.Н.Зоценко, 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

па – 34. Византия – 44; Арабский Восток – 63. исторические области Юго-Восточной Прибалтики – 78.

Территориальные рамки собранного материала охватывают Юго-Восточную Прибалтику – от Курземе на севере до устья Вислы на юге (вместе с течением Прегель), междуречье Даугавы – Западной Двины и Нямунаса – Немана (вместе с Нярисом – Вилией); течение Днепра по Березине до устьев Роси и Сулы; междуречье Припяти и Западного Буга.

Методика работы предусматривала разнесение собранного материала по трем картам. Картографирование скандинавского западно-европейского и восточного импорта (карта 1) лучше всего показывает основные линии водных коммуникаций, ритм и содержание контактов, и, казалось бы, стихийный на первых порах по своим направлениям (но не по целям) характер продвижения варягов и арабов вглубь материковой Европы. Поэтому для европейской археологии распределение восточного серебра на территории Древней Руси не менее важно, чем картирование скандинавского импорта.

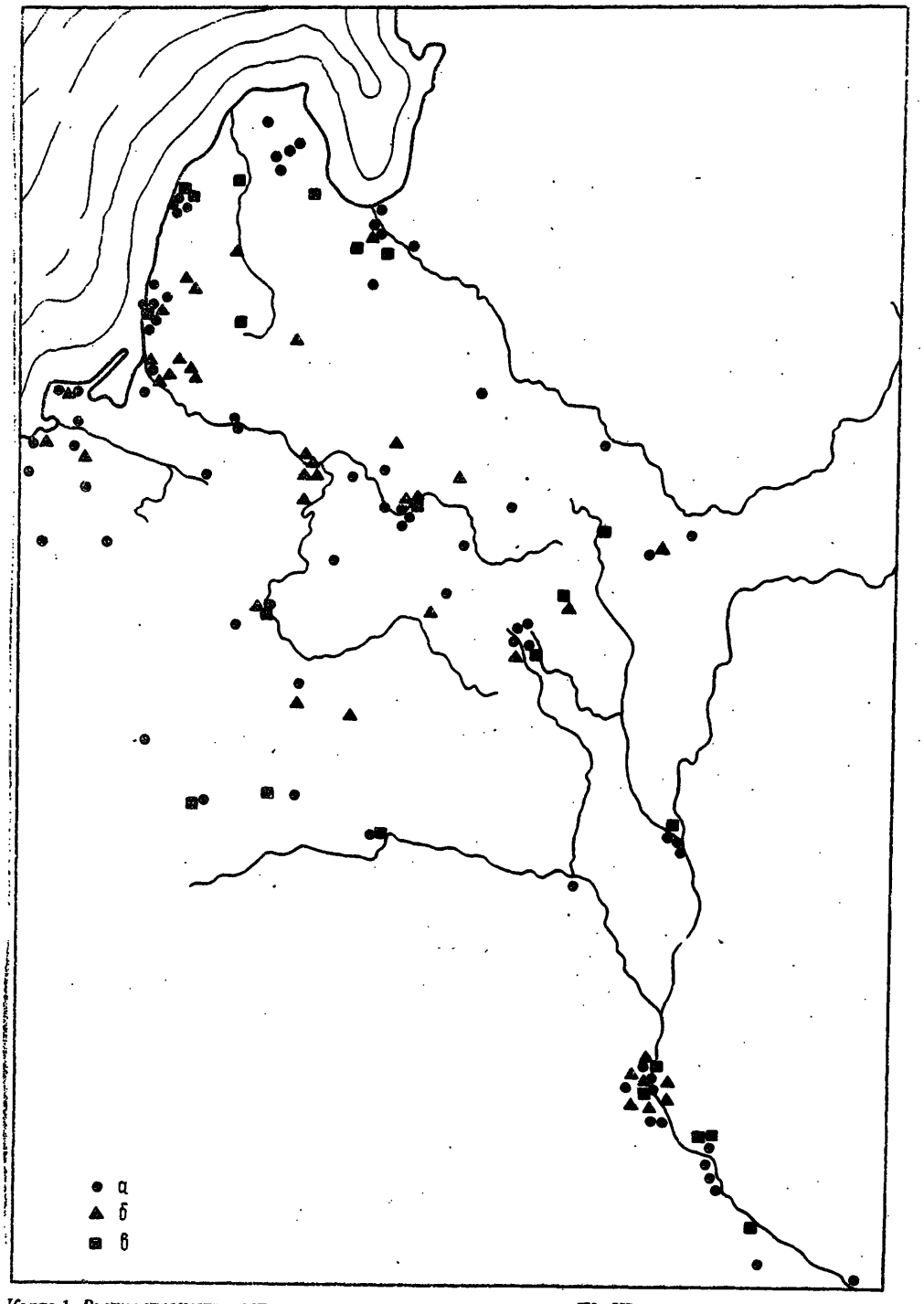
На карте 2 учтены вещи, связанные по происхождению с племенными территориями балтов. Находки такого рода в Киеве и его окрестностях еще не подвергались ни отдельной характеристике, ни общей оценке. Не претендуя в полном объеме ни на то, ни на другое, мы ограничиваемся представлением карты, подчеркивая, что балтийский импорт более убедительно, чем предметы скандинавского и, пожалуй, восточного (арабское серебро) происхождения, указывает на существование именно неманско-березинско-днепровской связки общей трассы – от Юго-Восточной Балтии к Киеву.

Цель карты 3, на которой суммированы данные двух предыдущих, – выявить территориальные сгустки находок, позволяющие судить о самом характере продвижения вдоль речного пути и местах регулярного оседания импорта.

Картографирование выделило наиболее выразительные направления контактов между Киевским Поднепровьем и Юго-Восточной Прибалтикой, проходившие в створе Немана и Вилии – с одной стороны, и бассейна Березины (днепровской) – с другой. Наибольшая концентрация импорта – низовья Немана, округа Каунаса, Вильнюса и Минска, отчасти район Речицы и особенно район Днепра ниже Десны до Канева – Корсуня. Разряженность импорта приходится на течение Немана между его низовьем и Каунасом, Каунасом и Гродно, а также, в сущности, на остальное течение реки, равно как и Вилии от Вильнюса до истоков. "Зияющая пустота" соответствует поречьям Цны, Бобра, Случи, Лани и Березины (между Минском и Борисовом до устья). Подобную неравномерность распределения находок импорта нельзя объяснить исключительно состоянием источниковедческой базы.

При объяснении путей формирования киевского сгустка импорта требуется известная осторожность. Не приходится сомневаться, что часть предметов скандинавского происхождения могла поступать сюда путем из "варяг в греки", в первую очередь, имея в виду указания летописи о походах северных дружин в Киев. Правда, археологические свидетельства продвижения варягов по меридиональному отрезку течения Днепра маловыразительны: фигурки викингов первой половины XI в. из-под Нового Быхова и, возможно, из кургана у дер.Колодизско-Могилевской обл. В то же время скандинавский импорт на неманско-березинском пути более представителен. Находки такого рода в значительном числе известны по течению Немунаса – Немана и его правым притокам: Минии, Юре, Дубисе, Невяжису, Швянтойи, Нярису – Вилии, Жеймяне и Вяркне.

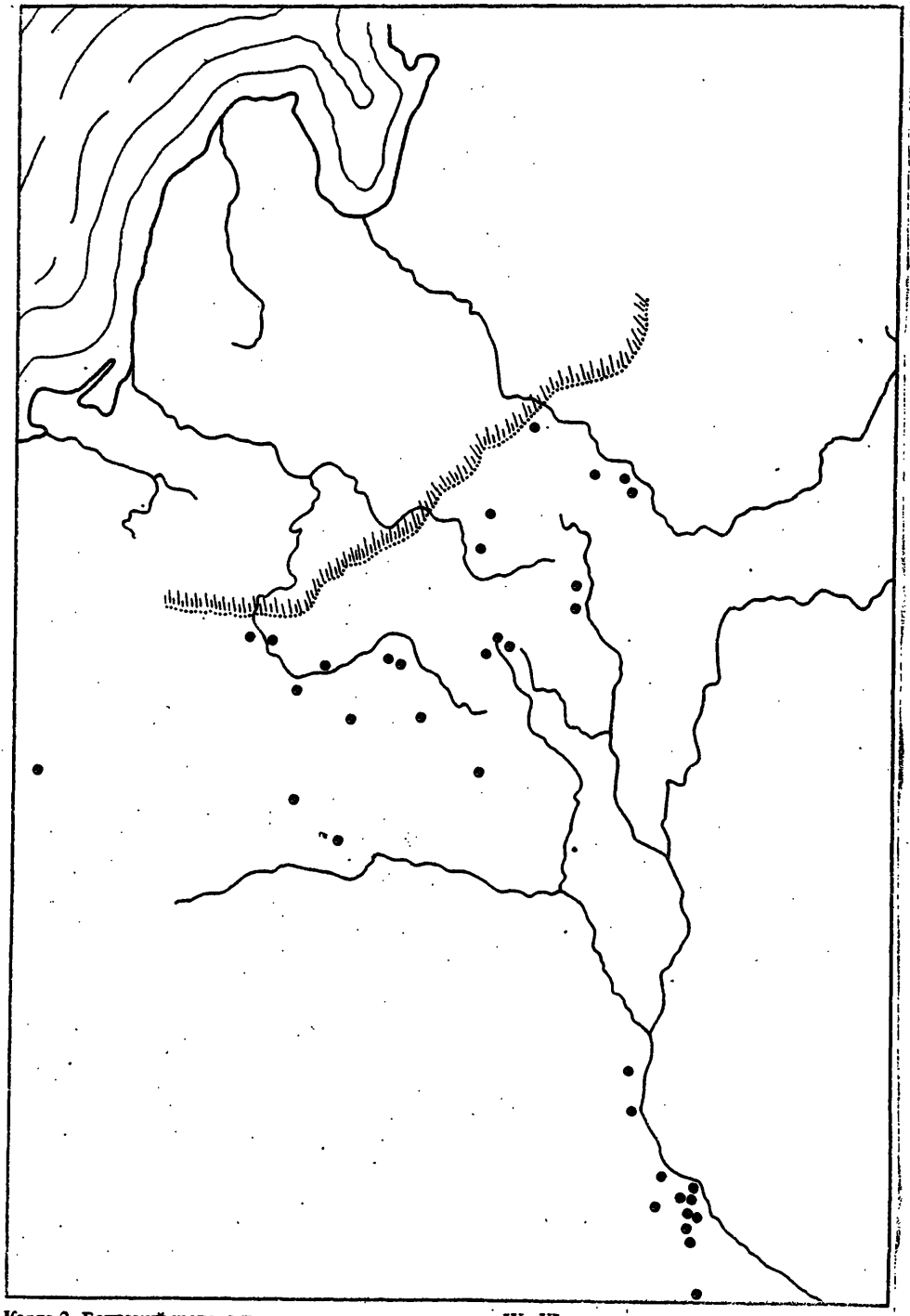
Среди находок отметим камень с рунической надписью близ каймы Станявос второй половины VI – первой половины VII в., погребения IX–X вв. со скандинавским оружием и украшениями у д.Страгняй, Упина, Бикавеняй, др. Аналогичные находки на Имбарском и Плунгском городищах. В Белорусском Понеманье и на Березине (днепровской): золотой брактеат первой половины – середины VII в. вблизи Борисова, шлем IX–X вв. из культурного слоя Слонима, меч типа V из окрестностей Гродно, две серебряные антропоморфные подвески из культурного слоя X – начала XI в. Волковыска. Вероятно, из дружинного погребения середины – второй половины X в. в окрестностях Волковыска происходит наконечник копья с серебряной насечкой. В кургане с трупосожжением могильника Городилово найдены согнутый меч типа X, два ланцетовидных наконечника копий, фибула с длинной иглой, поясные накладки, отлитые в золоте; в кургане восточнее Минска (Логойский или Борисовский р-ны) – бронзовая кольцевидная фибула с длинной иглой; из слоя Минского городища происходит полубрактеат Хедебю чеканки около 1000 г.



Карта 1. Распространение импорта по днепро-неманскому пути, IX–XI вв.
а – византийско-арабский, *б* – скандинавский, *в* – западноевропейский.

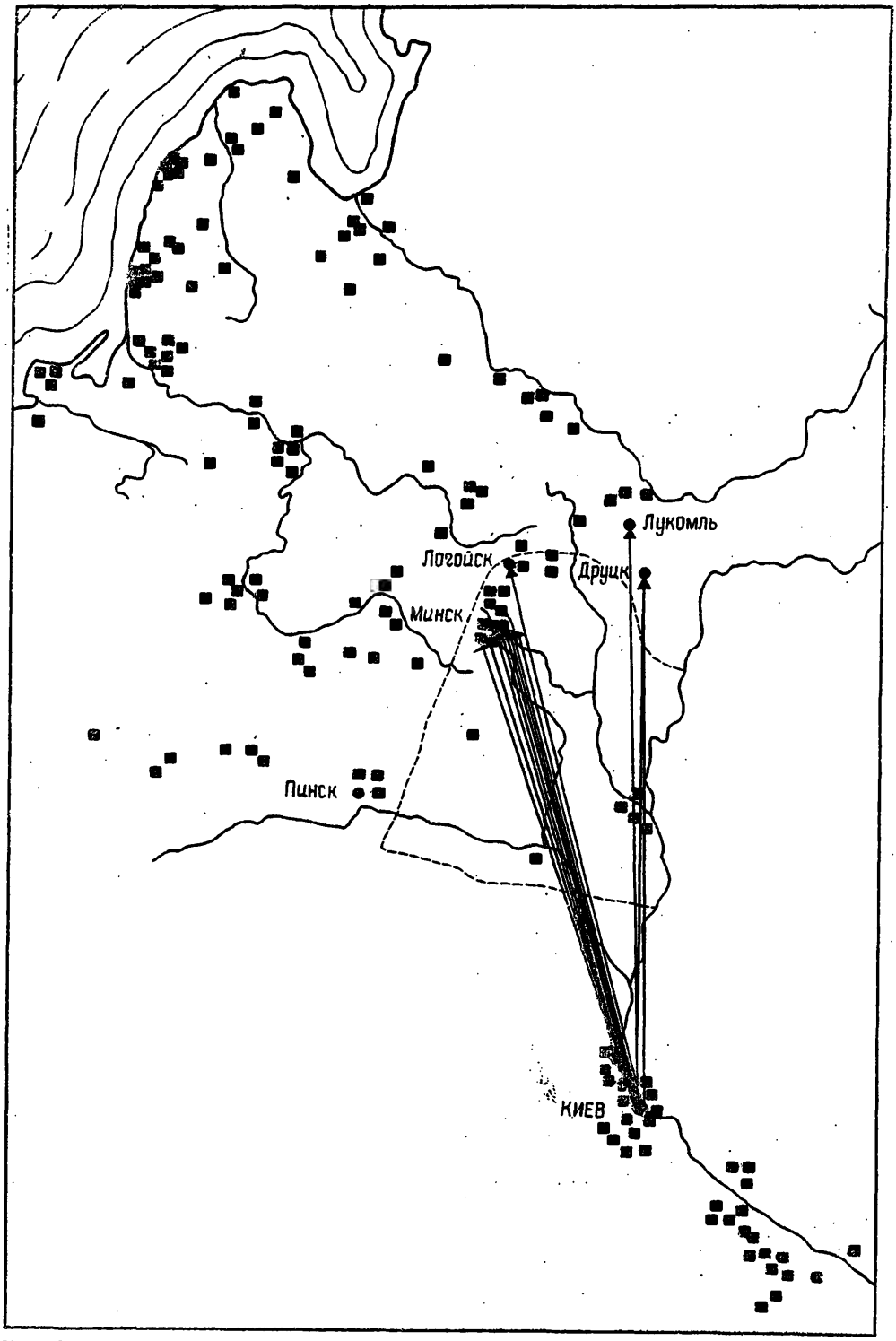
Как видим, неманско-днепровский путь мог составить серьезную конкуренцию пути из "варяг в греки" или быть достаточно самостоятельным в связях со странами Скандинавии эпохи викингов.

Нет полной ясности и в отношении Киева к первым этапам поступления в Восточную Европу арабского серебра. Цепочка кладов, зарытых до 824 г. (по младшей монете), тянется от Северного Кавказа через Маныч, Нижний Дон, Донец к Днепровскому



Карта 2. Балтский импорт по днепро-неманскому пути, IX–XI вв.

Левобережью (Паристово, Новотроицкое), проходя восточнее или северо-восточнее Киева и далее к верховьям Немана и самбийскому побережью Балтики. В самом Киеве и его округе (Монастырек) известны единичные находки восточных монет VIII–IX вв., в том числе из культурного слоя, но первые клады относятся лишь к началу X в. (Киев, 906 г.). Проходил ли путь восточного серебра до начала X в. через Киев, или город и его округа представляли собой периферию этого пути – на этот вопрос взгляды авторов статьи расходятся.



Карта 3. Сводный импорт по днепро-неманскому пути IX–XI вв.
(Пунктиром очерчена племенная территория дреговичей, по В.В.Седову, – "зияющая пустота", стрелки – направленность походов киевского великокняжеского стола по пресечению роста самостоятельности Полоцка.)

В историко-географическом комментарии к теме обратим внимание на соответствие зон скопления импорта местам городских поселений (из этого ряда выпадает Слуцк, где пока не найдены привозные вещи IX–XI вв.). Исключая Киев, остальные города (Минск, Логойск, Лукомль, Гродно и др.) упоминаются в летописи не ранее XI в., хотя культурные напластования некоторых из них оказываются более древними. Мы не решаемся однозначно ответить на вопрос, наличие ли городских центров способствовало оседанию в них и поблизости иноземных предметов, или же обусловленные географическими особенностями пути, места выпадения импорта стали благоприятной почвой для становления здесь города. Расположение Минска, Логойска и Лукомля в полосе балтийско-черноморского водораздела, на перевале из днепровской системы в неманскую или западнодвинскую (здесь же Друцк) склоняет скорее ко второму решению. В любом случае, однако, не приходится сомневаться в функциональной связи этих городов с неманско-березинско-днепровским направлением.

Пространство, лишенное импорта ("зияющая пустота"), можно представить опрокинутым треугольником с вершиной в Киеве, которому противостоит основание из цепочки городов, расположенных в зоне Большого водораздела: Пинск, Минск, Логойск, Лукомль, Друцк. Между основанием и вершиной древнерусские города отсутствуют, как и находки импорта.

Летописец помещает между Припятью и Западной Двиной дреговичей. Попытка устранить расплывчатость летописного описания была предпринята В.В.Седовым. Территория дреговичей описывается так: южная граница проходила по правобережью Припяти, восточная – по Днепру, северо-восточная – по водоразделу Друти и Березины, северная – по линии Заславль – Борисов (зона частичного смешения с полочанами), западная – по верховьям Немана и Лани. Дреговичская территория, таким образом, довольно точно соответствует киево-минскому треугольнику, располагаясь между столицей Руси и городскими центрами Полоцкой земли. Политическая история дреговичей очень слабо отражена в письменных источниках. Считается, что административным центром их был Туров, следовательно, поречье Друти, Березины и Птичи находились в отдалении от княжеской резиденции на Припяти. По сообщениям Константина Багрянородного, дреговичи были данниками Киева. Подчиненность Киеву Турова и окрестных земель во второй половине X – начале XI в. выявляется и при разделе киевского княжения между сыновьями Владимира Святославича. Одним словом, есть достаточные основания считать, что речной путь по Друти, Березине и Птичи (от устья почти до верховьев) по крайней мере с середины (первой половины?) X в. контролировался Киевом, создававшим благоприятные условия для продвижения на этом участке. Быть может, поэтому здесь и не было причин для массового "выпадения" импорта. Однако в верховьях названных рек начинался не только географический, но и политический рубеж – граница Полоцкой земли.

Борьба Киева и Полоцка в XI – начале XII в., достаточно подробно описанная в трудах историков и археологов, носила упорный и своеобразный характер. Заметим, что ослабление соперника достигалось не столько утверждением в его столице, сколько захватом крупных городов, расположенных на основных речных перевалах из Днепра в Неман или Западную Двину. Только Минск за 50 лет – с 1067 по 1117 г. – оказывался 7 раз под ударами киевских князей. Ключевое положение города на стыке противоборствующих сил отразилось и на его судьбе: по данным археологических исследований, город был перенесен с берегов Птичи на берега Свислочи.

Таким образом, в истории киево-полоцкой конфронтации просматриваются, помимо всего прочего, определенные претензии на подчинение важного отрезка речного пути.

Контакты Киева с землянами Юго-Восточной Прибалтики вполне ощутимы в материалах средневековой археологии столицы Руси. Но в письменных источниках звучание этих контактов менее выразительно по сравнению даже с варяго-киевской проблематикой. В этой связи стоит отметить пруссо-литовское представительство в составе русских послов, заключавших договоры с Византией в 911 и 944 гг., в частности прямое указание на участие в посольстве 944 г. ятвяга Гунарева. Скудость таких данных заставляет с большим вниманием относиться к результатам историко-лингвистических исследований.

В этой связи считаем существенной параллель киевскому Самбатасу в ойконимии Юго-Восточной Прибалтики. В обширной историографии вопроса о происхождении указанного топонима отметим лишь попытку объяснения его из литовского языка (Ляц-

кий). Предложенная им конструкция вызвала резкую критику большинства исследователей, так как выводила топоним из не существующего в литовском языке глагола "žamatas", якобы означающего "городить лежмя", "делать замятину". Тем не менее идея балтского происхождения Самбатаса оказывается продуктивной, если за исходную этимологическую композицию брать не литовский, а древнепрусский язык. В Самбатасе можно усматривать кальку с русского имени Киев, поскольку прусское существительное "zambas" – "угол", "зуб", "острие" (Бута). Сравним: "кий" – "палица" – "дубина". Сходное с "ζαμβαταξ" в форме "sambitae" зафиксировано у Петера Дюсбурга в значении населения "прусского зуба" – Самбии. Топоним Самбатас, обозначающий город-крепость Киев, мог попасть в греческую письменную традицию при посредничестве пруссов-самбов или усвоивших прусский язык скандинавов. Это могло произойти скорее всего в период между отмеченными выше датами посольств руссов в Константинополь.

В заключение кратко остановимся на общей периодизации неманско-березинско-днепровского пути. Следами древнейших культурных связей по этому направлению (до рубежа эр), по-видимому, являются гидронимы, восходящие к названию Вислы, известные в бассейне Немана (Свислочь), Березины Днепровской (Свислочь) и Припяти (Виславица), а также "зеркальное" расположение двух Березин: на Днепре – Борисфене – и Немане по обеим сторонам Минской возвышенности. Связям между Прибалтикой и Киевским Поднепровьем мог способствовать и общий для этих территорий балтоязычный фон, выявленный на материалах гидронимии (Топоров, Трубачев). Следующий период – III–V вв. н.э. – документируется картой вещей с эмалями, составленной Г.Ф.Корзухиной. Тот же путь просматривается и в письменных источниках первой половины I тыс. н.э. (Птолемей, Марцеллин, Маркиан). В них содержатся косвенные сведения о сближении истоков Борисфена (Днепр – Березина), Рудона – Рубона (Западная Двина) и Крона (Неман) в пределах Аланской (Алаунской) возвышенности (Белорусский кряж), что отражает определенный опыт продвижений от Балтики к Черному морю.

Начало следующего периода (славяно-русского) представлено находками шейных гривен балтийского происхождения из с.Орловец Городищенского р-на Черкасской обл., Киева, с.Ивахнихи Лохвицкого р-на Полтавской обл., датируемых VIII–IX вв. К этому же времени относятся находки вещей скандинавского круга из Киева, Вышгорода, Ходосовки (оббивка штевня ладьи, обломки стеатитового котла, стеатитовое пряслице и спиральный перстень). По-видимому, речная транспортная система сохраняла свою актуальность и в новое время: в XVIII в. г.Докшицы (верховья Березины Днепровской) был удостоен герба, символизирующего речную связь Балтийского и Черного морей.

Как приходится убеждаться, неманско-березинско-днепровский путь в связях Киева с Балтикой является более древним, чем путь из "варяг в греки". Ясно, что степень интенсивности и эффективность его использования зависели от общей этнополитической ситуации на черноморо-балтийском пространстве, точнее, вдоль трасс других путей, соединяющих оба моря. Этой особой темы мы не касаемся. Но с появлением славян в белорусском Правобережном Поднепровье и закреплением столицы Руси в Киеве данный путь переживает один из своих самых ярких периодов.

А.Б.КОВАЛЕНКО

XIV ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

Рассматриваются причины избрания Чернигова местом проведения XIV Всероссийского археологического съезда, подготовка в Москве и на Черниговщине к его открытию, работа Московского и Черниговского предварительных комитетов по устройству XIV АС и ход самого съезда, ставшего заметным явлением в развитии отечественной историографии и послужившего мощным импульсом для развития исторических исследований на Черниговщине.

Заметным явлением в истории отечественной науки второй половины XIX – начала XX в. стали съезды ученых и исследователей. Их проведение отражало объективную тенденцию развития научной мысли и обусловливалось расширением географии науки, возрастанием объема специальной информации, усиливающейся необходимостью коллек-

© *А.Б.Коваленко. 1990*
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев. 1990

тивного обсуждения назревших проблем. Созывались съезды, как правило, по инициативе наиболее авторитетных научных обществ страны. Так, Московское археологическое общество (далее – МАО) – организатор 15 Всероссийских археологических съездов[1]. Предпоследний, XIV Археологический съезд (далее – XIV АС) состоялся в 1908 г. в Чернигове. К съезду и приурочены торжества по случаю 1000-летия первого упоминания о городе в древнерусском летописании.

Выбор Чернигова в качестве места проведения съезда был вызван не только "юбилейным" обстоятельством и настойчивыми ходатайствами местных историков, заручившихся поддержкой таких авторитетных ученых, как Д.Я.Самоквасов, В.Б.Антонович, Д.И.Яворницкий, а также органов самоуправления и губернской администрации. Свою роль сыграло богатое историческое прошлое края, воплощенное в многочисленных памятниках истории и культуры. Наконец, на Черниговщине к этому времени сложилась прочная исследовательская традиция в области исторического краеведения, связанная с именами А.Ф.Шафонского, М.Е.Маркова, Н.А.Маркевича, А.М.Марковича, Ф.Гумилевского, В.В.Тарновского, А.М.Лазаревского. На рубеже XIX–XX вв. произошло организационное оформление историко-краеведческого движения, ведущими центрами которого стали Черниговская губернская архивная комиссия и Нежинское историко-филологическое общество[2].

Съезду предшествовала весьма интенсивная подготовительная работа, которую возглавил образованный МАО Московский предварительный комитет по устройству XIV АС. На сессии комитета в феврале 1906 г. рассматривался целый комплекс научно-организационных проблем: утверждены "Правила" съезда, сформулированы "Вопросы, предлагаемые на обсуждение XIV АС" и "Запросы, на которые желательно получить разъяснение на XIV АС" (в совокупности они представляли развернутую научную программу съезда), намечены первоочередные подготовительные мероприятия[3]. Кроме того, Московский предварительный комитет издал два выпуска своих "Трудов", в которые вошли, в частности, "План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV АС" Д.Я.Самоквасова, "План занятий и изысканий в Чернигове летом 1906 г." Д.В.Айналова, "Программа исследований в области религиозного и гражданского искусства" Ф.Ф.Горностаева, "Дневники раскопок", произведенных в Черниговской губернии в 1881 г." В.Б.Антоновича, "Материалы по археологии Черниговской и Полтавской губерний" Д.Я.Самоквасова и П.С.Уваровой и др. Отдельной книгой комитет опубликовал крупное исследование Д.Я.Самоквасова "Могилы русской земли"[4].

В июне 1906 г. на правах отделения Московского комитета начал действовать Черниговский предварительный комитет по устройству XIV АС, состоявший из президиума, хозяйственно-распорядительного и выставочного комитетов. Предполагалось также образовать уездные и порайонные подготовительные комитеты, но они были созданы только в Глухове, Соснице и Клинцах. Для эффективной работы комитет нуждался в немалых средствах, которые и были выделены губернским и некоторыми уездными земствами, городскими думами, губернским дворянским собранием. Значительную финансовую помощь комитету оказало МАО[4].

Основные направления деятельности Черниговского предварительного комитета были намечены в "Программе подготовительных работ к XIV АС", разработанной Черниговской губернской архивной комиссией и направленной на места еще осенью 1905 г., а также в специальном "Обращении" комитета к органам местного самоуправления, общественным организациям и любителям старины. Имелось в виду подготовить исторические справки о всех населенных пунктах губернии, описать и сфотографировать все церкви и молитвенные дома, помещичьи усадьбы, а также городища, курганы и другие археологические памятники, собрать сведения обо всех архивах, включая фамильные, активизировать изучение "местного фольклора и народного быта вообще"[5].

Осуществить эту программу в полном объеме комитету не удалось, хотя исторические исследования в регионе в этот период заметно оживились. Комитет организовал археологические раскопки в с.Мезин и на территории Глуховского уезда, экскурсии в Нежин, Новгород-Северский, Кролевец и Борзнянский уезд с целью выявления и изучения памятников старины. Сотрудники недавно созданного Черниговского епархиального древлехранилища летом 1907 г. обследовали церкви и монастыри девяти северных уездов губернии. В комитет также поступили материалы о древностях Черниговского,

Нежинского, Остерского, Козелецкого, Новгород-Северского, Мглинского, Новозыбковского и Городнянского уездов, собранные местными краеведами. По просьбе комитета на Черниговщину были направлены представители этнографического отдела Русского музея в Петербурге, которые собрали интересную коллекцию этнографических памятников. Кроме того, сюда неоднократно приезжали председатель МАО П.С.Уварова, Д.Я.Самоквасов, Ф.Ф.Горностаев, Д.В.Айналов, Н.И.Петров, В.Г.Ляскоронский, другие видные ученые[6].

Итоги деятельности Черниговского предварительного комитета подведены в сборнике "Трудов". Помимо краткого отчета, в нем были опубликованы описания архивных коллекций П.Я.Дорошенко и В.Д.Голицына, фамильного архива Кочубеев, наиболее ценных документов из архивов Черниговской и Нежинской городских дум, а также материалы о памятниках архитектуры и искусства. На средства, пожертвованные Д.Я.Самоквасовым, комитет издал "Каталог выставки XIV АС" и совместно с Городской думой план Чернигова. XIV АС были посвящены очередной, седьмой выпуск "Трудов" Черниговской губернской архивной комиссии и первый выпуск "Сборника" Черниговского епархиального древлехранилища.

На одном из заседаний Исторического общества Нестора-летописца при Киевском университете в апреле 1906 г. было образовано Киевское отделение Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. Однако, как справедливо отмечалось на съезде, его членами "было высказано много пожеланий, планов и намерений, из которых большая часть осталась в проектах". Из других научных обществ наиболее деятельное участие в подготовке к XIV АС приняли Орловское церковное историко-археологическое общество и Воронежская губернская архивная комиссия[7].

XIV АС проходил с 1 по 12 августа 1908 г. В его работе участвовали 282 человека, в том числе 125 официальных депутатов от университетов, научных обществ, архивных и музейных учреждений многих городов страны, а также из Кракова и Праги. Общие (пленарные) и секционные заседания, на которых было заслушано около 90 докладов и сообщений, проводились в помещениях губернского дворянского собрания и дворянского пансиона-приюта. На съезде работали восемь секций-отделений: первобытных древностей (председатели профессоры Д.Я.Самоквасов и В.З.Завитневич); историко-географических и этнографических древностей (проф. И.А.Линниченко); памятников искусства, нумизматики и гистики (проф. Д.В.Айналов); юридических древностей, хозяйственного, домашнего и военного быта (проф. М.В.Довнар-Запольский); церковных древностей (проф. Н.В.Покровский); памятников языка и письма (акад. А.И.Соболевский); классических, византийских, восточных и западно-европейских древностей (проф. Э.Ф.фон Штерн); археографии и архивоведения (Л.М.Савелов). Руководил всей работой съезда избранный из числа его участников Ученый комитет во главе с Э.Ф. фон Штерном.

Характерная особенность XIV АС заключалась в четко выраженной региональной направленности представленных на нем исследований: две трети рефератов касались истории Черниговщины и отчасти соседней Полтавщины. В отличие от предыдущих съездов, в тематическом отношении приоритет принадлежал докладам о памятниках архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Наконец, еще одной специфической чертой XIV АС явилось активное участие в его работе местных научных сил, краеведов и любителей старины из Чернигова, Нежина, Новгорода-Северского, Остра, Борзны, Козельца, Березного, Глухова, Новозыбкова, Стародуба, Мглина, Клинцов.

Значительное внимание на съезде уделялось археологическим древностям края. В докладе одного из активнейших участников съезда, уроженца Черниговщины Д.Я.Самоквасова "О Северянской земле и северянах по городищам и могилам" были поведены итоги его многолетних исследований. Большой интерес вызвал доклад В.Г.Ляскоронского "Городища, курганы и майданы в области Днепровского Левобережья". Настоящую сенсацию произвел реферат Ф.К.Волкова "Палеолитическая стоянка близ села Мезина", открывший новую страницу в древнейшей истории края. Сообщения И.С.Абрамова и Н.Г.Лебедянского были посвящены отдельным памятникам на территории Глуховского и Новгород-Северского уездов[8].

Участники съезда подвергли всестороннему анализу архитектурные памятники Черниговщины XI–XVIII вв. Доклады ведущих специалистов в этой области Ф.Ф.Гор-

ностаева "Об архитектуре древних храмов Чернигова домонгольского периода", "О деревянных церквах Черниговской губернии", "Об архитектурных особенностях каменных храмов Черниговской губернии XVII и XVIII вв.", Д.В.Айналова "Архитектура черниговских церквей". Г.Г.Павлуцкого "Древнейшие храмы Чернигова", "О происхождении форм украинского зодчества", А.П.Новицкого "Черты самобытности в украинском зодчестве" позволили проследить преемственность и определить основные этапы в развитии монументальной архитектуры края. Интересные сведения о художественной культуре прошлого были приведены в сообщениях местных исследователей: М.Н.Бережкова – об истории Спасо-Преображенского собора в Чернигове, П.М.Добровольского – об иконостасе Введенской церкви черниговского Троицко-Ильинского монастыря, В.Г.Дроздова – о царских вратах Екатерининской церкви в Чернигове, П.А.Лобова – о соборе Рождества Богородицы в Козельце[9].

Отдельную, хотя и небольшую в количественном отношении, группу составили зачитанные на съезде рефераты на собственно историческую тематику. Некоторые спорные вопросы исторической топографии Чернигова и его округи были освещены П.М.Добровольским ("Где находились старинные не существующие ныне храмы Чернигова", "План Чернигова до распланирования в начале XIX в.") и А.Н.Ефимовым ("Об Олеговом поле", "О Елецких пещерах"). Доклады В.А.Барвинского "Комиссия экономии описных... маетностей, причины ее учреждения и деятельность", Д.П.Миллера "К истории Новгорода-Северского", М.Н.Бережкова "Михаила Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова" проливали свет на малоизвестные страницы истории края XVII–XIX вв.[10]

5 августа состоялось специальное заседание съезда, посвященное 1000-летию летописного Чернигова, на котором выступили П.С.Уварова, Д.Я.Самоквасов, В.З.Завитневич, М.В.Довнар-Запольский и Г.Г.Павлуцкий. На следующий день, 6 августа, прибывшие на съезд историки приняли участие в юбилейных торжествах, организованных Городской думой. Программа съезда включала показательные археологические раскопки, которые 3, 10 и 11 августа провел на Болдиной горе и в районе Березок Д.Я.Самоквасов. Образованная съездом комиссия 11 августа выявила и обследовала фрагменты древнерусских фресок в Успенском соборе Елецкого монастыря. Были запланированы, но по техническим причинам не состоялись экскурсии в Любеч и Новгород-Северский. На заседаниях Ученого комитета съезда были разработаны инструкция о проведении археологических раскопок, а также проект закона об охране древних памятников, направленный от имени съезда в Министерство внутренних дел[11].

Значительный научный интерес представляла обширная выставка памятников местной старины, устроенная в здании реального училища, – по общему мнению, одна из лучших за всю историю археологических съездов. Выставка, на которой было представлено 5,6 тыс. экспонатов, состояла из восьми разделов: памятники археологии; церковные древности; нумизматика, медали, жетоны; исторические памятники; этнографические памятники; старопечатные книги; рукописи и документы; картография[12]. Основная часть экспонатов была собрана в период подготовки к съезду и впервые вводилась в научный оборот. На выставке экспонировались также памятники из музея Черниговской губернской архивной комиссии, Черниговского епархиального древлехранилища и Музея украинских древностей В.В.Тарновского. Кроме того, свои коллекции представили музей Глуховского уездного земства, Полтавское, Киевское и Орловское церковные историко-археологические общества, Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Курская и Орловская губернские архивные комиссии, Естественно-исторический музей Полтавского губернского земства, некоторые любители и собиратели старины. В целом выставка давала достаточно полное представление о древностях всей Левобережной Украины и пользовалась заслуженной популярностью у гостей и жителей Чернигова. На протяжении нескольких дней ее посетило около 11,5 тыс. человек[13]. Часть выставленных экспонатов была передана в дар городу и впоследствии пополнила собрание музея Черниговской губернской архивной комиссии[14].

Работа съезда освещалась в специально издававшихся в период его проведения "Известиях XIV АС" и местной прессе. Протоколы пленарных и секционных заседаний, некоторые доклады и сообщения затем были опубликованы в трех томах "Труды XIV АС". Обстоятельную информацию о съезде поместили многие научные журналы и другие периодические издания историко-филологического профиля.

XIV АС проходил в сложной общественно-политической обстановке, связанной с поражением буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. и наступлением полосы правительственной реакции. Все это так или иначе сказалось на его подготовке и проведении. Соответствующую политическую тональность еще в феврале 1906 г. на сессии Московского предварительного комитета попыталась задать председатель МАО П.С.Уварова, призвавшая ученых "не увлекаться никакими злобами дня", чтобы "уродливые проявления того психоза, который обуял нас за последнее время, не коснулись мирных, скромных, ученых занятий изучения памятников старины, которым единственно должны быть посвящены наши археологические съезды"[15].

Стремлением придать XIV АС официозный, охранительный характер было вызвано, в частности, довольно активное участие в его работе представителей высшей губернской администрации и духовенства. Существовала на съезде и своеобразная внутренняя "цензура". "Правила XIV АС" вменяли в обязанность председателям секций "допускать к докладу только те из рефератов, которые будут предварительно одобрены Ученым комитетом съезда", а "словесные сообщения" допускались комитетом только "по рассмотрению тезисов"[16]. И хотя этот благонамеренный "сценарий" не был нарушен какими-либо "эксцессами", на заседаниях и в кулуарах съезда происходила подспудная борьба между представителями различных направлений в отечественной историографии, исповедовавшими к тому же различные политические взгляды.

Так, уже на подготовительной стадии весьма остро встал вопрос о чтении докладов на украинском языке. Согласно "Правилам XIV АС", Ученый комитет мог в виде исключения "назначать заседания или допускать чтение докладов на французском и немецком языках, равно как и на всех славянских наречиях"[17]. Эта весьма расплывчатая формулировка, равно как и хорошо известная великодержавная позиция организаторов съезда, привела к тому, что некоторые ученые из Киева и Львова, а также местные деятели культуры во главе с М.М.Коцюбинским бойкотировали съезд[18]. Их опасения во многом оправдались. Черносотенцы действительно попытались использовать его трибуну в своих целях. Именно это имел в виду М.М.Коцюбинский, публично выступивший против "грязной политической шумихи", поднятой на съезде[19].

И все же XIV АС стал заметным событием в отечественной историографии, послужил мощным импульсом для развития исторических исследований на Черниговщине. В период его подготовки и проведения обрела "второе дыхание" Черниговская губернская архивная комиссия, переживавшая трудное время после расправы, учиненной над ее прогрессивно настроенными членами в 1904 г. губернатором А.А.Хвостовым[20]. В результате активной экспедиционной и собирательской работы существенно пополнились собрания местных музеев. Немаловажное значение имело и непосредственное общение краеведов со многими крупными учеными, прибывшими на съезд. Наконец, съезд способствовал распространению и популяризации исторических знаний, пробуждению интереса к прошлому края среди широких слоев населения.

В то же время XIV АС отразил кризисные явления в развитии буржуазной исторической мысли периода империализма. Фактография, мелкотемье, ощутимый разрыв между накоплением археологического материала и его научно-историческим осмыслением характерны для многих работ, представленных на съезде. Тем не менее комплекс приуроченных к съезду изданий содержит богатый фактический материал и ценные наблюдения, выдержавшие испытание временем. При условии критического анализа они вполне могут быть взяты на вооружение современными исследователями.

1 *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983. – С.154–155; *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. – М., 1986. – С.67–68; *Швидько А.К.* Из истории археологических съездов в России // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья: Межвузовский сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1987. – С.136–144.

2 *Федоренко П.* Нариси з історії вивчення Чернігівщини // Зап. Чернігівського наук. тов-ва. – Чернігів, 1931. – Т. 1. Праці історично-краєзнавчої секції. – С.9–31.

3 Правила XIV Археологического съезда в Чернигове и протоколы заседаний Московского предварительного комитета. – М., 1906; *Кедров С.* Краткий отчет о деятельности предварительного Комитета в Москве по устройству Археологического съезда в Чернигове // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. – Казань, 1906. – Т. 22. – Вып. 1. – С.68–74.

4 Труды Черниговского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда в Чернигове. – Чернигов, 1908. – С.1–5 (Приложение).

5 Труды Черниговской губернской архивной комиссии. – Чернигов, 1908. – Вып. 7. – С.111–118 (Приложения).

6 Труды Черниговского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда в Чернигове. – С.5–8 (Приложение); Сборник Черниговского епархиального древлехранилища. – Чернигов, 1908. – Вып. 1. – С.20–30; Черниговские епархиальные известия. – 1908. – № 7 (часть официальная).

7 Труды XIV АС. – М., 1911. – Т. 3. – С.50–51 (протоколы); Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1907. – Кн. 19. – Вып. 4. – Отд. 1. – С.82–83.

8 Известия XIV АС. – 1908. – № 5. – С.54–55; Труды XIV АС. – М., 1911. – Т. 3. – С.65–66, 113–114, 119 (протоколы); *Рудаков В.* XIV Археологический съезд и 1000-летие г.Чернигова // Истор. вестн. – 1908. – № 10. – С.264–265; *Бороздин И.Н.* Первобытная археология и классические древности на XIV Археологическом съезде в Чернигове // Гермес. – 1908. – № 15. – С.399–404; *Шовкопляс И.Г.* Мезинская стоянка : К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. – Киев, 1965. – С.11–12.

9 Известия XIV АС. – 1908. – № 7. – С.88–89, 102–103; Труды XIV АС. – Т. 3. – С.66–67, 80–81, 87–89, 115, 119–120 (протоколы); *Макаренко Н.* Южно-русское искусство на XIV АС в Чернигове // Старые годы. – 1908. – № 10. – С.637–642; *Белецкий А.* Отдел церковных древностей на XIV АС в Чернигове // Сб. Харьк. ист.-филолог. о-ва. – Харьков, 1909. – Т. 18. – С.485–504.

10 Труды XIV АС. – Т.3. – С.61, 112–113, 115, 117, 120, 123 (протоколы); *Федоренко П.* Нариси... – С.31–34.

11 Труды XIV АС. – Т. 3. – С.61, 72–77, 81, 93–111, 116, 127, 129, 136 (протоколы); Черниговское слово. – 1908. – 2–3,5, 8–10, 12 авг.; Черниговские епархиальные известия. – 1908. – № 15 (Часть официальная); Краткий обзор деятельности Черниговского городского общественного управления за четырехлетие 1905–1909 гг. – Чернигов, 1909. – С.13–14, 29–31, 90–91.

12 Каталог выставки XIV АС в Чернигове. – Чернигов, 1908.

13 Труды Черниговского предварительного комитета... – С.5–8 (Приложение).

14 Черниговское слово. – 1908. – 19, 22 авг.

15 Труды XIV АС. – Т.3. – С.11–12 (Протоколы).

16 Правила XIV АС в Чернигове... – С.2.

17 Там же. – С.4.

18 *Грінченкова М., Верзилів А.* Чернігівська українська громада (Спогади) // Чернігів і Північне Лівобережжя. – К., 1928. – С. 483; *Калениченко Н.Л.* Громадсько-політичні зв'язки і діяльність М.М.Коцюбинського // М.М.Коцюбинський як громадський діяч: Документи, матеріали, публікації. – К., 1968. – С.16–17, 116.

19 *Коцюбинський М.М.* Твори : В 6 т. – К., 1962. – Т. 6. – С.83–85; *Коцюбинська І.М.* Спогади і розповіді про М.М.Коцюбинського. – К., 1965. – С.89.

20 *Коваленко О.Б.* Чернігівська архівна комісія (До 80-річчя з дня заснування) // УІЖ. – 1976. – № 12. – С.122.

А.А.МЕДЫНЦЕВА

ЧАРА ВЛАДИМИРА ДАВЫДОВИЧА

Реконструкция черновой разметки надписи на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича, данные палеографии в сопоставлении с летописными данными не только позволяют проследить историю предмета, но и дают новые данные по истории прикладного искусства, древнейшего русского языка и письма

Серебряная кованая чаша объемом около 8 л найдена при раскопках столицы Золотой орды – Нового Сарая (Царевское городище) в 1843 г. Опубликована в 1851 г. А.Ф.Бычковым[1]. Он дал подробное описание чары, а также чтение и палеографический анализ надписи, прочеканенной по верхнему краю чары. Надпись, называющая имя князя Владимира Давыдовича, по мнению А.Ф.Бычкова, почти полностью находит аналоги в письменных памятниках XI и преимущественно XII в. В летописи известен только один князь Владимир Давыдович – бывший черниговским князем с 1139 по 1151 г., и первоиздатель связал чару с его именем. С тех пор чара Владимира Давыдовича прочно вошла в фонд наиболее известных подписных произведений русского прикладного искусства и имеет весьма солидную библиографию[2].

Большая (диаметр 32–34 см) чара выкована из целого листа серебра, на вертикальном, слегка отогнутом ободе двойным контуром вычеканена заздравная надпись (рис.1):

А СЄ ЧАРА ВОЛОДИМИРОВА ДАВЫДОВЧА
КТО НЗ ИЄЄ ПЬ ТОМУ ИА ЗДОРОВЬЄ
А ХВАЛА БОГА [Н] СВОЄГО ѡСПОДАРА
ВЄЛИКОГО КИА

© *А.А.Медынцева, 1990*

ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

Надпись разделена на четыре части орнаментальными "процветшими" крестами. Многие исследователи, начиная с А.Ф.Бычкова, отмечали русские особенности надписи, ее "чеканный" стиль, напоминающий "Слово о полку Игореве"[3].

Но до сих пор в этой хрестоматийной надписи, в ее переводе, и датировке много неясностей. На неясности в переводе, вернее, на его отсутствие впервые обратил внимание А.Исаченко[4]. Он отмечает, что в четырех случаях имеются отклонения от ожидаемой орфографии. "Кня" вместо "князя", "давыдовча" вместо "давыдовича", "пь" вместо "пьеть". Пропущен союз "и", в остальных случаях пропуск букв не соответствует общим правилам сокращений. Далее автор комментирует выражение "а хваля бога". Так как случаи побудительного союза (а) с причастием неизвестны, он полагает, что "хваля" – усеченная форма от "хвалять" аналогично "пь" от "пьеть", таким образом, перевод конца надписи: "да хваля[ть] бога [и] своего [е]сподаря великого кня[зя]". С предложенным переводом можно согласиться.

Но указанными отклонениями отнюдь не исчерпываются особенности надписи. К ним можно добавить первые элементы вязи: наличие лигатур, выносных и разноформатных букв, использование редких начертаний: "у" в виде цифры "4", "Y" в виде палочки с расщепом – формы, в других памятниках XII в. встречающиеся как исключение. Также для XII в. не характерна квадратная петля в "ы", хотя она известна в некоторых граффити конца XI в. из Софии Киевской. Кроме того, считается, что здесь впервые использован титул "великого князя" в титулатуре некиевских князей[5]. М.Д.Приселков считал, что великий князь вне Киева впервые упоминается в летописи в 1186 г.[6] Но В.Л.Янин сомневается, что титулатура в это время отражает возникновение новых форм великокняжеской власти, и считает, что в XI–XII вв. различия в терминах "князь" и "великий князь" имели гораздо меньшее значение, чем в позднейшей феодальной титулатуре[7].

Несомненно, что надпись демонстрирует целый ряд особенностей в графике, фонетике и лексике, которые становятся типичными позднее. Если вспомнить, что чара происходит из Сарая Берке (послемонгольского времени), то естественно будет предположить, что она датируется несколько более поздним временем и принадлежит другому князю. Но сочетание имени и сравнительно редкого отчества, титул "великого князя" не дают оснований видеть во владельце чары какое-либо другое лицо. Кроме того, наряду с относительно более поздними формами в графике отражены и достаточно архаичные черты: А – с маленькой остроугольной головкой, Ь – с треугольной петлей, Н – с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы, В – с почти равновеликими петлями и т.д. Нужно отметить еще один факт, ставший известным в недавнее время, – наличие первоначально черновой разметки надписи. При внимательном рассмотрении чеканной надписи можно видеть еще одну – процарапанную. Она видна на открытых частях букв основной надписи, не тронутых чеканом, что позволяет сделать вывод о том, что она процарапана до чеканки основной надписи. На фоне, покрытом канфарением, процарапанная надпись почти не сохранилась, за исключением некоторых наиболее глубоких черт, видных и после канфарения. Однако, несмотря на фрагментарность и отсутствие некоторых слов, можно почти полностью восстановить первоначальный вид надписи (рис.2):

А СЕ ЧАРА КНѦ[З]Ѧ ВОЛОДОВОВА ДВДОВИ[ЧА] КТО ИЗ НЕЕ ПЬ[ЕТЬ] [ТО]МУ НА ЗДОРОВ[Ь]Е А ХВАЛѦ БО[ГА] [СВОЕГО ОСПО]ДАРѦ ВЕЛИК[СГ]О...

Процарапанная надпись по содержанию представляет первоначальный вариант, своего рода черновик основной надписи. Однако расположение надписей на чаре и их тексты не везде совпадают между собой.

Чеканная надпись в первых словах ("а се чара") совпадает с нацарапанной, но к концу фразы далеко выходит за пределы последней. И в следующей фразе "кто из нее пьеть" первые буквы обеих надписей совпадают, затем происходит некоторое смещение их.

Видимо, мастер перед чеканкой первой фразы процарапал ее на чаре. Но чеканная фраза заняла гораздо большее место. То же случилось и со следующими фразами. В результате вся надпись заняла несколько большее место, чем предполагал мастер. Возможно, именно поэтому в конце надписи появились лигатуры, отсутствующие в начале.

Между основной и процарапанной надписями есть некоторые отличия: вместо чеканного "кня", по всей вероятности, было процарапано "князя", вместо "володимиро-

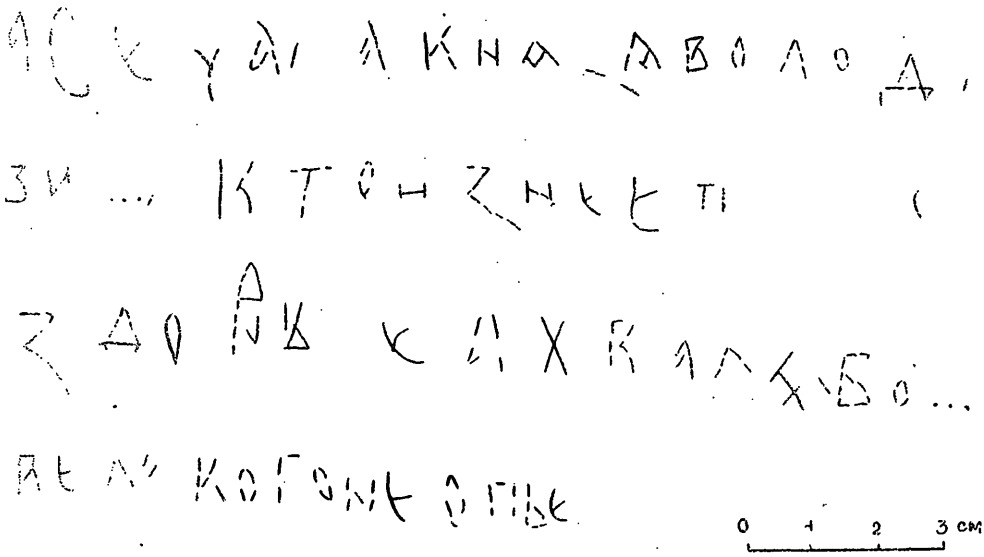
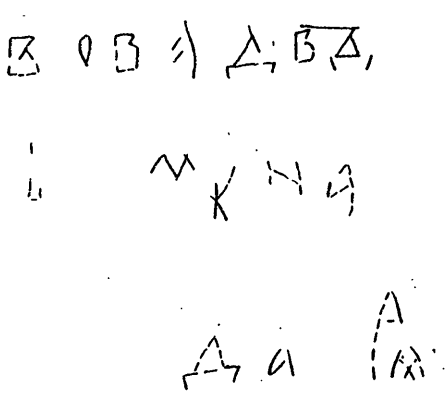


Рис. 1. Прорись надписей на чаре Владимира Давыдовича.

ва" – "володовова", отчество в процарапанной надписи дано под титлом: "двдови[ча]". Кроме того, в процарапанной надписи отчества после "в" написано "и", пропущенное при чеканке. Однако, несмотря на различия чеканной и процарапанной надписей, они, вероятно, сделаны одной и той же рукой, о чем говорят ошибки в написании буквы "у" – в обеих надписях она написана наоборот. Все это говорит о том, что надписи сделаны в одно и то же время. Но текст их совпадал лишь приблизительно. Так, в черновом варианте отсутствовала усеченная форма "пь" (пьеть), но сохранялась "хваля". Кроме того, если судить по сохранившимся элементам букв, не совпадали последние слова надписей: в чеканной надписи "великого кня/зя/", в черновой по остаткам букв читаем слово "великого", но вместо ожидаемого "кня" или "князя" читаются следующие буквы "–е–/о/–е–". Очевидно, окончание фразы было иным. По сохранившимся частям букв можно попытаться его прочесть. После отчетливо читаемого "О" и остатков верхней черты от "г" (окончание предшествующего слова "великого") следует канфаренный промежуток и отчетливо читаемое "е" – легко предположить, что это остатки частицы "NЄ". Затем следует промежуток канфаренного фона и остатки верхней части буквы О, остатки вертикальной мачты какой-то буквы и снова полностью сохранившаяся "с". Возможно, это последнее слово следует читать: ОП[Ь]Є[ТЬСѦ], или вернее, ОУ[ПЬ]Є[ТЬСѦ], так как в древнерусских источниках это слово встречается в такой форме[8].

Таким образом, смысл надписи меняется: "кто из нее пье[ть], тому на здоровье ... а хваля бога [и] своего господаря великого не упье[тся]".

Предложенная реконструкция говорит о том, что в процессе исполнения изменен не только текст, но и первоначальный замысел надписи. Это обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на лакуны и в середине черновой записи, а именно – на вторую фразу. В окончательном, чеканном варианте она звучит так: "кто из нее пье[ть] тому на здоровье". Черновая запись совпадает с ней в первых двух словах, следующее слово "нее" читается в обеих, но при этом чеканная занимает несколько больше места, поэтому первая буква следующего слова "п" отчетливо читается на широком поле буквы "Є" чеканной. Затем следует лакуна из нескольких чеканных букв с остатками черновой разметки и снова сопадают две последние буквы в слове "тому". Все, что первоначально находилось между этими двумя словами, неясно, но бросается в глаза несоразмерно большое пространство, отведенное для написания отсутствующих пяти букв, даже если считать, что слово "пьеть" написано полностью. Возможно, мастер дважды повторил это слово или написал его очень широко в расчете на чеканную надпись. Но в других местах черновой разметки такой прием отсутствует. Поэтому не исключено, что первоначально здесь должно было быть добавочное слово. Судя по остаткам букв О,



Ѣ, это могло быть "ПОМАЛѢ" – мало, немного. Таким образом, первоначальный текст-замысел надписи такой: "се чара Володовова Давыдовча. Кто из нее пье[ть] помале, тому на здоровье, а хвала бога [и] своего [г]осподаря великого не упье[тся]". При этом нужно иметь в виду, что восстановление последнего слова подтверждено сохранившимися остатками букв, а слово "помале" восстанавливается лишь по наличию лакуны и смыслу и остаткам единственной буквы. Но и отсутствие этого слова не слишком меняет смысл заздравной надписи: пить на здоровье, во хвалу князя, но не "упиваться".

Большая емкость чары, на первый взгляд, противоречит такому пониманию надписи. Но если учесть, что серебряная чара была парадной, предназначенной для званых пиров посудой, из которой князь пил с многочисленными гостями, то размеры чары перестанут удивлять. Призыв заздравной надписи пить "помале" находился в полном соответствии с нравоучительными изречениями "Изборника 1076 г.": "питие мерное сыть наполняет и веселит, безмерное же бешенство есть"[9].

В этом же "Изборнике", написанном для деда Владимира Давыдовича – Святослава, содержится ряд высказываний о воздержании и вреде пьянства, например, приписываемые святому Нилу: "Пий вино помалу, елико бо скудо пиется, толико благо твори пиющим"[10].

Не только княжеские Изборники, но и эпическая поэзия осуждает чрезмерное питие. Существовал особый строгий обряд, согласно которому до каждого гостя должна была дойти круговая чара, ходившая по кругу "рядом", по определенному порядку. В былинах об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче подчеркивается невоспитанность Тугарина, который выпивает "чару в полпята ведра... одитным духом досуха", в то время как Алеша Попович,соблюдая пиршественный этикет,"потихоньку пьет"[11].

Сравнение двух надписей – черновой и чеканной – позволяет заглянуть в творческий процесс мастера, объясняет многие особенности окончательного варианта.

При исполнении орнаментальной надписи мастер менял и написание слов, и их расположение, и форму букв, и даже смысловую нагрузку надписи. Это обстоятельство полностью опровергает слепое копирование, неизбежное при неграмотности самого мастера, хотя некоторые исследователи не исключают и такое объяснение появления надписей на произведениях ремесла[12].

Обычно употребление лигатур в заздравной объясняют неверным расчетом и торопливостью исполнения. Действительно, к концу заздравной надписи буквы стоят теснее, а лигатуры и разноформатные буквы – чаще. Но уже в черновой надписи мастер использует разноформатные буквы. Отсутствие точной разметки в данном случае показывает свободное владение мастера письмом как декоративным, так и бытовым, его вольное обращение с самим заздравным текстом.

Графические различия надписей представляют большой интерес, так как показывают разницу между двумя стилями письма. Буквы чеканной надписи близки к современным им книжным заставкам, к начертаниям букв орнаментальных надписей на камнях и произведениях прикладного искусства. Процарапанная надпись сделана быстрым неровным почерком, мастер упростил начертания букв, написаны они более небрежно, больше вариантов одной и той же буквы.

Обе надписи полностью свободны от церковнославянизмов, более того, в них проявляются и диалекты языка. Русское полногласие проявилось в написаниях "Володовова" (черновая), "Володимерова" (чеканная), "здоровье" (в обеих), "NЄЄ" вместо церковнославянского "NЄѢ" и правильного русского "NЄѢ" свидетельствует еще о каких-то изменениях в произношении "Ѣ". В данном случае он заменен на "Є", что фонетичес-

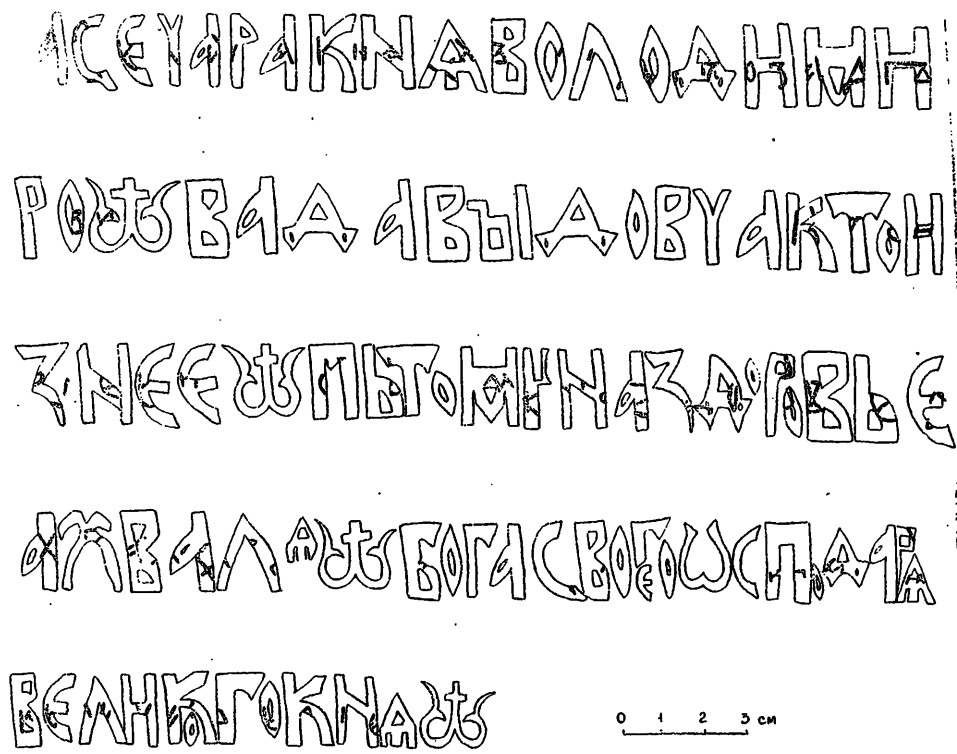


Рис. 2. Реконструкция черновой надписи.

ки должно означать "NЄЌ". Примеры смешения Ѣ и Є наблюдаются уже в древнейших памятниках письменности, в том числе и в окончаниях (вместо I – Ѣ), причем в разных диалектных зонах[13]. Трудно в данном случае говорить о каком-то конкретном диалекте. Более определенные указания, возможно, дает усеченная форма глаголов (3-е л.наст. вр.), повторенная дважды (пь, хваля), в чеканной надписи. Исследователи отмечают, что формы без "т" представлены в большей степени на русском северо-западе и на юге[14]. Можно отметить наличие в надписи сочинительной конструкции с союзом "а", выражающим причинно-следственное отношение, где сказуемое первого предложения выражается глаголом изъявительного наклонения, а сказуемое второго – повелительного (в данном случае в этом значении выступает глагол настоящего времени). Такой тип сочинительной конструкции не был общераспространенным и представлял собой диалектное явление, ограниченное территорией Юго-Западной Руси[15]. Вероятно, именно таким образом следует понимать конструкцию: "се чара Владимира Давыдовча ... а хваля [те] бога [и] своего осподаря..." в чеканном окончательном варианте (Эта чара Владимира Давыдовича ... да хвалите бога и своего господаря!). Но в первоначальном варианте, насколько можно судить по сохранившимся словам, использована другая конструкция: "Это чара Владимира Давыдовича, кто из нее пьеть тому на здоровье, а хваля бога [и] своего господаря ... не упьется", т.е. "хваля" в данном случае не усеченная форма глагола, а причастие.

На возможность последнего варианта заздравной надписи указывают тексты, сохранившиеся на более поздних (XVI–XVII вв.) братинах. Наряду с такими надписями, как "пити из нея на здравие всякому", на одной из них находится надпись, текстологически близкая надписи на чаре Владимира Давыдовича: "пити из нея за здравие всякому доброхотному человеку, благодаря бога и моля за государя" (подчеркнуто мной .– *А.М.*)[16].

Таким образом, мастер, сокращая надпись, воспользовался совпадением причастия и диалектной формы и изменил редакцию первоначального текста.

Если понимание этой конструкции верно, то мы получаем указание на происхождение диалектизмов надписи. А они не исчерпываются названными. К ним относится и форма "осподаря", отражающая диалектный пропуск "г" (γ или h). По поводу объяснения подобных написаний среди лингвистов нет единого мнения. Одни исследователи счи-

тают его наследием древнекиевского произношения[17]; другие, учитывая наличие подобных написаний в берестяных грамотах, связывают их происхождение с общерусскими процессами[18]. Ф.П.Филин считает, что восточнославянская языковая область по произношению "д" очень рано разделилась на две диалектные зоны: южную и северную, при этом взрывной звук сохранился в произношении словен и кривичей, а в остальных племенных диалектах он изменился во фрикативный[19].

В данном случае, учитывая происхождение чары (владелец – черниговский князь) и наличие южного, возможно, юго-западного диалектизма (см. выше), это написание может отражать южное произношение.

К диалектизмам, возможно, следует отнести имя "Волод" в черновой записи, измененное на правильное "Владимир" в чеканной. Хотя такая форма имени на русской почве могла появиться в любой области, в летописи имена "Володша", "Володарь" известны в основном среди галицких и полоцко-минских князей.

Таким образом, обе надписи (и чеканная, и черновая разметка) на сравнительно небольшом материале ярко демонстрируют диалектизмы мастера, как мы можем предполагать, южнорусского или юго-западного русского происхождения. Заздравная надпись на чаре, величающая князя и его гостей, конечно, находилась в тесной связи с устной поэзией и поэтому совершенно свободна от традиционной книжной лексики и правописания. Именно поэтому в ней ярко отразились и диалектное произношение, и новые явления в истории языка, – так своеобразна графика, сочетающая элементы нового и старого. Княжеский ремесленник, свободно владеющий не только своим ремеслом, но и письмом, в процессе работы менял и смысловой акцент, и слова, и графику надписи. Тексты обеих надписей позволяют не только сравнивать графику "делового" и "торжественного" стиля, но свидетельствуют, что многие явления в истории языка гораздо раньше отражаются в памятниках так называемой "бытовой", а не канонической, традиционной письменности. Это явление отмечено для новгородских берестяных грамот, материал которых позволил выделить целый ряд особенностей древненовгородского диалекта, почти не нашедших отражения в книжной письменности[20].

Заказчик чары – Владимир Давыдович – был внуком Святослава Черниговского и вместе с братом Изяславом активно участвовал в междоусобных войнах Всеволода II Олеговича с Юрием Долгоруким. В 1139 г., когда Всеволод становится киевским князем, он неожиданно, в обход ближайших родственников, сажает Владимира Давыдовича на черниговский стол. Именно с этим моментом – мартом 1139 г. – связывают обычно изготовление заздравной чары, где Владимир Давыдович называет себя "великим" князем[21]. Усобицы, поощряемые политикой Всеволода II, не прекращаются и даже обостряются после его смерти, когда киевским князем становится Изяслав Мстиславич. Черниговские Давыдовичи выступают то на стороне великого князя, то Юрия Долгорукого, пока, наконец, не сталкиваются в качестве противников в битве на Руте 5 мая 1151 г. Здесь Владимир Давыдович сражается вместе с половцами на стороне Юрия Долгорукого, а его брат Изяслав Давыдович – на стороне киевского Изяслава. Битва кончилась поражением Юрия, а Владимир Давыдович был убит. На поле брани его тело находит брат Изяслав, отвозит в Чернигов, чтобы похоронить в Спасском соборе, а сам становится черниговским князем.

Так заканчивается бурная, полная интриг, походов и сражений жизнь "великого князя" Владимира Давыдовича. Но его величальной чаре, изготовленной по случаю вокняжения, была суждена долгая жизнь и самостоятельная история.

Как упоминалось, чара была найдена в 1843 г. при раскопках на Царевском городище (г. Сарай Берке)[23]. Поэтому предполагали, что она попала в столицу Золотой орды после взятия татарами Чернигова в 1239 г. Такой путь, конечно, вероятен. Но, возможно, она попала в Сарай при других обстоятельствах.

В.Ф.Ржина предположил, что чара попала в Золотую орду не военным путем, так как в летописях сохранилось "любопытное известие", что жена Владимира Давыдовича бежала в половецкую землю и вышла замуж за хана Башкорда[24]. Если учесть дальнейшую судьбу Давыдовичей и черниговского стола, это предположение будет выглядеть еще вероятнее.

Жизнь нового черниговского князя Изяслава Давыдовича после смерти брата складывалась удачно, ему даже на короткое время удалось стать великим киевским князем после неожиданной смерти Юрия Долгорукого, а его племянник, сын Владимира Давы-

довича Святослав становится князем черниговским. Но Изяслав Давыдович задумал поход на Галич и в результате "превратился из великого князя киевского в бездомного изгоя, довольствовавшегося городком Вырем, сложил свою голову под саблей в лесу близ Белгорода", а его племянник еще раньше уступил Чернигов Святославу Ольговичу. После смерти своего дяди и сюзерена Святослав Владимирович отсиживается в глухих брянских лесах в качестве Вщижского князя[25]. На этом князе кончается династия Давыдовичей, после его смерти в 1166 г. стол как выморочный достается сыну черниговского князя Святослава Ольговича[26].

При таких обстоятельствах трудно представить, что величальная чара, называвшая великим князем Владимира Давыдовича, находилась в сокровищнице черниговских князей, а не была перелита по обычаям того времени.

Поэтому более вероятен другой путь, через половцев. Известие о побеге матери Владимира Давыдовича "в половцы" помещено в летописи под 1159 г., когда ее второй муж Башкорд с 20 тыс. половцев приходит к Белгороду на помощь Изяславу Давыдовичу. Летописец поясняет, что Башкорд "вотчим Святославли Владимирича, бе бо мати его бежала в Половци и шла за нь..."[27]

Вероятно, побег матери Святослава состоялся после смерти мужа (1151 г.), когда ее малолетний сын получает в удел третьестепенный Вщиж, а черниговский стол переходит из рук в руки. Надо думать, что этот "побег" был чисто символическим, так как впоследствии сохраняются связи с бывшими родственниками. Среди приданого новой половецкой княгини могла оказаться серебряная чара ее первого мужа, и уже впоследствии, через половецкие степи, чара могла попасть к татаро-монголам. При отсутствии прямых наследников в русской среде сохранение величальной чары более вероятно именно этим путем.

Как бы то ни было, чара русского князя оказывается в столице Золотой орды, где и находилась почти 150 лет, пока Новый Сарай не был разрушен в конце XIV в. Тимуром.

В заключение еще раз отметим значительную ценность черниговской чары не только как "любопытного факта" русской истории, но и как произведения русского прикладного искусства, древнейшего русского языка и письма.

1 *Бычков А.Ф.* О серебряной чаре XII в., принадлежавшей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу // Зап. археолог. о-ва, служащие доп. Зап. Санкт-Петербургского Нумизматического о-ва. – Спб., 1851. – Т.3. – С.157–159.

2 *Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. – М.; Л., 1952. – № 20. – С.30–31, 220–221; *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи // САИ. – 1964. – Вып. Е 1-44, № 24. – С.28; *Бочаров Г.Н.* Художественный металл Древней Руси. – М., 1984. – С.101–103.

3 *Ржига В.Ф.* Очерки по истории быта домонгольской Руси. – М., 1929. – С.53.

4 *Исаченко А.* Как читать надпись на чаре Владимира Давыдовича (до 1151 г.)? // Russian linguistics: International Journal for the Study of the Russian Language. – 1977. – Vol. 3, N 3, 3/4. – P.229–233.

5 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С.28.

6 *Приселков М.Д.* История русского летописания. – Л., 1940. – С.81.

7 *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. – М., 1970. – Т.1. – С.21–22.

8 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – Спб. – Т.3. – 1903. – С.1238.

9 Изборник 1076 г. – М., 1965. – Л. 236.

10 Там же. – Л. 237.

11 *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. – М., 1969. – С.202.

12 *Кузаков В.К.* Особенности науки и техники средневековой Руси // Естественнонаучные представления Древней Руси. – М., 1978. – С.21–22.

13 *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л., 1972. – С.165–166, 169–170.

14 Там же. – С.439.

15 Там же. – С.503–504.

16 *Никольский В.* К вопросу о формах и происхождении древнерусской братины // Сб. Оружейной палаты. – М., 1925, С.74–75.

17 *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941. – С.91–92.

18 *Селищев А.М.* Критические заметки по истории русского языка // Уч. зап. Моск. пед. ин-та : Кафедра русского языка. – 1941. – Т. 5, вып. 1. – С. 183; *Аванесов Р.И.* Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ берестяных грамот. – М., 1955. – С.89–90; *Борковский В.И.* Лингвистические данные новгородских грамот на бересте // НГБ (1953–1954). – С. 106–107.

19 *Филин Ф.П.* Указ. соч. – С.244–255.

20 *Зализняк А.А.* Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. – М., 1984. – С.36–153.
21 *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. – С.28.
22 *Рыбаков Б.А.* "Слово о полку Игореве" и его современники. – М., 1971. – С.106–110.
23 *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой орде. – М., 1978. – С.55.
24 *Ржига В.Ф.* Указ. соч. – С.53.
25 *Рыбаков Б.А.* "Слово о полку Игореве" и его современники. – С.114–116.
26 *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С.85, 98.
27 ПСРЛ. – Т.25. – Стб. 65.

В.Я.РУДЕНОК

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АНТОНИЕВЫХ ПЕЩЕРАХ В г.ЧЕРНИГОВЕ

Исследования последних лет не только обнаружили новые, не известные ранее объекты в составе уникального комплекса подземной культовой архитектуры XI–XIX вв. – Антониевых пещер в Чернигове, но и позволяют реконструировать структуру древнейшей части монастыря, расположенной на двух ярусах.

Антониевы пещеры Троицко-Ильинского монастыря в Чернигове – уникальный памятник подземной культовой архитектуры XI–XIX вв.

В "Повести временных лет" указывается время их основания – 1069 г. и разъясняется причина бегства Антония Печерского из Киева в Чернигов – гнев возвратившегося из Польши и восстановившего свои права на киевский стол Изяслава Ярославича, против которого выступил Антоний во время восстания 1068 г. и мести которого опасался[1].

В Чернигове Антоний был любезно принят князем Святославом Ярославичем, который справедливо полагал, что пребывание здесь столь известного религиозного деятеля положительно скажется на авторитете черниговской церковной организации, а стало быть, и княжества в целом.

Первоначально монастырь назывался Богородицким[2]. В XII в. у входа в пещеры была построена каменная церковь. Ее название – церковь Пророка Ильи – впервые упоминается в XVII в.[3] Монастырь получает наименование Ильинский и сохраняет его до освящения в 1695 г. Троицкого собора, ставшего главным храмом монастыря[4].

Интерес к пещерам Ильинского монастыря как к памятнику истории проявился уже в XVIII в. В 1786 г. в книге "Черниговского наместничества топографическое описание" исследователь местных древностей А.Шафонский указывает на древнерусское происхождение Антониевых пещер и дает их краткое описание[5].

Более подробная характеристика пещерного комплекса содержится в книге "О достопамятностях Чернигова", написанной в первой половине XIX в. директором Черниговской гимназии Н.Е.Марковым. Автор не только указывает на возраст Антониевых пещер и их местонахождение, но и впервые попытался охарактеризовать планировку комплекса подземных сооружений и их размеры[6].

Наибольшее количество публикаций, посвященных пещерам Ильинского монастыря, приходится на вторую половину XIX – начало XX в.

В основном это более или менее объемные разделы в обобщающих работах по истории Чернигова и Троицко-Ильинского монастыря[7]. Однако есть и публикации, посвященные непосредственно Антониевым пещерам[8]. Большинство из них помещено на страницах Черниговских губернских ведомостей и Черниговских епархиальных известий.

Эти работы, несмотря на несомненную их ценность, чисто описательны, в них полностью отсутствует исторический анализ, что затрудняет их использование в качестве самостоятельного источника.

Первые попытки исследования Антониевых пещер предприняты в конце XIX – начале XX в., в результате чего ученые Д.В.Айналов, Н.В.Покровский, Д.И.Иловайский пришли к выводу, что комплекс основан в XI ст.[9]

В советский период научное изучение Антониевых пещер началось в конце 60-х годов силами Черниговской спелео-археологической секции Общества охраны памятников истории и культуры[10].

© В.Я.Руденок, 1990
ISBN 5-12-002523-4 Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

Анализ письменных источников и результаты археологических и геологических исследований памятника дают возможность составить историческую характеристику комплекса и выдвинуть соответствующие предположения об устройстве монастыря в древности.

В настоящее время Антониевы пещеры представляют собой комплекс подземных ходов и сооружений общей протяженностью более 320 м и объемом 3345 м^3. Расположены они в толще правого коренного берега р.Десны в уроч.Болдина гора. Пещеры выкопаны в лессовидных суглинках на глубине до 12 м по отношению к поверхности горы. Состоят из трех облицованных кирпичом подземных церквей и часовни, а также ряда земляных помещений и галерей, которые справедливо считаются наиболее древними. Работы по сооружению кирпичных пещерных церквей произведены в XVIII–XIX вв., причём в ходе работ комплекс претерпел коренные изменения. В это время частично или полностью уничтожены попавшие в зону строительства древние участки подземелий, а тому, что сохранилось, определили функции, отвечающие новому назначению пещер, которые к тому времени из монастыря превратились в центр религиозного паломничества. Так, при строительстве церкви Феодосия Тотемского (современный объем 860 м^3) были разрыты помещения, расположенные в границах объема церкви, а те, что выходили за пределы этих границ, стали использовать в новом качестве. В помещениях верхнего яруса устроили хоры с двумя выходами в подкупольное пространство притвора с центрального придела. В нижнем ярусе, остатки которого расположены за восточной стеной алтаря церкви Феодосия, образовался подземный некрополь.

Утвердившееся в настоящее время мнение о многоярусности Антониевых пещер неверно. Галереи и помещения подземного комплекса расположены не на четырех ярусах, а на двух, так как первый и второй находятся на одинаковом уровне, а отдельные помещения так называемого четвертого этажа опускаются ниже среднего уровня третьего. Но и двухъярусность является не древней конструктивной особенностью, а результатом проведенной в XVIII–XIX в. реконструкции, о которой говорилось выше. Ныне не известны древние ходы,соединяющие этажи Антониевых пещер, зато и первый, и второй ярусы имели в древности отдельные выходы на поверхность, что подтверждает их планометрическую самостоятельность. Нижний ярус (некрополь) пещер в описаниях прошлого столетия вообще не упоминается, хотя наличие там захоронений XIX в. свидетельствует о том, что он был известен и функционировал. Поэтому кажется правомерным вывод, что Антониевыми пещерами в XIX в. считали только те подземелья, вход в которые непосредственно примыкал к Ильинской церкви и в которых были устроены пещерные храмы. Все другие подземелья Ильинского монастыря, расположенные рядом, в том числе и некрополь, в это понятие не включались.

Такое неверное представление об Антониевых пещерах сохранилось до нашего времени. Оно упрощает само понятие "пещерный монастырь", представляя его в виде экзотического лабиринта хитросплетенных ходов и помещений. Исследования приводят к иным выводам. Пещерный монастырь – это своеобразный пещерный город, расположенный на определенном участке возвышенной местности и состоящий из ряда подземных помещений: церквей, келий и т.д. Именно по такому принципу формировались пещерные монастыри Болгарии и Византии[11].

Возле Ильинской церкви исследованы четыре пещеры, есть данные о существовании еще трех. Все они расположены на ограниченной территории (до 100 м^2) в склонах одного оврага и могут считаться единым пещерным комплексом.

Антониевы пещеры, несомненно, являлись центром монастыря, его древнейшей составной частью, и поэтому реконструкция их первоначального вида имеет важное научное значение. На решение данной задачи были направлены архитектурно-археологические исследования, проведенные здесь в 1987–1988 гг.* Их результаты подтвердили древнерусское происхождение Антониевых пещер, позволили определить их древнейшую часть и выявили некоторые архитектурные особенности.

Исследования полевого сезона 1987 г. производились на втором ярусе пещер. Начинались работы с расчистки заполненного переотложенным грунтом помещения, с юга примыкающего к подземной церкви Николы Святоши и соединенного с ней галереями.

* Исследования проводились силами Черниговского государственного архитектурно-исторического заповедника и Черниговской городской спелео-археологической секции Общества охраны памятников истории и культуры под руководством автора.

К началу работ "Грот" (условное название объекта)[12] представлял собой земляное помещение в плане формы неправильного круга диаметром 4,5–5 м с неправильной формы полусферическим куполом (вследствие вывалов) высотой до 2 м. В южном и восточном направлениях от "Грота" фиксировались засыпанные до сводов земляные проходы неопределенных очертаний. Восточный после поворота на север соединился с алтарем церкви Николы Святоши, южный оканчивался глухим завалом.

Частичная расчистка показала, что "Грот" и отходящий от него в восточном направлении ход представляют единое помещение длиной около 12 м, вырубленное в лессовидном суглинке. Оно ориентировано с востока на запад, грушевидной в поперечном сечении формы. Собственно грот – это наиболее широкая (свыше 5 м) его западная часть. Здесь же отмечена и наибольшая высота – 4 м.

Центральная часть (ширина 13 м, высота 2,5 м) доходит до соединения с алтарем церкви Николы Святоши. Далее следует самая узкая часть: высота 2 м, ширина 1,8 м. Восточная часть смыкается с заваленным помещением, расположенным за алтарем церкви. Назначение данного объема пока не установлено.

Несмотря на то что исследования "Грота" и примыкающего к нему помещения продолжаются, можно сделать вывод, что обследуемый объект является пещерной церковью. Об этом говорят ее размеры (объем около 150 м^3, площадь около 40 м^2), конфигурация и ориентация. В ходе исследования заполнение объекта было разрезано по всей длине до уровня материкового пола.

Полученная стратиграфия показывает, что помещение первоначально имело материковый, хорошо утрамбованный пол, который перекрывал слой намыва толщиной до 1,5 м. Замыв многослойный и неоднородный по своему составу. Преобладают желтый суглинок и светло-серая супесь. Намыв, в свою очередь, перекрыт рыхлым слоем суглинка, образовавшимся в результате многочисленных обвалов и перекопов. Очевидно, помещение церкви сначала было на 1,5 м заполнено слоем намыва, проникшего в пещеры с восточной стороны, и больше не восстанавливалось. Замыв произошел в тот период, когда пещеры были заброшены (т.е. с 1239 г. до начала XVIII в.).

Обнаруженный во время исследований материал располагался на уровне первоначального пола, под слоем замыва; датируется не позднее XII–XIII вв. Среди находок преобладает строительный материал: плинфа, поливная керамическая плитка пола (аналогичная плитке, использованной при строительстве Ильинской церкви). Фрагмент плинфы желтого цвета имеет метку в виде трезубца на постели, обломок красной плинфы – клеймо в виде буквы "С" на торце. Кроме того, обнаружены два венчика керамических сосудов, которые датируются серединой XII в. Материал более поздних периодов отсутствует. Все это позволяет выдвинуть версию о древнерусском происхождении церкви.

Дальнейшие исследования проходили в южном от "Грота" направлении. В ходе исследований установлено, что на юг от него расположено продолговатое помещение одинаковой высоты и ширины – около 3 м. Ее длина превышает 10 м (расчищено не до конца). В поперечном сечении данный объем имеет грушевидную форму, сужаясь книзу и расширяясь в средней части. Свод сильно поврежден в результате вывалов. Предполагаемая первоначальная высота 2,2–2,5 м. Предположительно помещение являлось трапезной церкви. Трапезная была замыта одновременно с церковью и больше не возобновлялась. Она имела расположенный в южной части выход на склон горы, напротив северного входа в Ильинскую церковь.

В верхнем ярусе пещер не обнаружено ни одной жилой кельи, что еще раз подтверждает планировку монастыря по принципу пещерного города. Обнаруженная церковь являлась его главным храмом.

Таким образом, исследования последних лет позволяют предположительно реконструировать древнейшую часть Ильинского пещерного монастыря – Антониевые пещеры.

В настоящее время это комплекс подземных ходов и сооружений, расположенных на двух ярусах. До перестроек XVIII–XIX вв. каждый из них представлял самостоятельную подземную систему. Первая часть нижнего яруса – некрополь. Здесь известны погребения XVII–XIX вв. Время возникновения некрополя не установлено. Он имел самостоятельный выход на поверхность. Вторая часть яруса – церковь Феодосия Тотемского – более позднего происхождения. В результате ее строительства и произошло соединение первого и второго ярусов пещер.

Второй (верхний ярус) состоит из земляной церкви и примыкающей к ней с юга трапезной, имеющей выход к Ильинской церкви. Они датируются периодом не позднее середины XII в. и могут считаться древнейшей частью Антониевых пещер, т.е. предположительно церковью Богородицы (исходя из древнего названия монастыря). Остальные помещения верхнего яруса перестроены в XVIII–XIX вв., и в связи с недостаточной изученностью датировке и реконструкции пока не подлежат.

Дальнейшие исследования Антониевых пещер и других подземных сооружений вблизи Ильинской церкви должны дать новые материалы для реконструкции структуры монастыря.

1 ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 2. – С.185.
2 Там же. – С.185.
3 *Филарет.* ИСОЧЕ. – Чернигов, 1873. – Т. 2. – С.6.
4 Там же. – С.8.
5 *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание. – Киев, 1851. – С.270–271.
6 *Марков Н.Е.* О достопамятностях Чернигова. – Чернигов, 1882. – С.21–23.
7 *Маркевич Н.* Чернигов : Историческое и статистическое описание Чернигова. – Чернигов, 1852.– С.13–15.
8 *Ефимов А.* Черниговский Свято-Троицкий-Ильинский монастырь. – Чернигов, 1911. – С.56–62; *Котляров С.* Город Чернигов // ЧГВ. – 1851. – № 23. – Часть неоф. – С.240; *Филарет.* ИСОЧЕ. – Т. 2. – С.41–42; *Барадулин Г.* Церковь Святого пророка Ильи и Пещера преподобного Антония Печерского в г.Чернигове. – Чернигов, 1897; *Тищинский А.А.* Пещера при церкви Ильи в Чернигове // ЧГВ. – 1887. – № 59. – Часть неоф. – С.59.
9 *Ефимов А.* Указ. соч. – С.57.
10 *Кузнецов Г.А.* Отчет об обследовании Антониевых пещер в Чернигове в 1970 г. // Арх. ИА АН УССР. – С.1–13.
11 *Ханджийский А.* Обители в скалах. – София, 1985. – С.5–148.
12 *Кузнецов Г.А.* Отчет о работе Черниговской спелео-археологической секции за 1984 г. // Арх. ИА АН УССР. – С.11–17.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	–	Археологічні дослідження на Україні
АН	–	Архитектуриое наследство
АО	–	Археологические открытия
АП УРСР	–	Археологічні пам'ятки УРСР
АС	–	Археологический съезд
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ЖМВД	–	Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП	–	Журнал министерства народного просвещения
ЗОРСА	–	Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИСОЧЕ	–	Историко-статистическое описание Черниговской епархии
КСИА АН СССР	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА	–	Краткие сообщения ИА АН УССР
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МПК	–	Московский предварительный комитет
НА ИА АН УССР	–	Научный архив Института археологии АН УССР
НГБ	–	Новгородские грамоты на бересте
ПВЛ	–	Повесть временных лет
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
ПУАК	–	Полтавская ученая архивная комиссия
САИ	–	Свод археологических источников
СА	–	Советская археология
УІЖ	–	Український історичний журнал
ЧГАИЗ	–	Черниговский государственный архитектурно-исторический заповедник
ЧГВ	–	Черниговские губернские ведомости
ЧЕИ	–	Черниговские епархиальные известия
ЧИМ	–	Черниговский исторический музей
ЧПЛ	–	Чернігів і Північне Лівобережжя
AE	–	Archaeologiai Ertesito
AH	–	Archaeologia Hungarika
AR	–	Archeologicke rozhledy
PA	–	Pamatki archeologicke
SA	–	Slovenska archeologia

СОДЕРЖАНИЕ

Толочко П.П. Задачи историко-археологического изучения Южной Руси 3
Половец В.М. Черниговщина на путях перестройки 6
Брайчевский М.Ю. Черниговский княжеский дом и Автор "Слова о полку Игореве" 10
Коваленко В.П. К исторической топографии Черниговского детинца 15
Казаков А.Л. К вопросу об усадебной застройке Черниговского Предградья XI–XIII вв 23
Орлов Р.С. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова 28
Гребень П.Н. Кровля надвратной церкви княжеских ворот XII–XIII вв. в Чернигове 34
Потапов А.В. Новые материалы к истории скотоводства и охоты в древнем Чернигове 37
Шмидт Е.А. Памятники типа Тушемля – Колочин и формирование древнерусских племен в северной части Верхнего Поднепровья 41
Петрашенко В.А. Вольнцевская культура на Правобережном Поднепровье 47
Григорьев А.В. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры 50
Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) 56
Сытый Ю.Н. К истории изучения Черниговского Задесенья 62
Трусов О.А. Сравнительный анализ строительной техники черниговского, полоцкого (витебского) и гродненского монументального зодчества 66
Приймак В.В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. . . . 69
Шекун А.В. К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры (по материалам Черниговщины) 73
Беремейчик Е.М. Охранные исследования поселения X–XIII вв. у с.Петруши 76
Вознесенская Г.А. Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. 83
Розанова Л.С. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольский период 92
Виногродская Л.И. Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XV в 96
Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси 99
Гурьянов В.Н., Шичаков Е.А. Курганы Стародубского ополья 107
Кулаков В.И. Ирзекапинис и Шестовицы 111
Булкин В.А., Зоценко В.Н. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь IX–XI вв. . . . 117
Коваленко А.Б. XIV Всероссийский археологический съезд и развитие исторических исследований на Черниговщине 123
Медынцева А.А. Чара Владимира Давыдовича 128
Руденок В.Я. Новые данные об Антониевых пещерах в г.Чернигове 135

3 р. 30 к.

НАУКОВА ДУМКА

Проблемы археологии Южной Руси